

Международный издательский центр
ЭТНОСОЦИУМ

Этносоциум

и межнациональная культура

№ 9 (159)

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки России журнал «Этносоциум и межнациональная культура» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Этносоциум (многонациональное общество)

Миссия журнала – поддержка и развитие культуры и этики научных исследований в сфере политики, политологии, экономики регионов и международного права, в том числе посредством распространения знаний в области разработки стратегий инновационного развития, а также создание профессионального форума обсуждения тенденций и политики в сфере науки, технологий и инноваций.

Издание входит в Перечень ВАК, РИНЦ и НЭБ

Москва
Этносоциум 2021

СОВЕТ ПО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЯМ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ

Баглиева А.З., Баглиева З.З.

Этнонациональное самосознание
и менталитет народов Дагестана - важный фактор
политической стабильности современного общества.....9

Нина Рамос Росио Леонор

Подходы ведущих мировых держав
к формированию нового мирового порядка.....17

Трофимова Н.Н. Формирование цифровой культуры
как инновационный процесс развития цифрового общества.....29

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Иларионова Т.С. Российские немцы

в интернете: любительский интерес к истории.....39

Махмудов А.С. Категория «институт»

в системе нового институционализма в политологии.....49

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Бирюков И.Л., Денисова Л.Л.,

Похилько А.Д. Ценностные ориентации молодежи
в социокультурном контексте молодежной политики.....58

Федирко О.П., Крупянко А.А.

Самоидентификация населения современной Амурской области и его готовность к миграции (по материалам социологического опроса).....	67
---	----

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Шэнь Сяочэнь Эволюция развития стратегического восприятия США в Центральной Азии.....	76
---	----

Храбина Йозеф Хищники и добыча: хищение как стратегия завоевания.....	88
---	----

Оян Мэйхэ, Чжоу И Обзор обучения приезжающих в Китай иностранных студентов в течение 13-й пятилетки Шанхайского политико-юридического университета.....	101
---	-----

Евсюков А.А. Оценка влияния пандемии Covid-19 на деятельность транснациональных корпораций.....	113
---	-----

Чжан Сяолин Чайная сцена в традиционной китайской чайной культуре: определение, характеристики и функции.....	121
--	-----

Аннотации	128
------------------------	-----

Авторы	141
---------------------	-----

Требования к материалам, представляемым в международное издательство «Этносоциум»	145
--	-----

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Рябова Е.Л., доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ВЕДУЩИЕ РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ

Озеров В.А., кандидат юридических наук, Член Совета Федерации РФ — представитель от Законодательной думы Хабаровского края.

Зорин В.Ю., доктор политических наук, профессор, Член Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации, заместитель директора Института этнологии и антропологии Российской Академии Наук, Член Общественного Совета при Федеральной миграционной службе России.

Михайлов В.А., доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой политического анализа и управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, член Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации.

Болтенкова Л.Ф., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Михайлова Н.В., профессор кафедры политического анализа и управления РУДН, доктор политических наук.

Михайленко А.Н., профессор кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Факультета национальной безопасности Института права и национальной безопасности Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор.

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и управления МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Власов В.И., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Государственный советник Российской Федерации 3 класса.

Стаськов Н.В., доктор политических наук, Генерал-лейтенант военно-политический эксперт.

Летуновский П.В., доктор политических наук, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии войсковой ПВО Вооруженных Сил РФ имени маршала Советского Союза А.М. Василевского.

Игнатов И.С., кандидат политических наук, старший советник юстиции.

Нечипоренко В.С., доктор исторических наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Пономаренко Б.Т., доктор исторических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Иларионова Т.С., доктор философских наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, генеральный директор Института энергии знаний.

Поканинова Е.Б., доктор философских наук, кандидат социологических наук, действительный член РАЕН.

Кондрашихин А.Б., доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и менеджмента, Институт экономики и права (филиал) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» г. Севастополе.

Фотина Л.В., доктор экономических наук, профессор кафедры государственной службы и кадровой политики Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Советник Российской Федерации 2 класса.

Абрамов В.Л., доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра исследований международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; профессор кафедры «Государственное регулирование экономики» института государственной службы и управления Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, академик РАЕН.

Бахарев В.В., доктор социологических наук, профессор Белгородского государственного университета.

Данакин Н.С., доктор социологических наук, профессор Белгородского государственного технологического университета.

Никонов А.В., доктор исторических наук, профессор, Государственный советник РФ 1 класса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Ремарчук В.Н., декан факультета «Социальные и гуманитарные науки» Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана, доктор философских наук, профессор.

Бормотова Т.М., доктор социологических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра №1.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОСТАВ

Дон Ансельмо Сантос, доктор политических наук, профессор, г. Мадрид.

Добров П.В., доктор исторических наук, профессор, академик и член президиума Украинской академии исторических наук, декан исторического факультета Донецкого национального университета, Заслуженный работник образования Украины.

Бирюков С.В., доктор политических наук, профессор, школа современных международных и пространственных исследований Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай, КНР).

Солонин К.Ю., доктор философских наук, Профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Профессор Института китайской классики Народного университета Китая. Пекин.

Маурицио Негри, президент Союза фольклористов Италии, член Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО).

Хорхе Марти Мартинес, Чрезвычайный Полномочный Посол.

Грэм Стоуэрс, политолог, эксперт, Великобритания.

Гюльзар Ибрагимова, доктор политических наук. Профессор Университета Нигде Омер Халисдемир, отделение Политологии и Международных Отношений Факультета Экономических и Административных Наук. Турецкая Республика.

Хикмет Кораш, профессор Университета Нигде Омер Халисдемир. Турецкая Республика.

CHIEF EDITOR

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Social Sciences, Professor.

EDITORIAL BOARD

LEADING RUSSIAN SCIENTISTS

Ozerov V.A., Candidate of Legal Sciences, Representative public authority of the Khabarovsk region.

Zorin V.U., Doctor of Political Sciences, Professor, member of the Council for Interethnic Relations of the President of the Russian Federation, Deputy Director of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, member of the Public Council of the Russian Federal Migration Service.

Mikhailov V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored worker of science of Russia, head of the Department of political analysis and management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, member of the Council for Interethnic Relations of the President of the Russian Federation.

Boltenkova L.F., Doctor of Legal Sciences, Professor, State Advisor of the 1st class.

Mihailova N.V., Professor of the Political Analysis and Management PFUR, Doctor of Political Sciences.

Mikhaylenko A.N., Professor of International security and Russian foreign policy chair at the Department of national security, Institute of law and national security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Political Sciences, Professor.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor MADI (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Vlasov V.I., Doctor of Legal Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, State Advisor of the 3rd class.

Staskov N.V., Doctor of Political Sciences, military and political expert, Lieutenant-General.

Letunovsky P.V., Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, head of the department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines of the Russian Federation Armed Forces Army Air Defense Military Academy named after the Marshal of the Soviet Union A.M. Vassilevsky.

Ignatov I.S., Candidate of Political Sciences, senior advisor of justice.

Nechiporenko V.S., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ponomarenko B.T., Honoured worker of higher education, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ilarionova T.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of energy of knowledge.

Pokaninova Y.B., Doctor of Philosophical sciences, PhD in Sociological sciences, Academician RANS.

Kondrashihin A.B., Economic Sciences, Professor, Professor of Economics and Management of the Academy of Labour and Social Relations, Sevastopol.

Fotina L.V., Doctor of Economic Sciences, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, State Advisor of the 2nd class.

Abramov V.L., Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher of the Research Center of International Economic Relations in the Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of «State regulation of the economy», the International Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Academy of Natural Sciences.

Bakharev V.V., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The Belgorod State University.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The Belgorod State Technological University.

Nikonov A.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, State Councillor of the 1st class, the Lomonosov Moscow State University.

Remarchuk V.N., Dean of the Faculty of Social and Humanitarian Sciences», The Bauman University, Doctor of Philosophical Sciences, Professor.

Bormotova T.M., Doctor of Sociology, All-Russian Scientific Research Institute of the Russian Interior Ministry, Chief Researcher at the Research Center №1.

INTERNATIONAL COMPOSITION

Don Anselmo Santos, Doctor of Political Sciences, Professor, Madrid.

Dobrov P.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician, member of the Presidium of the Ukrainian Academy of Historical Sciences, Dean of the Historical Faculty of Donetsk National University, Honored worker of education of Ukraine.

Biryukov S.V., Doctor of Political Sciences, Professor, School of advanced international and area studies at the East China Normal University (ECNU) (Shanghai, China).

Solonin K.Y., Doctor of Philosophy, Professor of St. Petersburg State University, Professor of the Institute of Chinese classics, Chinese People's University. Beijing.

Maurizio Negri, President of the Union of folklorists of Italy, Member of the United Nations Educational Scientific and Cultural Organization (UNESCO).

Horhe Marti Martinez, Ambassador. Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador.

Graeme Stowers, Political scientist, expert, UK.

Gulzar Ibrahimova, Doctor of Political Sciences. Professor of the Omer Khalisdemir University, Department of Political Science and International Relations, Faculty of Economic and Administrative Sciences. Turkiye Cumhuriyeti.

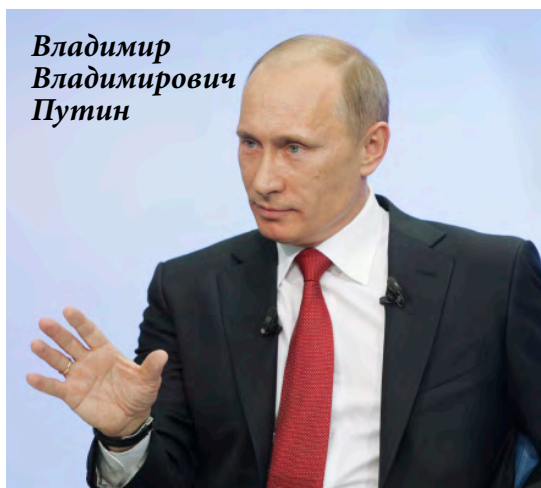
Hikmet Koras, Professor of the Omer Khalisdemir University. Turkiye Cumhuriyeti.

С

ОВЕТ ПО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЯМ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ

Продолжаем публикации статей, в том числе и конкурсных (<http://etnosocium.ru/konkursnaluchshuyunauchnuyuinauchnopolbitsisticheskuyurabotupotememolodezhnatsionalnayap>) для Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ. Приглашаем к продолжению обсуждения темы: “Этика и политика”.

**Владимир
Владимирович
Путин**

Михайлов В.А.

Зорин В.Ю.

Баглиева А.З.

*Доцент кафедры социогуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО
«Дагестанский государственный педагогический
университет», доктор философских наук.*

Баглиева З.З.

*Доцент кафедры гуманитарных дисциплин ГАОУ ВО
«Дагестанский государственный университет
народного хозяйства», кандидат исторических наук.*

Этнонациональное самосознание и менталитет народов Дагестана - важный фактор политической стабильности современного общества

Этнонациональное самосознание является ядром, а также духовным источником любой национальной культуры, духовного бытия народа, и, как следствие, главной причиной социальной жизнедеятельности и самореализации этноса. Этнонациональное самосознание оказывает существенное влияние на умы людей, а также на все стороны жизнедеятельности того или иного народа.

В этнонациональном самосознании отражаются насущные проблемы различных народов. Прежде всего, это жизненная необходимость этноса существовать в качестве неповторимой единой целостной системы. Л. Рон Хаббард в своей работе «Дианетика» считает, что необходимость выживания отдельных этносов является главной целью человеческого индивида¹. Таким образом, Л. Рон Хаббард подтверждает и развивает основные идеи великих философов XX столетия - О. Кьеркегора, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, Н. Бердяева, Ж.-П. Сартра. Один из основателей экзистенциализма А. Камю трактует идею выживания термином «бунт», который является постоянной данностью «человека самому себе. Это не устремление, ведь бунт лишен надежды. Бунт есть уверенность в подавляющей силе судьбы, но без смирения, обычно ее сопровождающего»². Идею А. Камю подтверждает и развивает его единомышленник Ж.-П. Сартр, который считает, что человек «должен обрести

1 Хаббард Л. Рон. Дианетика. Современная наука душевного здоровья. М., 1996. С. 26.

2 Камю А. Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990. С. 53.

себя и убедиться, что ничего не может его спасти от себя самого, даже достоверное доказательство существования бога. В этом смысле - экзистенциализм - это оптимизм, учение о действии»³.

Из вышеизложенных теорий логично вытекает главная функция этнонационального самосознания, заключающаяся в витальной экзистенции этноса как целостного субъекта своей исторической. Также определяется необходимость народов в социокультуротворческой деятельности, где этнос реализуется как необходимая составляющая человеческого общества, имеющего свои собственные черты самобытности и представления о ценности своего существования.

Социокультуротворческая необходимость является общечеловеческой необходимостью. К. Маркс также заявлял, что человеческий индивид является общественным существом. «Поэтому всякое проявление его жизни... является проявлением и утверждением общественной жизни»⁴.

Таким образом, диалектику этнонационального самосознания необходимо, по нашему мнению, рассматривать как меру исторического сдвига его мировоззренческих ориентационных акцентов с националистических к интернациональным. Существует необходимость в определении и регулировании этнокультурной жизни в соответствии с взглядами этноса и о социальной целесообразности, совершенстве и предпочтительности. Далее, существует необходимость в знаниях этноса «о себе» и «о других», в теоретическом и философском освоении бытия и своего места в нем, о тенденциях духовного и культурно-исторического самовозвышения. Определяется также необходимость в культурно-символических и культурно-исторических приемах, средствах и методах поддержания этнокультурного самосознания и единства. Следующий тезис - необходимость в независимости и суверенности в рамках витальной и символической этничности. Необходимость в межнациональной коммуникации, итогом которой является соотношение гуманистического, интернационалистического, репрессивно-экспансионистского, реакционного в ходе исторического контроля собственных территориальных и культурных границ. Культура этнонационального самосознания реализуется в межнациональной коммуникации.

Реализация выше перечисленных потребностей и необходимостей неизменно влечет за собой существенные позитивные и негативные трансформации в духовном облике этносов.

3 Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1990. С. 344.

4 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 42. С. 119.

Это - этническая трансформация, этническая консолидация, этническая дивергенция в форме парциации - образование нескольких самостоятельных этносов из одного с неповторимыми этнонациональными самосознаниями; отделение от полиэтнического пространства какой-то его части с целью образования нового самостоятельного этнического организма - сепарация.

Б.Ф. Поршнев в работе «Социальная психология и общественная практика» отмечал, что «Формирование этнического самосознания происходит в результате противопоставления отдельных свойств, образов и других особенностей в результате межнациональной коммуникации. Подобное противопоставление своей общности другой, способствовало фиксации к активному закреплению своих этнических отличий внутри общности, что влекло за собой скрепление общности⁵. В процессе коммуникации этносов и межнационального общения неизменно происходит формирование автостереотипов и стереотипов, которые «носят позитивный характер. Народ, сознающий себя, склонен видеть себя и свои интересы, потребности и запросы как предпочтительные, бесспорные, правомерные, естественные, - отмечал А.Г. Агаев в своей работе «Нациология: Философия национальной экзистенции». Он утверждал, что национальные стереотипы, напротив, в своем большинстве выражают негативную оценку иных национальностей. Они строятся на предубеждениях, возникающих у людей, контактирующих национальностей в ре столкновения мнений»⁶.

Отличительная особенность этнического самосознания проявляется в совокупности эмоционально-окрашенных стереотипов. Причина возникновения этноцентризма заключается в преувеличенных представлениях этноса о себе как о наиболее передовом и прогрессивном в сравнении с характерными чертами других этносов, - считал В.П. Фоминых.

Культурно-функциональный акцент национального самосознания заключается в его проникновении в чувственно-эмоциональную и рациональную сферы сознания человека, что неизменно влечет за собой выражение актуальных потребностей социокультурного бытия этносов. Этнонациональное самосознание есть форма общественного сознания и самосознания, отличительная особенность которой заключается в транслировании и преобразовании существующей окружающей действительности. Этноса испытывает потребность в индивидуальном саморазвитии. В результате этнос начинает воспринимать и ощущать

5 Поршнев Б.Ф. Социальная психология и общественная практика. М., 1966. С. 95.

6 Агаев А.Г. Нациология: Философия национальной экзистенции. Махачкала: Изд-во ДГУ, 1992. С. 87.

себя активным участником межэтнической коммуникации и своей собственной судьбы. В результате этнос вырабатывает собственное «я» в сообществе других этносов.

Самосознание этноса является индикатором его «пробуждения», характерной чертой национальных движений, борьбы против всякого национального гнета за создание национальной государственности.

Философ Л.В. Скворцов в своей работе «Культура самосознания» отмечал, что «Специфика самосознания состоит в том, что оно является основанием воли человека, его способности собственной жизнью утверждать реальность идеального. Принципы самосознания, таким образом, оказываются предпосылкой организации свободной деятельности человека, определения направленности его выбора»⁷.

Дагестанские этносы сосуществовали в единой экономической системе ввиду объективных исторических и географических факторов. Они были изначально взаимозависимы, и хозяйственная деятельность каждого этноса обуславливалась благополучием других. В результате в период средневековья возникло этногеографическое сообщество различных по языку и культуре народов, необходимостью существования которых было взаимное сотрудничество и взаимопомощь.

Конгломерат дагестанских этносов представлял собой совокупность тюркоязычных земледельцев равнины и предгорий (кумыки, терекмейцы, азербайджанцы), дагестаноязычных горцев, занимавшихся скотоводством и ремеслом (аварцы, даргинцы, лакцы, лезгины, табасаранцы, рутульцы, агулы, цахуры), а также из ираноязычных горских евреев, персов и татов, которые выступали торговыми посредниками между жителями равнины, предгорий и горами. Мясо, сыр, масло и др. продукты животноводства и ремесленные изделия обменивали на зерно, соль, нефть и другие товары.

Дагестанские этносы исторически, на протяжении многих веков проживали в многонациональной среде и десятилетиями вырабатывали уникальный опыт взаимной коммуникации, а также с другими соседними этносами. Нормами взаимного общения были общепринятые на Кавказе «образцы добрососедских взаимоотношений, народная дипломатия»⁸, благодаря которым разрешались локальные конфликты, возникавшие из-за земель, скота, природных недр и других материальных жизненно необходимых ценностей. Разрешение межэт-

7 Скворцов Л.В. Культура самосознания. М., 1967. С. 289.

8 Абдуллаев М.А. Из истории философской и общественно-политической мысли Дагестана (с древнейших времен до присоединения Дагестана к России). Махачкала.: Юпитер, 1993. С. 294.

нических конфликтов достигалось с помощью переговоров, а также маглиатского (третейского) суда при непосредственном участии конфликтующих сторон.

История взаимоотношений дагестанских этносов характеризовалась куначеством, добрососедством и дружественными взаимоотношениями, а не распрями и войнами. Всегда при появлении внешней опасности, дагестанцы забывали о внутренних распрях, они объединялись между собой и единой семьей выступали против внешних врагов. К примеру, таковой была борьба против иранских, арабских, турецких и других завоевателей и, особенно, в XVIII - XIX вв. против Надир - шаха, Кавказская война и др. Современным примером может служить вторжение боевиков на территорию Дагестана в августе 1999г. Таким образом, чувство единства народов Дагестана всегда было и остается сильнее внутренних межэтнических разногласий и непонимания.

Статус любого этноса имеет сложную структуру, так как он обуславливается объективными факторами – участием представителей этноса в системе управления, уровнем доходов, образовательным и культурным уровнями. Статус этноса определяется также такими характеристиками его сознания и самосознания как самооценка этноса в целом, а также составляющих его групп внутри самого этноса, отношением к нему контактирующих с ним других этносов в различных плоскостях. Таким образом, статус этноса является продуктом группового сознания, который воспринимается и интерпретируется личностью.

В.И. Ильин считает, что этнической статус имеет две разновидности: предписанный и приобретенный (достигнутый), а этносоциальная стратификация является, по сути, неравенством этнических полей и реализуется в неравенстве таких факторов как безопасность и надежность физического существования представителей этноса, уровень жизни, престиж, содержание власти, его место и роль в общественном разделении труда⁹.

Этносоциолог М.В. Савва определяет два главных субъективных элемента этнического статуса – внутреннюю сплоченность этноса и уровень устойчивости его этнической культуры. Современный этап развития человеческого общества демонстрирует возрастающее значение устойчивости традиционных культурных ценностей, способствующих повышению статуса этноса, и, как следствие, в полиэтнических сообществах статус традиционных групп является наиболее высоким¹⁰.

9 Ильин В.И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ, 1917-1996 гг.: Опыт конструктивистско-структуралистского анализа Сыктывкар. 1996. С. 277.

10 Савва М.В. Социокультурные факторы этнополитической стабильности // Межнациональные отношения в условиях социальной нестабильности. СПб., 1994. С. 66-84.

Этнический статус в многонациональных регионах является определяющим фактором социального самочувствия каждого человека, в то время как его низкий статус напрямую зависит от чувства этнической ущемленности¹¹. Преобладание натурального хозяйства в совокупности с природно-климатическими условиями горных народов приводило к изолированности и замкнутости этносов, что в свою очередь тормозило процесс нивелирования местных особенностей этих этносов вплоть до присоединения Кавказа к России. Следует отметить повышенное самосознание кавказских народов по сравнению с другими типами социальной идентификации.

Подобная ситуация характерна для регионов со сложной этнической структурой и не сформированными процессами этнического строительства. Однако отнюдь не этнические и исторические факторы являются главной причиной проблем и конфликтов в многонациональных регионах. Эти конфликты носят сложный характер и имеют объективные внутренние и внешние причины.

В формирование этнического самосознания народов Дагестана большое значение имеет исторически сложившийся горский этикет как единство норм и правил, регулирующих поведение людей в разных ситуациях. Горский этикет нивелирует возможные конфликты и выполняет консолидирующую функцию. Семейные родовые отношения тесно переплетены с соседскими и куначескими отношениями. «Современная социально-политическая ситуация ещё более актуализирует общинные отношения у всех народов. Нравственные характеристики культуры связаны со способностью соблюдать твёрдые правила и не отступать от них», - считает Н.З. Бикмухаметова¹². Культуры северокавказских этносов имеют четыре главных составляющих, такие как уважение к старшим, культ гостя, личная честь и взаимопомощь. Достоинства такой модели поведения и общения наглядны, так как личная честь и взаимозависимость людей отнюдь не свидетельствуют о беспомощности, безвластии и отсутствии контроля, а наоборот, демонстрируют способность людей воздействовать на других, брать на себя ответственность и обязательства в отношении других.

В.А. Лабунская, обобщая опыт различных исследователей, считает, что «жители Северного Кавказа демонстрируют в своем поведении

11 Малхозова Ф. М. Социально-психологические особенности этнической толерантности в поликультурном регионе. Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1999. С. 45.

12 Бикмухаметова Н.З. Ментальность провинциальной молодежи в условиях трансформации общества // Вестн. ун-та. Сер., Социол. и упр. персоналом / Гос. ун-т упр. М., 2006. № 1. С. 10.

ряд параметров, характерных для стереотипа «взаимозависимого Я», поскольку особой ценностью для этнических групп, проживающих на Северном Кавказе, является направленность на других, включенность их в процесс оценки своего «Я», ограничение выражения своего «Я» (модель «скромного» человека), ориентация на социально одобряемое и т.д.

Представители таких этносов не только способны противостоять групповому давлению, но и обладают способностью противостоять внешнему влиянию, разрушающему идентичность данных этносов.

Определяющим фактором существования этнической общности дагестанских народов является близость межнациональных норм взаимодействия. Позитивное влияние на межнациональные отношения оказывают деловые отношения между людьми разных этносов, а также заключение между ними браков. Таким образом, межэтнические отношения оказываются включенными во всю систему общественных отношений и определяются большим спектром индивидуально-психологических, культурных и бытовых характеристик.

На современном этапе развития общества Дагестан в этническом отношении представляет собой единство средних и немногочисленных народностей, у преобладающей части которых отсутствует самостоятельный этнический статус, или входят в состав других более крупных по численности народов. При этом малочисленные народы продолжают сохранять свое этническое самосознание¹³.

Дагестан, расположенный между Востоком и Западом, является своеобразным шлюзом, который позволяет на протяжении веков кумулировать и соединять экономическую модернизацию и культурные обычаи многочисленных цивилизаций.

Список литературы:

1. Хаббард Л. Рон. Дианетика. Современная наука душевного здоровья. М., 1996. 26 с.
2. Камю А. Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990. 53 с.
3. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1990. 344 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Том 42. 119 с.
5. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и общественная практика. М., 1966. 95 с.
6. Агаев А.Г. Нациология: Философия национальной экзистенции. Махачкала: Изд-во ДГУ, 1992. 87 с.
7. Скворцов Л.В. Культура самосознания. М., 1967. 289 с.
8. Абдуллаев М.А. Из истории философской и общественно-политической мысли Дагестана (с древнейших времен до присоединения Дагестана к России). Махачкала: Юпитер, 1993. 294 с.
9. Ильин В.И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ, 1917-1996 гг.: Опыт конструктивистско-структуралистского анализа Сыктывкар. 1996. 277 с.
10. Савва М.В. Социокультурные факторы этнополитической стабильности // Межнациональные отношения в условиях социальной нестабильности. СПб., 1994. С. 66-84.

¹³ Муртузалиев С.И. Этнопсихологические аспекты межнациональных отношений в «зоне нестабильности». (Эмпирическое исследование в Дагестане и на Северном Кавказе). Махачкала, 2006. 96 с.

11. Малхозова Ф.М. Социально-психологические особенности этнической толерантности в поликультурном регионе. Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1999. 45 с.
12. Бикмухаметова Н.З. Ментальность провинциальной молодежи в условиях трансформации общества // Вестн. ун-та. Сер., Социол. и упр. персоналом / Гос. ун-т упр. М., 2006. № 1. 10 с.
13. Муртузалиев С.И. Этнопсихологические аспекты межнациональных отношений в «зоне нестабильности» (эмпирическое исследование в Дагестане и на Северном Кавказе) Махачкала, 2006. 96 с.
14. Баглиева А.З. Ментальность как базовая константа этнонационального сознания. // Человек и труд. - М., 2009. № 9. С. 53-55.
15. Баглиева А.З. Культура и глобализация. // Вестник ДНЦ. - Махачкала, 2004. № 18. С. 73-78.
16. Баглиева А.З. Менталитет как социокультурный феномен и специфика его трансформации в условиях Дагестана. Монография. Махачкала. 2008. 195 с.

References

1. Hubbard L. Ron. Dianetics. The modern science of mental health. M., 1996. 26 p.
2. Camus A. Rebellious man. Moscow: Politizdat, 1990. 53 p.
3. Sartre J.-P. Existentialism is humanism // Twilight of the Gods. Moscow: Politizdat, 1990. 344 p.
4. Marx K., Engels F. Works, Volume 42. 119 p.
5. Porshnev B.F. Social psychology and social practice. M., 1966. 95 p.
6. Agaev A.G. Naziology: The Philosophy of National Existence. Makhachkala: DGU Publishing House, 1992. 87 p.
7. Skvortsov L.V. The culture of self-awareness. M., 1967. 289 p.
8. Abdullaev M.A. From the history of the philosophical and socio-political thought of Dagestan (from ancient times to the annexation of Dagestan to Russia). Makhachkala: Jupiter, 1993. 294 p.
9. Ilyin V.I. State and Social Stratification of Soviet and Post-Soviet Societies, 1917-1996: Experience of Constructivist-Structuralist Analysis Syktyvkar. 1996. 277 p.
10. Savva M.V. Sociocultural factors of ethnopoltical stability // Interethnic relations in conditions of social instability. SPb., 1994. P. 66-84.
11. Malhozova F.M. Socio-psychological characteristics of ethnic tolerance in a multicultural region. Diss. ... Cand. Psychological Sciences. M., 1999. 45 p.
12. Bikmukhametova N.Z. The mentality of provincial youth in the context of society transformation // Vestn. un-that. Ser., Sociol. and exercise. staff / State. un-t exercise. M., 2006. № 1. 10 p.
13. Murtuzaliev S.I. Ethnopsychological aspects of interethnic relations in the "zone of instability" (empirical research in Dagestan and the North Caucasus) Makhachkala, 2006. 96 p.
14. Baglieva A.Z. Mentality as a basic constant of ethno-national consciousness. // Man and Labor. - M., 2009. № 9. P. 53-55.
15. Baglieva A.Z. Culture and globalization. // Bulletin of the DNTs. - Makhachkala, 2004. № 18. P. 73-78.
16. Baglieva A.Z. Mentality as a sociocultural phenomenon and the specifics of its transformation in the conditions of Dagestan. Monograph. Makhachkala. 2008. 195 p.

Нина Рамос Росио Леонор

Аспирантка кафедры международной безопасности
и внешнеполитической деятельности России,
Факультет национальной безопасности
Института права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации.

**Подходы ведущих
мировых держав к формированию
нового мирового порядка**

Введение

В современных условиях происходит трансформация мирового порядка, обусловленная преобразованиями в межгосударственных политических отношениях. Изменения в мировом порядке потребовались в связи с неуклонным изменением расстановки сил на мировой арене в пользу развивающихся стран. Эти изменения наблюдаются в экономической, политической, военной и других сферах. Так, в экономике доля развивающихся стран в мировом ВВП с 1990 года возросла 20% до 41,5 по итогам 2018 года. В то же время доля развитых стран за тот же период снизилась с 80% до 58,5%. В мировой торговле, начиная с 2000 года, доля развивающихся стран в мировом экспорте товаров и услуг выросла с 34,7% до 48,4% и с 25,5% до 32,9%, в мировом импорте товаров и услуг – с 30,4% до 44,7% и с 30,0% до 41,2%, соответственно¹.

Такие изменения в соотношении сил на мировой арене требуют соответствующих изменений в мировом порядке. Однако доминировавшие ранее страны не готовы уступать бразды правления в системе глобального управления. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть позиции ведущих стран мира в отношении нового мирового порядка. От их позиции по этому вопросу во многом зависит, каким образом будут развиваться международные отношения на этапе становления нового мирового порядка, который может быть довольно продолжительным и занять несколько десятков лет.

¹ Доля развивающихся стран в глобальной торговле// Всероссийская академия внешней торговли // URL: <https://www.vavt-imef.ru/%D0%B4%D0%BE%D0%BB%D1%8F-%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D1%8E%D1%89%D0%B8%D1%85%D1%81%D1%8F-%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD-%D0%B2-%D0%B3%D0%BB%D0%BE%D0%B1%D0%B0%D0%B%D1%8C%D0%BD%D0%BE/>

Ведущие страны мира

Уже сегодня можно выделить наиболее крупных акторов мировой политики и экономики, позиции которых необходимо учитывать при формировании нового мирового порядка (таблица 1).

Данные таблицы 1 показывают, что одним из мировых центров силы является Российская Федерация, которая обладает мощным экономическим и военно-техническим потенциалом. Российская Федерация является важнейшим мировым центром принятия решений в сфере международной безопасности и ключевым центром влияния на политику на постсоветском пространстве. Кроме того, Россия обладает крупнейшим высокотехнологичным ядерным арсеналом, что гарантирует ей политическое влияние в мировой политической архитектуре.

Другим важнейшим по своему влиянию центром силы являются США, которые после распада СССР стали глобальным политическим и экономическим гегемоном. Так, доля ВВП США в структуре мирового производства на момент 2021 года составляет 24,4% (20,9 трлн. долл.), что определяет высокий потенциал этой страны в мировой экономике. США обладают крупнейшим ядерным потенциалом, наиболее развитым финансовым рынком, а также имеют ряд других преимуществ, которые характеризуют их политический вес в современной политической парадигме.

Серьезный вес набирает Китай, который имеет высокий военно-политический вес в Азиатско-Тихоокеанском регионе. По паритету покупательной способности валовой внутренний продукт Китая уже обогнал американский. Экономический потенциал и положение Китая в мировой цепочке добавленной стоимости, высокий природоресурсный и военно-технологический потенциал определяют Китай как крупнейший центр силы в мировой политике.

Важнейшим мировым политическим и экономическим центром является Европейский союз, в состав которого входит 27 стран. Европейский союз, как крупнейшее интеграционное объединение, концентрирует в себе совокупность высокотехнологичных экономик, обладающих мощным финансовым потенциалом и согласованно проводящих единую внешнюю и оборонную политику. В рамках ЕС созданы наднациональные органы управления, которым национальные правительства 27 стран делегировали часть своих полномочий в области денежно-кредитной, правоохранительной, оборонной, таможенной, экологической и других направлений деятельности. Объединение 27 стран ЕС создает мощный центр силы в глобальной политической парадигме.

Таблица 1. Потенциальные центры силы в условия генезиса полицентричного мирового порядка.

Центр силы	Регион влияния	Ключевые интеграционные объединения и организации	Сильные стороны	Слабые стороны
Россия	Территория бывшего СССР	ЕАЭС, СНГ, БРИКС, ШОС	Большие запасы природных ресурсов, ядерный потенциал, политическое влияние, экономический и военно-технический потенциал.	Проблемы в экономике (низкий спрос, нефте-газовая зависимость), проблемы на территории постсоветского пространства, технологическое отставание от развитых стран, зависимость от импорта оборудования
США	Северная Америка, частично ЕС	USMCA	Глобальный финансово-экономический и военно-политический гегемон, ядерная держава	Высокая доля иностранного аутсорсинга в производственной цепочке, макроэкономические проблемы
Китай	Азиатский регион	ШОС, БРИКС, СААРК, ВРЭП	Большой объем трудовых ресурсов, военно-технический и экономический потенциал, запасы природных ресурсов, мировой промышленный центр, ядерная держава	Зависимость экономики от экспорта, старение населения, технологическое отставание от стран Запада
ЕС	Европа и бывшие колонии	-	Высоко-технологичные экономики, в составе несколько ядерных держав, мощные финансовые рынки	Глубокие внутренние проблемы в области интеграции на уровне ЕС, макроэкономические кризисы, терроризм

Бразилия	Латинская Америка	БРИКС, ЛАИ, МЕРКОСУР, УНАСУР	Положительные темпы развития промышленности региона, высокий природо-ресурсный потенциал, высокий потенциал сельского хозяйства	Бедность, малая доля квалифицированной рабочей силы, неэффективное государственное управление, низкий уровень развития инфраструктуры
----------	-------------------	------------------------------	---	---

Источник: составлено автором.

В современных условиях наблюдается тенденция формирования нового центра силы в Латинской Америке. Крупнейшей экономикой и политическим центром в Латинской Америке является Бразилия. Ее можно рассматривать как естественного лидера Латинской Америки. Страна входит в состав БРИКС вместе с Россией, Индией, Китаем и Южно-Африканской Республикой, имея с этими странами схожий экономический потенциал. Так, ВВП Бразилии на 2020 год составляет 2020 трлн. долл., ВВП на душу населения – 11 026 долл., доля от мирового ВВП Бразилии составляет 1,58%, годовая инфляция – 3,3%, международные валютные резервы – 343 млрд. долл., средняя заработная плата составляет 425 долл. в месяц. Таким образом, Бразилия является крупнейшей экономикой региона, которая характеризуется устойчивой макроэкономической ситуацией и имеет наиболее высокий среди латиноамериканских стран вес в мировой политике.

Позиции ведущих стран мира в отношении нового мирового порядка

В современных условиях происходит становление нового мирового порядка. В новых условиях неопределенным является то, какая парадигма политических отношений установится в мире. Сегодня между крупнейшими мировыми державами отсутствует консенсус по поводу приоритетов установления типа мирового порядка. Так, если Европейский союз заинтересован в генезисе мирового порядка, основанного на многостороннем мире, то, например, национальные интересы США заключаются в сохранении своего политического влияния в мире, что создает мотивацию к продвижению мира, основанного на правилах. Исходя из этого, возникает вопрос, какой тип мирового порядка наиболее выгоден странам с наибольшим экономическим и политическим потенциалом?

Как сталкиваются и солидаризируются их интересы в процессе генезиса нового мирового порядка?

На протяжении 15 лет со времен распада СССР и мировой социалистической системы **США** стали мировым гегемоном, обладая крупнейшим военным, научно-техническим и финансовым потенциалом. Это в свою очередь определило устройство однополярного мирового порядка, который превалировал в мире до середины 2000-х годов. Ускоренное экономическое развитие ряда развивающихся стран, таких, например, как Китай, Индия, Бразилия, обеспечило увеличение их политического веса в мировой политике. Восстановительный экономический рост в России после прохождения трансформационного кризиса, связанного с распадом СССР и переходом к смешанной экономической модели, обеспечил восстановление военно-технического потенциала и усиление политических позиций в мировой политике. Все это в совокупности способствовало снижению политического веса США как глобального гегемона в мировой политике и способствовало развитию процессов трансформации мирового порядка.

Для сохранения своего лидерства США пытаются не потерять свои позиции на мировой политической арене, продвигая идею генезиса мирового порядка, основанного на правилах. Вид мирового порядка, заложенный во внешнеполитический вектор США, предполагает выработку норм международного права на базе международных организаций, где наибольший вес имеют промышленно развитые страны во главе с США. Эти же нормы разрабатываются в рамках создаваемых под эгидой США международных коалиций. Эти односторонние нормы, которые наиболее выгодны промышленно развитым странам, западные страны предлагают положить в принципиальный базис нового миропорядка. Основой глобальной геополитической линии США является использование своего военного, экономического и технологического превосходства для воздействия на мировые политические и экономические процессы.

Ключевым партнером США в области осуществления торгово-экономических отношений и военно-политическим союзником по НАТО является **Европейский союз**. Он в рамках реализации собственного видения устройства мирового порядка преследуют соответствующие цели его трансформации. Для Европейского союза наиболее предпочтительным мироустройством должен стать многосторонний мировой порядок. Концепция эффективной многосторонности предполагает привлечение к процессу решения глобальных задач, помимо крупнейших акторов ми-

ровой политики, еще и государств, имеющих меньший политический и экономический вес. Кроме государственных образований, глобальные вопросы в рамках многосторонности решают также международные организации, корпорации и интеграционные объединения. Ключевой основой концепции многосторонности является выработка институциональных основ глобального взаимодействия акторов мировой политики и формирование механизма его соблюдения.

Европейский союз постулирует генезис мирового порядка, основанного на концепции многосторонности, где сам ЕС будет играть ведущую роль в процессе принятия решений по вопросам глобальной политики и экономики. Для этого политический вектор ЕС ориентирован на делегирование части ответственности ключевым партнерам. Например, Европейский союз является сторонником реформирования ООН, особенно в части реформирования системы принятия решений в Совете Безопасности ООН, направленной на увеличение числа субъектов, принимающих решения². Однако эксперты отмечают, что Европейский союз избирательно подходит к развитию сотрудничества с третьими странами. Целью сотрудничества Европейский союз ставит обеспечение собственных выгод, что делает схожим с внешнеполитическим вектором США, направленным на сохранение своей гегемонии и достижение собственных национальных интересов. Непременным первым условием сближения в сотрудничестве с другими странами ЕС ставит разделение европейских ценностей.

Нужно отметить, что интересы ЕС и США во многом солидаризируются, поскольку общий уровень экономического развития и общие демократические ценности создают естественный базис для сохранения взаимных интересов. С одной стороны, США и страны ЕС имеют наибольшее влияние в международных организациях, как органах глобального управления (например, МВФ, ОЭСР, группа Всемирного банка). Это создает им возможность определять общие правила игры на глобальной политической и экономической арене. С другой стороны, наблюдается и ряд противоречий. Политика США ориентирована на сохранение гегемонии Вашингтона в условиях усиления политических и экономических позиций развивающихся стран в мире (в первую очередь Китая и России). Политика ЕС в области трансформации мирового порядка направлена на плюрализм мнений в процессе определения вектора глобального управления путем привлечения большого круга стран, которые разделя-

2 Европейский союз в глобальном экономическом управлении / Отв. ред. М.В. Стрежнева. – М.: ИМЭМО РАН, 2017. 255 с.

ют их демократические ценности (демократия, права человека, трансгендерство и другие).

Важным внешнеторговым партнером ЕС является **Китай**, который проводит внешнеполитический вектор, направленный на генезис многостороннего мирового порядка. Идеологической основой концепции многостороннего мирового порядка является предложенная генеральным секретарем Си Цзиньпином в ноябре 2012 года концепция сообщества единой судьбы человечества. В процессе обеспечения многосторонности Китай преследует построить мир, в котором бы Пекин играл более активную роль в мировой политике. По словам китайского политолога Дин Шичуаня, генезис многостороннего мирового порядка позволил бы Китаю использовать больше возможностей для игры на противоречиях между другими странами, что позволило бы избежать ограничений, налагаемых на Китай этими странами³. Си Цзиньпин в своем выступлении на полях Генеральной ассамблеи ООН сформулировал пять ключевых направлений работы по формированию нового мирового порядка, основанного на сообществе единой судьбы:

1. Установление между всеми акторами мировой политики партнёрских отношений равенства, взаимопонимания и проведение совместных консультаций.

2. Формирование модели мировой безопасности, которая основана на совместном созидании, сотрудничестве и взаимодоверии, ориентированном на защиту мира.

3. В перспективе – стремление к развитию, обеспечивающему открытость и инновационность, инклюзивность и взаимное предоставление льгот.

4. Содействие межкультурным обменам, исходящим из поиска общего при сохранении различий, уважения специфики партнёров.

5. Создание экосистемы на принципах уважения природы и зелёного развития, гармоничного сосуществования человека и природы⁴.

Реализация этих принципов определяет подход Китая к генезису многостороннего экономического порядка, и, одновременно качественно отличает его от подхода ЕС. Китай, в отличие от ЕС, признает право стран на плюрализм идеологий и культур с учетом их исторического развития

3 Дин Шичуань. Шилунь Цзян Цзэминь дуй Дэн Сяопин «шицзе гэцзюй гуань» дэ цзичэн хэ фачжань (Точка зрения Цзян Цзэминя на вопрос развития и интеграции мировой архитектоники – высказывания Дэн Сяопина) // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи. 1999. № 11. С. 4-12.

4 Верченко Алла Леонидовна Продвижение Китаем идеи «сообщества единой судьбы человечества» // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prodvizhenie-kitaem-idei-soobschestva-edinoy-sudby-chelovechestva> (дата обращения: 04.05.2021).

и не делает акцент на сложившуюся форму государственного устройства.

Сегодня наблюдается тенденция формирования нового центра силы в Латинской Америке. Занимая довольно важное место на политической и экономической карте мира, Латинская Америка также находится в поиске наиболее целесообразной модели мироустройства. Крупнейшая страна региона Бразилия имеет наиболее высокий потенциал для формирования регионального центра. Политика Бразилии направлена на формирование многополюсного мира. Бразилия входит в БРИКС и крупнейшие интеграционные объединения региона, что усиливает ее позиции среди стран Латинской Америки. Важными в процессе формирования нового центра силы в Латинской Америке являются политические векторы нынешних крупнейших держав, которые участвуют в политических и экономических процессах в странах Латинской Америки. Однако ключевым является фактор успешной региональной интеграции, благодаря которой страны Латинской Америки смогут занять более высокие позиции в рейтинге международной конкурентоспособности, укрепить свои позиции в мировой экономике и политике.

Анализ внешнеполитических векторов крупнейших центров силы показал, что современный мировой порядок в условиях своей трансформации подвержен высокой турбулентности. Каждый из центров силы преследует собственные внешнеполитические цели, сталкиваясь друг с другом и одновременно сотрудничая в тех сферах, где происходит солидаризация их интересов. Однако сегодня уже понятно, что в будущем мироустройстве роль развивающихся стран в системе глобального управления возрастет. Президент России В.В. Путин в выступлении на Валдайском форуме отметил, что изменившаяся расстановка сил предполагает перераспределение долей в пользу тех растущих и развивающихся стран, которые до сих пор чувствовали себя обделёнными. Говоря прямо, доминирование Запада в мировых делах, начавшееся несколько столетий назад и ставшее едва ли не абсолютным на короткий период в конце XX века, уступает место намного более многообразной системе⁵. Это создает для России возможности и цель к налаживанию сотрудничества с развивающимися странами в связи с общностью их интересов по формированию более справедливого мира, где роль развивающихся стран в процессе глобального управления возрастет.

Россия и новый мировой порядок

В российском дискурсе, посвященном будущему устройству миро-

5 Заседание дискуссионного клуба «Валдай» // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66975>

вого порядка, наблюдается смешение понятий в официальных источниках и научной литературе. Часто даже в выступлениях официальных лиц многосторонность, многополюсность и полицентричность рассматриваются как синонимы. Так, министр иностранных дел Российской Федерации Лавров С.В. на ежегодной встрече со студентами и преподавателями Дипломатической академии МИД РФ в 2019 году заявил, что «глобальное развитие ориентировано на процессы, направленные на повышение многополярности и то, что мы называем полицентрическим миропорядком»⁶. Поэтому одним из выводов, который может быть сделан, состоит в том, что социальным заказом общества российской науке является разработка системы понятий, связанных с формированием нового мирового порядка.

Из нынешней понятийной неразберихи можно сделать вывод, что внешнеполитический вектор Российской Федерации ориентирован на генезис мира, основанного на соблюдении норм международного права⁷. Это подтверждают положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, где одним из приоритетов в обеспечении национальных интересов России на долгосрочную перспективу является поддержание стратегической стабильности, укрепление мира и безопасности, правовых основ международных отношений⁸.

Согласно официальной позиции Российской Федерации, в современных условиях происходит процесс трансформации мирового порядка. Происходит увеличение числа и активизация глобальных и региональных акторов мировой политики. Как отметил Лавров С.В., в настоящий момент формируется новый мировой порядок, который также можно назвать «постзападным». Этот процесс может занять долгое время. В сложившейся ситуации более важную роль начнут играть Китай, Индия, Бразилия и страны Африки, несмотря на попытки им помешать⁹.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации указано, что современный мир переживает период трансформации. Увеличение количества центров мирового экономического и политического развития, укрепление позиций новых глобальных и региональных

6 Лавров считает, что западная либеральная модель развития теряет привлекательность // URL: <https://tass.ru/politika/632723>

7 Михайленко А.Н. Полицентричный мир: каким ему быть? Вопросы политологии, 2015. № 4 (20). С. 89-101

8 Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>

9 Интервью Министра иностранных дел России С.В.Лаврова британскому телеканалу «Канал 4», Москва, 29 июня 2018 года // URL: https://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5K-JWVmR/content/id/3285972

стран-лидеров приводят к изменению структуры мирового порядка, формированию новой архитектуры, правил и принципов мироустройства¹⁰. Это во многом обусловлено сопротивлением со стороны США и ряда стран Запада, направленным на противодействие снижению их роли в мировой политике¹¹.

Как указывалось выше, внешнеполитический вектор США ориентирован на генезис мирового порядка, основанного на правилах. Это мироустройство предполагает выработку промышленно развитыми странами Запада определенных правил поведения, которые должны соблюдать все остальные страны. Целью мира, основанного на правилах, является подмена универсально согласованных международно-правовых инструментов и механизмов узкими форматами, где вырабатываются альтернативные, неконсенсусные методы урегулирования тех или иных международных проблем в обход легитимных многосторонних рамок. Это ущемляет интересы других, прежде всего развивающихся стран, в том числе и России. Михайленко А.Н. отмечает, что столкновение интересов США и развивающихся стран в процессе генезиса нового мирового порядка будет сопровождаться конфликтами и противоборством между крупнейшими центрами силы или полюсами мира¹². В этих условиях важным вектором внешней политики России является приверженность формированию полицентричного мирового порядка с сохранением активной позиции в мировой политике.

Несмотря на все попытки западных стран во главе с США помешать процессу трансформации мирового порядка, центробежные силы глобальной политической парадигмы будут способствовать увеличению роли крупнейших развивающихся стран в системе глобального управления. Лавров С.В. в связи с этим отмечает, что в современных условиях необходимо признать очевидное: процесс формирования полицентрической архитектуры мироустройства необратим, как бы его ни старались искусственно затормозить (и тем более обратить вспять). Большинство стран не хотят быть заложниками чужих геополитических расчетов, настроены на проведение национально-ориентированной внутренней и внешней политики¹³.

10 Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>

11 Михайленко А.Н. Россия в полицентричном мире // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 7 (97). С. 9-24

12 Михайленко А.Н. Контуры нового мирового порядка // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 8 (134). С. 143-158.

13 Там же.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что все ведущие страны мира понимают необходимость внесения изменений в существующий мировой порядок. Однако это понимание далеко не одинаковое. Так, внешнеполитический вектор Российской Федерации ориентирован на формирование полицентрического мирового порядка, основанного на полноправии ключевых акторов мировой политики в процессе осуществления глобального управления. Внешнеполитический вектор США направлен на генезис мирового порядка, основанного на правилах. Это дает США возможность, путем своего воздействия на международные организации, видоизменять нормы международного права, исходя из сиюминутных потребностей и определять императивы поведения других акторов мировой политики. Европейский союз стремится к формированию парадигмы многостороннего мирового порядка, правила функционирования которого будут определяться в Вашингтоне и Брюсселе. Политика Китая, как страны с крупнейшим экономическим и политическим потенциалом, ориентирована на построение многостороннего мирового порядка при сохранении его лидерства в решении глобальных вопросов.

В связи с этим можно предположить, что вопрос формирования нового мирового порядка имеет существенный конфликтный потенциал. Разрешить этот конфликт можно путем взаимных уступок, с учетом национальных интересов ведущих стран мира.

Список литературы:

1. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>
2. Баранов Д.Н., Бушуева Н.В. Анализ зарубежного участия в освоении углеводородного сырья Арктики и направления преодоления санкционных ограничений // Московский экономический журнал. 2021. № 4. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-zarubezhnogo-uchastiya-v-osvoenii-uglevodorodnogo-syrya-arktiki-i-naprasleniya-preodoleniya-sanktsionnyh-ogranicheniy> (дата обращения: 31.08.2021).
3. Верченко А.Л. Продвижение Китая идеи «сообщества единой судьбы человечества» // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prodvizhenie-kitaem-idei-soobschestva-edinoj-sudby-chelovechestva> (дата обращения: 04.05.2021).
4. Голобоков А.С. Становление и развитие внешнеполитической доктрины Китая // Ойкумена. 2010. № 3. // URL: www.oikum.ru/arc/lib/2010_03_12.pdf
5. Дин Шичуань. Шилунь Цзян Цзэминь дуй Дэн Сяопин «шицзе гэцзюй гуань» дэ цзинчэн хэ фачжань (Точка зрения Цзян Цзэминя на вопрос развития и интеграции мировой архитектоники – высказывания Дэн Сяопина) // Шицзе цзинцзи юй чжэчжи. 1999. № 11. С. 4-12.
6. Закария Ф. Постамериканский мир будущего. М.: Европа, 2009. 280 с.
7. Имангожина З.А., Ниязбекова Ш.У. Международное экономическое сотрудничество стран персидского залива в газовом секторе // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2019. № 1 (28). С. 15-20.
8. Михайленко А.Н. Полицентричный мир: каким ему быть? Вопросы политологии, 2015. № 4 (20). С. 89-101.
9. Михайленко А.Н. Контуры нового мирового порядка // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 8 (134). С. 143-158.
10. Михайленко А.Н. Контуры нового мирового порядка // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 8 (134). С. 143-158
11. Мухин А.А. Новая стратегия национальной безопасности США – информационная бомба? // URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/strategiya-natsbezopasnosti-ssha/>

12. Приверженность Евросоюза принципу многосторонности в условиях трансформации мирового порядка // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2016. № 2. С. 3-30.
13. Свешников А.А. Концепции КНР в области внешней политики и национальной безопасности / Китай в мировой политике. М.: РОССПЭН, 2001. 528 с.
14. Глобальная стратегия Европейского Союза по внешней политике и политике безопасности // URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eu_global_strategy_ru.pdf
15. Интервью Министра иностранных дел России С.В.Лаврова британскому телеканалу «Канал 4», Москва, 29 июня 2018 года // URL: https://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/3285972
16. Суслов Д.В. Куда идёт внешняя политика США: долгосрочные факторы и перспективы // URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/kuda-idyet-vneshnyaya-politika-ssha>
17. A Secure Europe in a Better World. European Security Strategy (ESS) // The European Council. Council of the European Union. 2003. P. 10. // URL: <https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/78367.pdf>

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>
2. Baranov D.N., Bushueva N.V. Analysis of foreign participation in the development of hydrocarbon raw materials in the Arctic and directions for overcoming the sanctions restrictions // Moscow Economic Journal. 2021. No. 4. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-zarubezhnogo-uchastiya-v-osvoenii-uglevodorodnogo-syrya-arktiki-i-napravleniya-preodoleniya-sanktsionnyh-ogranicheniy> (08.31.2021).
3. Verchenko A.L. China's Promotion of the Idea of a "Community of the Common Destiny of Mankind" // East Asia: Facts and Analytics. 2020. № 1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prodvizhenie-kitaem-idei-soobshchestva-edinoj-sudby-chelovechestva> (05.04.2021).
4. Golobokov A.S. Formation and development of China's foreign policy doctrine // Oikumena. 2010. № 3. // URL: www.oikum.ru/arc/lib/2010_03_12.pdf
5. Ding Shichuan. Shilun Jiang Zemin dui Deng Xiaoping "shijie geju guan" te jicheng he fazhan (Jiang Zemin's point of view on the development and integration of world architectonics - statements by Deng Xiaoping) // Shijie jingji yu zhengzhi. 1999. № 11. P. 4-12.
6. Zakaria F. Post-American world of the future. M.: Europe, 2009. 280 p.
7. Imangozhina Z.A., Niyazbekova Sh.U. International economic cooperation of the Persian Gulf countries in the gas sector // Bulletin of the Moscow University. S.Yu. Witte. Series 1: Economics and Management. 2019. № 1 (28). P. 15-20.
8. Mikhailenko A.N. The polycentric world: what should it be? Political Science Issues, 2015. № 4 (20). P. 89-101.
9. Mikhailenko A.N. The contours of the new world order // Ethnosocium and interethnic culture. 2019. № 8 (134). P. 143-158.
10. Mikhailenko A.N. The contours of the new world order // Ethnosocium and interethnic culture. 2019. № 8 (134). P. 143-158.
11. Mukhin A.A. New US National Security Strategy - Information Bomb? // URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/strategiya-natsbezopasnosti-ssha/>
12. Commitment of the European Union to the principle of multilateralism in the context of the transformation of the world order // Bulletin of Moscow University. Series 25: International relations and world politics. 2016. № 2. P. 3-30.
13. Svешников А.А. Concepts of the PRC in the field of foreign policy and national security / China in world politics. M.: ROSSPEN, 2001. 528 p.
14. Global Strategy of the European Union on Foreign and Security Policy // URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eu_global_strategy_ru.pdf
15. Interview of the Minister of Foreign Affairs of Russia Sergey V. Lavrov to the British TV channel "Channel 4", Moscow, June 29, 2018 // URL: https://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/3285972
16. Suslov D.V. Where is US foreign policy going: long-term factors and prospects // URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/kuda-idyet-vneshnyaya-politika-ssha>
17. A Secure Europe in a Better World. European Security Strategy (ESS) // The European Council. Council of the European Union. 2003. P. 10. // URL: <https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/78367.pdf>

Трофимова Н.Н.

Кандидат экономических наук, доцент.
Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения.

Формирование цифровой культуры как инновационный процесс развития цифрового общества

Элементы культуры окружают современного человека повсюду. Однако современные достижения научно-технического прогресса позволяют нам, например, посещать музеи и достопримечательности, не выходя из дома, используя интернет-технологии. Однако при этом надо понимать, что цифровая культура – это не только оцифровка и перенос культурных объектов в виртуальную реальность. Цифровая культура основана на глобальных изменениях взаимодействия, коммуникаций и технологической жизнедеятельности человека. С появлением интернета и массовым использованием смартфонов и компьютеров цифровые технологии стали частью нашей жизни, в результате чего и сформировались термины «цифровая трансформация» и «цифровая культура».

Цифровая трансформация — это процесс адаптации бизнеса к изменяющимся условиям внешней среды [1]. Цифровая трансформация затрагивает сам процесс стратегического планирования изменений всех сфер деятельности компании с целью достижения максимальной эффективности ее деятельности. Эффективная цифровая трансформация невозможна без трансформации культуры компании.

Культура организации подобна айсбергу, потому что видны только определенные ее части.

Организационная культура проявляется в поведении и образе мышления людей, которые влияют и находятся под влиянием методов и ценностей компании [2].

Так называемая видимая часть айсберга проявляется с внешней стороны как поведение компании на рынке и методы ее работы. С точки зрения компании это выбранная бизнес-стратегия, ключевые показатели эффективности, а также технологии основные цели и мотивы руководства.

Скрытая часть «айсберга» культуры - это видение компании, ее ценности (частично видны), ожидания, глубоко укоренившиеся убеждения и неформальные правила и приоритеты, которые также влияют на процесс принятия решения.

Цифровая трансформация подразумевает создание новой, цифровой культуры. В организационном плане цифровая трансформация – это и есть прежде всего создание цифровой культуры. Согласно многочисленным исследованиям, приблизительно треть компаний, имеющих более низкую производительность по сравнению с предприятиями в той же области, имеют сложности с точки зрения развития и поддержания корпоративной культуры [3].

Таким образом, можно смело утверждать, что для обеспечения конкурентоспособности компаниям необходимо выработать цифровую культуру как часть культуры общества, корпорации, каждого специалиста и пользователя социальных сетей.

Для предприятий реального сектора экономики выход на седьмой - технологический уклад, основанный на приборо- и роботостроении, биокомпьютерных системах и биомедицине, иными словами, синтезе искусственных и органических систем, сам по себе выступает как цифровая культура, так как его спецификой и принципиальным отличием от предыдущих является применение на производстве человеческого сознания, т. е. когнитивных (от англ. conscious – сознание) технологий [4]. В этом случае цифровая культура является ключевым инструментом снижения негативных последствий и рисков, наиболее часто проявляющихся в предыдущих технологических укладах (экологичность, киберугрозы и т. д.) [5].

Цифровая культура подразумевает, что человек соблюдает так называемую цифровую этику: владеет навыками общения с другими пользователями, умениями представлять информацию, обеспечивать информационную безопасность, соблюдать законодательство по работе с данными.

В более широком контексте под цифровой культурой применительно к экономике понимаются разделяемые людьми смыслы, ценности, нормы, традиции, ритуалы.

В настоящее время цифровая культура подразумевает под собой такую идеологию управления, которая основана на использовании цифровых технологий [6].

В основе цифровой культуры лежит система ценностей, отражающих

процесс использования организацией цифровых технологий для достижения максимальной эффективности своей деятельности [7].

Цифровая культура основана на цифровых коммуникационных технологиях и цифровых социальных сетях, цифровых изображениях и визуализации, виртуализации пространства и материального мира, формировании системы ценностей на основе цифровых и информационных технологий и систем.

Организации с сильной цифровой культурой используют цифровые инструменты и аналитику на основе данных для принятия решений и ориентации на клиента, внедряя инновации во все процессы организации.

При целенаправленном внедрении цифровая культура может стимулировать устойчивое развитие компании и создавать ценность для всех заинтересованных сторон.

Хотя каждая организация имеет свою собственную культуру, можно выделить несколько ключевых направлений, которые позволяют организациям лидировать в применении цифровых методов работы, таких, как интегрированные технологии, Agile и другие. К таким направлениям можно отнести и цифровую культуру, хотя считается, что сама культура цифровой быть не может.

Преимуществами цифровой культуры является то, что она помогает организациям интегрировать экологические, социальные и управленческие обязательства и действия в рамках всей организации [8]. При этом в основе цифровой культуры лежат такие параметры, как партнерство, использование данных, акцент на потребителя и использование инноваций.

Актуальность создания цифровой культуры в рамках организации обоснована необходимостью поддержания конкурентоспособности в мире постоянных изменений.

Цифровая культура - это гибкость и наличие такой рабочей силы, которая позволяет реагировать на новые вызовы рынка, позволяя компании удерживать позиции.

Достижение конкурентоспособности организации благодаря цифровой культуре обеспечивается тремя способами:

- 1). Быстрая адаптация к постоянно изменяющейся окружающей среде.

Пандемия COVID-19 безвозвратно изменила методы ведения бизнеса, от удаленной работы до новых бизнес-моделей и каналов доставки.

За прошедшее с начала пандемии время технологические изменения привели к разрушению старой модели бизнеса и его эволюции. В настоящее время многие компании переосмысливают принципы и методы ведения бизнеса.

Цифровая культура помогает организации повышать внутренние к адаптации, а технические возможности позволяют сотрудникам работать и сотрудничать из любой точки мира. Инновационные продукты обеспечивают удовлетворение стремительно меняющихся потребительских предпочтений. Кроме того, каналы и бизнес-модели доставки работают эффективнее с поддержкой новых технологий.

2). Эффективное использование технологии.

Надо отметить, что мировые исследования показывают, что только 10% компаний понимают полную ценность своих инвестиций в технологии. И только каждый третий руководитель видит в культуре и поведенческих проблемах внутри организации серьезные барьеры для цифровой эффективности. К сожалению, на современном этапе развития экономики можно смело утверждать, что недостаточное внимание руководства к данным аспектам могут стоить провала всей организации.

3). Оказания устойчивого влияния на заинтересованные стороны.

70% институциональных инвесторов заявили, что ESG-факторы (экология, социальное развитие, корпоративное управление) станут отраслевым стандартом в течение ближайших 5 лет. 94% руководителей заявили, что устойчивость – это важный параметр для будущего успеха любого бизнеса. Инвесторы, клиенты и служащие все чаще ожидают, что компании помогут решить социальные проблемы. Вот почему больше, чем когда либо, компании выступают за защиту окружающей среды, и все больше внимания уделяют социальным и управленческим ESG целям.

Преимущества создания в организации цифровой культуры заключаются в следующем:

- помогает оптимизировать процесс принятия решений;
- создает дополнительную ценность путем внедрения инноваций для достижения ESG целей;
- способствует повышению инициативности работников, что дает возможность трансформировать бизнес под новые условия и оказывать более сильное влияние на стейкхолдеров.

Одновременно цифровая культура формирует и развивает среду для наиболее комфортного и эффективного использования сотрудниками цифровых технологий и инструментов.

Формирование цифровой культуры как ключевого фактора трансформации является сложным и неоднозначным процессом. Культура предприятия вырабатывается самостоятельными, высокоэффективными специалистами и обеспечивается соответствующей инфраструктурой. При этом цифровая культура сегодня нужна абсолютно всем специалистам как в технических, так и гуманитарных профессиональных сферах.

Ключевые проблемы, с которыми сталкивается руководство при попытке изменить культуру, заключаются в следующем.

Культурная трансформация сложна, потому что она требует изменения многих параметров: поведения и мышления сотрудников организации, организационных методов, применяемых в компании, ценностей компании, которыми руководствуются сотрудники.

При этом поведение скорректировать не так сложно, но, если не изменить само отношение и менталитет, то закрепить его достаточно сложно. Необходимо добиться соответствия поведения сотрудников ценностям компании. Однако для этого требуется время, так как убеждения формируются на основе опыта.

Невозможно напрямую изменить систему ценностей человека, но важно добиться у коллектива их понимания, потому что именно они влияют на человеческое поведение. Соответствие индивидуальных ценностей ценностям организации создает психологическую безопасность и чувство принадлежности, что влияет на отношение к работе и ее эффективность.

Необходимо тщательно проработать стратегию управления и ключевые показатели эффективности, а также систему мотивации. При этом стратегию определяют ценности компании и цели ее трансформации, которые и определяют дальнейшую политику ее поведения.

Таким образом, прежде всего при создании цифровой культуры необходимо сформировать требуемое отношение персонала к выполняемым обязанностям и ценностям компании.

В целом культура направлена на соблюдение определенного кодекса поведения. Она стимулирует действовать надлежащим образом, эффективно взаимодействовать с коллегами внутри и вне предприятия. Глубокие изменения производства, связанные с цифровой трансформацией, не могут быть долговременными без соответственного отношения к этому сотрудников.

Модели поведения, убеждения и ценности, способствующие развитию цифровой культуры.

Важно учитывать, что существующая организационная культура, основанная на иерархической власти и командах или подразделениях, конкурирующих за ресурсы, часто противоречит цифровой культуре с ее акцентом не на прямое следование командам, а на делегирование, сотрудничество, взаимопонимание, самодисциплину и самоорганизацию и ориентацию на инновации. В совокупности это приводит к росту скорости и качества цифровой трансформации. Вот почему важно распознавать модели поведения, убеждения, ценности и организационные методы, которые препятствуют или способствуют ее развитию [9].

Развитию цифровой культуры точки зрения менеджмента можно способствовать следующими способами.

1). Поведение корректируется путем так называемого моделирования сверху, когда руководитель открыто сообщает подчиненным о желаемом поведении, предоставляет своевременную обратную связь и вырабатывая новые привычки и модели поведения. В данном случае можно эффективно препятствовать нежелательному поведению, устраняя страхи и сопротивление персонала.

2). Убеждения формируются путем объяснения персоналу желаемых установок и того, как они влияют на конкретное поведение (например, как подходить к продажам или как обеспечивать обратную связь). Кроме того, важно проработать причины, удерживающие персонал от принятия новой модели поведения путем обсуждения в группах или индивидуально. На этом этапе целесообразно применять системный подход: если команда или отдельный человек сопротивляются изменениям, нужно сориентировать их на поведение тех, кто перестроился. (Так, например, можно обратить внимание на поощрения за изменения, получаемые другими сотрудниками или рабочими группами.)

3). Ценности человека изменить напрямую невозможно, поэтому руководителю как лидеру важно сосредоточиться на том, чтобы помочь своим командам понять совпадение личных и организационных ценностей для повышения их мотивации.

Для создания цифровой культуры важно применять организационные методы:

- Объявлять о новых политиках, процессах или способах работы;
- Скорректировать стимулы и ключевые показатели эффективности для поощрения желаемого поведения;
- Изменять стратегические направления, бизнес-модели или операционные модели;

- Модернизировать системы, внедрять новые технологии;
- Четко формулировать видение желаемого социального влияния организации и опыта сотрудников;
- Своевременно корректировать цели, чтобы привести текущее влияние заинтересованных сторон в соответствие с видением компании, и открыто обсуждать возможные компромиссы и приоритеты;
- Быть ответственным руководителем. Именно руководитель задает тон всей компании. То, на что он обращает внимание, и то, о чем говорит, определяет поведение и образ мышления коллектива. Поведение руководителя играет одну из ключевых ролей при формировании цифровой культуры. Посредством ролевого моделирования поведения и изучения и обновления собственных убеждений (улучшение цифрового «я») руководитель создает ориентир для следования. Через собственное видение в отношении стратегии, приоритетов и вознаграждений руководство компании неявно указывает, что именно является важным в данной компании. Стиль руководства также имеет значение. Вдохновляя подчиненных принимать решения и брать на себя большую ответственность за результаты, можно эффективно способствовать большему партнерству, инновативности и гибкой культуре.

Цифровая трансформация и культурные изменения, которые делают ее успешной, представляют собой многоступенчатый процесс, требующий углубленного планирования и контроля.

Руководители высшего уровня имеют возможность осуществлять эти изменения в масштабе всей компании. При этом повышение квалификации сотрудников и корректировка ключевых показателей эффективности особенно важны для долгосрочных изменений в поведении, поскольку они создают способность и готовность к изменениям.

Традиционно цифровая культура оценивается по возможности доступа к интернету, цифровым технологиям, уровню компьютерного оснащения рабочих мест и домохозяйств и т.п. Однако на самом деле, факт наличия и доступа к технологиям не является безусловным фактором роста эффективности, роста и развития как человека, так и общества. Необходимо формирование именно цифровой культуры и цифровой грамотности, позволяющей человеку использовать и извлекать максимальную пользу из цифровых технологий [9].

Уровень развития цифровой культуры можно оценить только через совокупность показателей, к основным из которых можно отнести:

- Вовлеченность человека в цифровые процессы, цифровую среду;

- Характер использования цифровых технологий;
- Как использование технологий способствует развитию и росту человека, общества, предприятия, государства;
- Креативность и инновационность (развитие высокотехнологичных отраслей, рабочих мест, создание инноваций и т.п.);
- Рост производительности труда – внедрение высокопроизводительного оборудования и технологий в производственные и рабочие процессы;
- Доступность технологий [10].

Таким образом, в заключение хотелось бы отметить, что показателем цифровой зрелости организации служит достижение определенного уровня цифровой культуры. Очевидно, что цифровые организации выполняют работу более динамично по сравнению с традиционными. Пластичная, не забюрократизированная структура их иерархии способствует ускорению принятия решений. С практической точки зрения цифровая культура выстраивает своеобразный кодекс поведения сотрудников, что создает благоприятную атмосферу для объективного анализа и свободных суждений, наделяет работников решимостью и чувством ответственности для принятия решений на месте.

Признаком высокой цифровой культуры и цифровой зрелости предприятий является видение и понимание контекста цифровой трансформации [11]. Для них наиболее характерны высокая интенсивность информационного потока, рациональная организация массивов данных (Big Data), корпоративная и личная цифровая культура. Поэтому в условиях цифровой трансформации для взаимодействия людей и коллективов необходимо выработать новую систему ценностей с позиции как создания эффективных цифровых систем и сообществ, так и взаимопонимания, взаимодействия специалистов и руководителей, использующих цифровые системы в совместной деятельности. По сути, требуется концепция цифровой культуры предприятия, формы, механизмы и инструменты ее формирования и внедрения в повседневную практику.

Мощным рычагом подъема цифровой культуры должна стать цифровая вертикаль, т. е. понимание и поддержка цифровой трансформации руководством на всех уровнях.

Цифровая культура должна стать необходимым элементом стратегии всего предприятия, быть адекватной условиям мировой экономики и гибкой в рамках глобализации.

Список литературы:

1. Селезнев, А.Ю. Культура производства и цифровые технологии - драйверы развития производственной системы // Главный механик. 2021. № 3. С. 4-9.
2. Миронова Н.А. Внедрение корпоративной культуры в коллектив организации // Московский экономический журнал. 2019. № 8. С. 539-545.
3. Трофимова Н.Н. Концепция устойчивого развития как стратегическая основа деловой репутации предприятий реального сектора экономики // Вестник Сургутского государственного университета. 2020. № 3 (29). С. 36-44.
4. Степанова И.Э. Организационная культура компании в эпоху цифровых технологий // NovaInfo. 2021. № 126. С. 32-34.
5. Трофимова Н.Н. Современные аспекты корпоративной социальной ответственности как средства устойчивого развития предприятий // Стратегии бизнеса. 2020. Т.8. № 9. С. 235-239.
6. Маслова В.М. Цифровая культура в обучении и развитии персонала организации // Самоуправление. 2021. №2 (124). С. 391-394.
7. Трофимова Н.Н. Необходимость развития корпоративной культуры для эффективной деятельности предприятий в условиях глобализации мировой экономики // Актуальные проблемы экономики и управления. 2020. № 3 (27). С.65-69
8. Бунковский Д.В. Методы минимизации рисков предприятия // Вопросы управления. 2018. № 5 (35). С. 125-129.
9. Левицкая И.А. Цифровая культура и цифровая трансформация общества // В сборнике: Новый взгляд на систему образования. Сборник трудов III Международной научно-практической конференции. Прокопьевск. 2021. С. 78-82.
10. Макарычева А.С. Роль и значение корпоративной культуры в эффективном управлении организацией // Научный журнал «NovaUm.Ru». Экономические науки. 2018. № 12. С. 131-134.
11. Набок О.А. // Цифровая культура, механизмы формирования цифровой культуры. Digital. 2021. Т. 2. № 1. 6 с.

References

1. Seleznev, A.Yu. Production culture and digital technologies - drivers of the production system development // Chief Mechanic. 2021. № 3. P. 4-9.
2. Mironova N.A. The introduction of corporate culture into the organization's staff // Moscow economic journal. 2019. № 8. P. 539-545.
3. Trofimova N.N. The concept of sustainable development as a strategic basis for the business reputation of enterprises in the real sector of the economy // Bulletin of the Surgut State University. 2020. № 3 (29). P. 36-44.
4. Stepanova I.E. Organizational culture of the company in the digital age // NovaInfo. 2021. № 126. P. 32-34.
5. Trofimova N.N. Modern aspects of corporate social responsibility as a means of sustainable development of enterprises // Business strategies. 2020. Vol. 8. № 9. P. 235-239.
6. Maslova V.M. Digital culture in training and development of the organization's personnel // Self-government. 2021. № 2 (124). P. 391-394.
7. Trofimova N.N. Necessity of development of corporate culture for effective activity of enterprises in the context of globalization of the world economy // Actual problems of economics and management. 2020. № 3 (27). P.65-69
8. Bunkovsky D.V. Methods for minimizing enterprise risks // Management issues. 2018. № 5 (35). P. 125-129.
9. Levitskaya I.A. Digital culture and digital transformation of society // In the collection: A new look at the education system. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference. Prokopyevsk. 2021. P. 78-82.
10. Makarycheva A.S. The role and importance of corporate culture in the effective management of the organization // Scientific journal "NovaUm.Ru". Economic sciences. 2018. № 12. P. 131-134.
11. Nabok O.A. // Digital culture, mechanisms for the formation of digital culture. Digital. 2021. Vol. 2. № 1. 6 p.

КТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

*Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации*

Российские немцы в интернете: любительский интерес к истории

В современном российском обществе в последние годы наблюдается повышенный интерес к истории. Этот интерес был, конечно, разбужен в ходе перестройки, когда начали открываться архивы и оказалось, что марксизм-ленинизм далеко не обо всем рассказывал советскому обществу. Сегодня государство уделяет вопросам интерпретации событий прошлого огромное внимание, а самые разные организации, научные и любительские, пробуют писать свою историю, например, Сбербанк (ныне – Сбер), который активно внедряется во все сферы бизнеса, также погрузился и в историю, причем именно пользовательскую историю – призывая граждан участвовать в его проекте и писать на сайте Сбера собственные посты¹.

Есть там информация и о российских немцах.

Российские немцы – один из 11 репрессированных народов СССР. 28 августа 1941 года Указом Верховного Совета СССР была упразднена АССР Немцев Поволжья, а ее население депортировано на Север, в Сибирь и Казахстан. После Великой Отечественной войны российские (тогда – советские) немцы длительное время оставались под надзором, на спецпоселении, и только в 1964 году вышел частично их реабилитировавший акт, позволивший вернуться к нормальной жизни, но не восстановивший автономную республику².

Именно эти трагические обстоятельства жизни народа при советской власти остаются значительной историко-психологической травмой для многих семей, а также темой для любительских (пользовательских) постов в Интернете. Сразу оговорюсь: нет никаких протестных сайтов или блогов российских немцев. Пыл дискуссий о возрождении немецкой автономии на Волге, который наблюдался на рубеже 1980-х - 1990-х годов, давно прошел.

Контент-анализа публикаций в Интернете, статистический анализ медиа-активности позволяют выявить целый ряд тенденций присут-

1 Российские истории // URL: <https://rustories.sber.ru>

2 Бугай Н.Ф., Дизендорф В.Ф., Иларионова Т.С., Петров Ю.А., Чеботарева В.Г. Немцы: 250 лет в России. Том I. М.: Гриф и К, 2012. С. 234-321.

ствия российских немцев в современном информационном пространстве. В условиях ограниченных информационных ресурсов российских немцев (а по нашим данным, в России для российских немцев в свет выходит 17 малотиражных официально зарегистрированных СМИ, причем только два из них являются интернет-изданиями) Всемирная сеть становится важнейшим средством этнокультурной коммуникации по вопросам истории народа.

Нельзя сказать, что российские немцы проявляют какую-то гиперактивность в освещении этой темы. Однако возник и развивается целый ряд ресурсов – как самостоятельных сайтов, так и групп в социальных сетях, а также постов отдельных пользователей в социальных сетях.

Сайты и посты в Интернете имели свою эволюцию развития. Если в 2006–2008 годах это были мало квалифицированные ресурсы, изобилующие ошибками и отражавшие разногласия в среде российских немцев относительно восстановления автономии³, то теперь совершенно изменился и тон публикаций, и сами темы⁴.

Интерес к истории народа получил научную основу с 1989 года, когда состоялась первая конференция, посвященная этой теме, в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Позже, с сентября 1994 года стали регулярно проводиться конференции по проблемам истории и культуры немцев России, сначала в Анапе, позже – в Москве и Саратове. Конференции способствовали сплочению живущих в разных субъектах Российской Федерации и в разных странах историков, в 1995 году была организована Международная ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев (МАИИКРН). Сегодня членами Ассоциации являются более 130 исследователей. Ассоциация первоначально действовала без регистрации юридического лица. Позже она вошла как проект в Международный союз немецкой культуры (МСНК).

С развитием Интернета организации российских немцев, прежде всего МСНК, стали активно использовать ресурсы сети для информационной работы. В июне 2003 года создается интернет-портал <https://rusdeutsch.ru/>, который помимо текущей информации о мероприятиях начинает публиковать материалы по истории народа, а позже создает специальную страницу <https://geschichte.rusdeutsch.ru/>, на которой сегод-

3 Иларионова Т.С. Российские немцы в интернете // Этнические немцы России: исторический феномен «народа в пути»: Материалы XII международной конференции 18–20 сентября 2008 г. М.: МСКН-Пресс, 2009. С. 141–147.

4 Иларионова Т.С. Народы России в Интернете // Гражданская солидарность в реализации государственной культурной политики: взаимодействие власти, общества и бизнеса : сборник материалов Культурного форума регионов России (Якутск – Москва, 25 сентября 2015 года) / Сост., общ. ред. О.Н. Астафьевой, О. В. Коротеевой. М.: ИП Лядов К.В., 2015. С. 283–288.

ня размещена электронная версия учебного комплекса «История немцев России», этот комплекс в 2005 году вышел в трех книгах (учебное пособие, хрестоматия и методическое пособие). Автор этих строк являлась одной из тех, кто работал над учебным комплексом⁵, а позже на основе текстов был сделан электронный учебник⁶. Учебник размещен также на сайте - <https://geschichte.rusdeutsch.eu/13> - европейском «зеркале» сайта <https://geschichte.rusdeutsch.ru/>.

С появлением МАИИКРН произошла концентрация сил ученых, Ассоциация стремилась включить в свой круг и непрофессиональных исследователей, хотя, конечно, привлекались к сотрудничеству, прежде всего, представители вузов, научных институтов, музеев и т.д. Свою версию истории российских немцев с артикуляцией политических требований (таких, как восстановление немецкой республики на Волге) предлагали общественности и журналисты, и деятели культуры из числа немцев, однако их голос был практически не слышен – мало кто брался публиковать такого рода исследования и заявления.

Однако обучение работе в сети активистов способствовало изменению ситуации. Интерес к истории народа не просто сохранился, но и стал удовлетворяться многими новыми «историками из народа», более того, активность на этом поле стала проявлять и молодежь.

Сегодня простой поиск по ключевым словам «история российских немцев» выдает несколько вполне профессионально сделанных сайтов, посвященных этой теме. Так, сайт <https://wolgadeutsche.net/autor.htm> создан специалистом по сельскому хозяйству Александром Шпаком, который, как он сам пишет, «под впечатлением рассказов родных о некогда существовавшей Республике немцев Поволжья, о выселении и трудармии, в раннем возрасте увлёкся историей немецкого Поволжья».

«В мае 2009 г. предпринял 4-хдневную поездку по бывшему Франкскому кантону, в ходе которой была проведена фотосъемка всех имевшихся на 2-5 мая 2009 года немецких захоронений в селах: Диттель, Кратцке, Меркель, Ротгаммель, Ней-Денгоф, Кольб, Гуккерталь (Мирный), Франк, Вальтер. На основе полученных данных, с целью запечатлеть для потомков сохранившиеся немецкие могилы в бывших немецких сёлах Поволжья, на сайте была создана база данных «Немецко-Поволжский некрополь»⁷.

Создатель этого русскоязычного сайта сам стремился влиться в про-

5 Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р. История немцев России: Методические материалы. – М.: BIZ-Bibliothek, 2005; Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р. История немцев России: Учебное пособие. – М.: BIZ-Bibliothek, 2005; Герман, А.А., Иларионова, Т.С., Плева, И.Р. История немцев России: Хрестоматия. – М.: BIZ-Bibliothek, 2005.

6 История немцев России // URL: <https://geschichte.rusdeutsch.ru/>

7 Geschichte der Wolgadeutschen // URL: <https://wolgadeutsche.net/autor.htm>

фессиональное историческое сообщество, выпустил две книги⁸. Однако именно работа (любительская и не оплачиваемая) в Интернете сделала его заметной фигурой в среде российских немцев. Сайт получился многопрофильным, ценно то, что там есть не только тексты, но и базы данных. А.А. Шпаку помогает небольшая команда. В том числе Виктор Дизендорф – некогда активный участник общественного движения российских немцев, также автор значительного количества текстов, однако так и не получивший кандидатской степени и оставшийся в числе «научных редакторов с опытом». Все члены этого творческого коллектива живут в Германии.

В помощь немецким переселенцам в Германию ведется сайт «RusDeutsche.ru» - «Немцы – переселенцы в Германию. Spätaussiedler»⁹. Там тоже много исторической информации, но главное - даются сведения на тему иммиграции, изменения германского законодательства, судебной практики по делам о перемене национальности, фамилии, включения членов семьи в заявление на переселение. Показательно, что сайт подделывается под ресурс МСНК – там rusdeutsch.ru, здесь – rusdeutsche.ru.

Создателями контента по истории российских немцев в сети стали в последние годы и музеи. На русском языке (как и на немецком) ведется германский сайт - <https://www.russlanddeutsche.de/ru>. Его «держателем» является музей истории российских немцев в Детмольде, земля Северный Рейн-Вестфалия (Museum für Russlanddeutsche Kulturgeschichte). Среди переселенцев из России и основателей этого музея есть бывшие вузовские работники, учителя средней школы. По преимуществу это российские меннониты, которые в переписной статистике учитывались как немцы. Сайт музея – это, конечно, в первую очередь приглашение в музей. Но короткие посты об отдельных исторических этапах жизни немцев в России сделаны вполне профессионально и хорошо с точки зрения русского языка. Музей стал достопримечательностью Детмольда, его поддерживает Федеральный Уполномоченный Федерального правительства по делам культуры и медиа Германии, так что деньги на поддержание и экспозиции, и сайта есть.

Вообще музеи стали даже чаще, чем иные некоммерческие организации, создавать и поддерживать сайты на темы истории российских немцев. Как правило, это делалось, по крайней мере раньше, на бесплатных или малобюджетных платформах, таких как wix или ukoz.

Но многие интернет-ресурсы сами стали виртуальными музеями. Например, сайт «История села Шукк» (кстати, тоже был размещен на ukoz¹⁰,

8 Шпак А.А. Административно-территориальные преобразования в Немповолжье. 1764-1944 гг. – Волгоград, 2012; Шпак, А.А. Республика в Поволжье. – Волгоград, 1993.

9 Кто мы, российские немцы? // URL: <https://rusdeutsche.ru/2017/04/26/kto-my-rossijskie-nemcy/>

10 История села Шукк // URL: <https://shuck.ucoz.ru/>

но потом «переехал» на собственный домен¹¹) и рассказывает о селе, которого больше нет: «Одним из сотен немецких сел в Поволжье было село Шукк, русское название Грязноватка. Село, где родились большинство моих предков, где они жили, работали, женились, выращивали детей и умирали».

На сайте есть информация о его создателе - Миллере Александре Доминиковиче¹². Как он сам о себе пишет, «родился в 1957 году в Красноярском крае, Емельяновском районе, селе Сухая Балка, с 1958 по 1992 год проживал в Казахстане, в Актюбинской области, с 1992 по 2004 проживал в России, в Омской области и с 2004 года проживаю в Германии. Образование средне-техническое. Окончил Оренбургский с/х техникум по специальности зоотехник».

Автор признается, что на протяжении ряда лет собирает материалы по истории села и по своей родословной, что и побудило его создать этот сайт 17 июля 2009 года.

Вот какие страницы есть на сайте: «Историческая Родина», «Немецкие колонии», «История немцев России», «Обычаи и традиции», «Традиционные жилища», «Национальные костюмы», «Школьное образование», «Деятельность колонистов», «Быт немцев колонистов», «Вероисповедание немцев», «История церкви в Шукк», «История села Шукк», «Историческая хроника», «План села Шукк», «Фотоархив села Шукк», «Село Шукк - в переписях», «Депортация немцев», «Шукк – Мартиролог», «Фамилии Шукк» и т.д. Одно это неполное перечисление страниц дает представление о контенте, о стремлении максимально полно подойти к описанию прошлого, которое ушло и не вернется. Показательно: сайт о селе есть, нет самого села.

Кроме сайтов немцев про немцев появилось немало региональных ресурсов, размещающих материалы о локальной истории, там встречаются и сюжеты про российских немцев. Так, сайт properm.ru, который делается ООО «Пропермь.ру», разместил материал «Спецпереселенцы. Как война и советская власть ударили по немцам, которые ни в чем не виноваты»¹³.

Нельзя не сказать и о тех интерпретаторах прошлого, которые тему российских немцев пытаются использовать в соответствии с собственными представлениями и установками. Многие интернет-ресурсы общего исторического интереса также касаются темы немцев в России, есть и те, кто как М.В. Назаров, основатель издательства «Русская идея» (там, впрочем, нет ни одного сотрудника) и одноименного сайта, ведет своего рода идейную борьбу за «самобытность России», пускаясь в

11 История села Шукк // URL: <http://www.schuk.ru/>

12 История села Шукк // URL: <https://shuck.ucoz.ru/>

13 Пропермь // URL: <https://properm.ru/news/society/171813/>

рассуждения об негативном немецком влиянии на Россия¹⁴. Или сайт «Альтернативная история», который поместил большой материал под названием «История Русских Немцев. Часть I, Колонизация России», собравший немало откликов читателей. Общий тон и статьи, и откликов: в России до революции шла усиленная германизация, и «если бы украинским крестьянам дали те же привилегии, то Россия могла бы обойтись без колонистов, так как всё Черноморское побережье превратилось бы в цветущий сад, да к тому же сэкономили бы очень много денег»¹⁵.

Есть и немало персональных блогов, где можно найти частное мнение об истории российских немцев. Все авторы – не из среды профессиональных историков, это любители. Так, Радмир Кильматов опубликовал статью «Немецкий след в России: хорошо и/или плохо?» (название говорит само за себя)¹⁶, а в «Блоге философа» приводится текст «Когда немцы управляли Россией»¹⁷. Автор под ником «raul-us-raul» размышляет на тему «Как немцы русскую историю переписывали»¹⁸. Наконец, в блоге pueritto можно найти текст о Челябинске: «Маленькая Бавария в индустриальном Челябинске, или «работа делает свободным» на уральский лад»¹⁹.

Сегодня важным каналом информации и для культурного обмена, и для бизнеса, и для государства являются социальные сети²⁰. В материале социальной сети maxpark.com «Немецкое иго в России»²¹ оказались собранными все негативные высказывания русских дореволюционных славянофилов о немцах. В статье образовательной социальной сети <https://nsportal.ru> преподаватель немецкого языка Н.Г. Ворошилова опубликовала, напротив, статью-похвалу «История российских немцев. Переселение, миграция российских немцев на территории Сибири в XVIII-XXI столетиях»²².

С организацией «Яндексом» платформы zen.yandex.ru большое количество авторов стало размещать свои исторические материалы, в том числе о российских немцах²³. В том числе и о спецпереселенцах в Челя-

14 Назаров М.В., «Русская идея». Российские немцы – кто они? Для себя и для нас. К 80-летию сталинской депортации // URL: <https://rusidea.org/250962737/>

15 История Русских Немцев. Часть I, Колонизация России // URL: <http://alternathistory.com/istoriya-russkih-nemtsev-chast-i-kolonizatsiya-rossii/>

16 «Немецкий след» в России: хорошо и/или плохо? // URL: <https://radmirkilmatov.livejournal.com/260376.html>

17 Когда немцы управляли Россией // URL: <https://blogfilosofa.livejournal.com/528.html>

18 Как немцы русскую историю переписывали // URL: <https://paulus-raul.livejournal.com/57713.html>

19 Маленькая Бавария в индустриальном Челябинске, или «работа делает свободным» на уральский лад // URL: <https://pueritto.livejournal.com/937537.html>

20 Шишова Н.В. Коммуникативная роль социальных сетей в комплексе продвижения // Новые медиа сегодня: представление о будущем медиа: материалы III Международной научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 24–27 сентября 2017 г.) / редакционная коллегия: Л.В. Солодовик (отв. ред.) и др. Ростов-на-Дону: ДГТУ, 2019. С. 157.

21 Немецкое иго в России // URL: <https://maxpark.com/community/4057/content/4816590>

22 Ворошилова, Н.Г. История российских немцев: переселение // URL: <https://nsportal.ru/shkola/inostrannye-yazyki/nemetskiy-yazyk/library/2016/12/12/istoriya-rossijskih-nemtsev-pereselenie>

23 Российские немцы, или история немцев в России // URL: <https://zen.yandex.ru/media/>

бинской области²⁴.

Есть и другой пользовательский взгляд на историю. Это - история предметов и явлений, в частности – кухни российских немцев. Плодотворная тема, благодаря которой авторы могут сообщать специфическую информацию о культуре, традициях, прошлом своего народа. Так, Ирина Меркер, автор книги на эту тему, организовала сайт «Кухня российских немцев - Вкус далёкой старины»²⁵, разместив контент книги.

Сайт «Кулинарная сказка, и не только»²⁶ ведут две женщины – Ирма Сабельфельд и Тамара Вернер. Сайт профессионально оформлен. Рецепты снабжаются комментариями на тему истории – откуда пришло то или иное блюдо, как его готовили на Волге или на Алтае.

Есть несколько групп в Facebook, по нашим подсчетам – 17, которые размещают свою информацию об истории и современности российских немцев на русском языке, их администраторы находятся в разных странах – в России, Германии, Казахстане. Численность групп невелика: максимум участников – 3,5 тыс. Часть групп – закрытые.

В Инстаграме под хештегом #российскиенемцы на момент исследования (октябрь 2020 года) было размещено 3864 публикаций.

Значительно расширились возможности публиковать материалы об истории за счет возникшего интереса к таким медиа, как Youtube. Подготовка роликов на темы истории стало увлекательным занятием для молодых пользователей из числа российских немцев (это показали, в частности, доклады во время Культурно-исторического семинара «Культура – гражданское общество – наука: в международном формате», прошедшего онлайн 13-14 октября 2020 года, его организатором был Международный союз немецкой культуры), отдельные из них достигают 300 тыс. просмотров. И это показательно: технические средства «диктуют свою волю», потому что осваиваются именно те каналы и оболочки, которые имеются, которые возникают. Сегодня именно видеоряд и звучащее слово стали наиболее привлекательной формой представления контента на темы истории российских немцев. Это влияет и на текстовые посты, потому что их авторы стали активнее, чем раньше, размещать и фотоматериалы, работая в формате лонгридов.

Youtube обнаружил и новую тенденцию в публикации исторического контента: здесь авторы, в отличие от принт-медиа или традиционных

id/5e610262d62d417b2fa8ad8e/rossiiskie-nemcy--ili-istoriia-nemcev-v-rossii-5e6413790e268f193d65d1ec

24 Челябинский ГУЛар // URL: <https://zen.yandex.ru/media/tainyurala/cheliabinskii-gulag-5a4cdab-f57906a261d8d498a>

25 Кухня российских немцев Вкус далекой старины // URL: <https://stihi.ru/2018/03/10/6514>

26 Кухня поволжских немцев // URL: <http://velia.su/category/povolzhje>

сайтов, стремятся зарабатывать на своей этничности - возникли и развиваются Youtube-каналы об истории кухни российских немцев, традиционной одежде, песенном искусстве, диалектах. Эти каналы привлекают рекламу и рассчитывают на интерес возможных покупателей (блюд, платьев, песенников и т. д.). Некоторые из роликов готовятся силами немецких культурных центров, в частности, Сибирского, другие – в рамках региональных отделений Немецкого молодежного объединения.

Все это серьезным образом конкурирует с профессиональной исторической наукой и журналистикой²⁷. И в то же время любительская журналистика подпитывается публикациями ученых и печатной прессы, в то время как ученые и профессиональные медиа слабо реагируют на новые явления в сфере пользовательского контента. Например, ни сайт газеты «Ihre Zeitung» в Омской области, ни официально выходящие в свет газеты, в том числе московская газета «Moskauer Deutsche Zeitung», и даже сайт rusdeutsch.ru практически не воспринимают новые приемы и темы любительских (пользовательских) интернет-ресурсов. Профессиональные медиа ориентируются на общественно-политические интересы, тогда как пользовательские активности преследуют цель удовлетворить частные интересы. Можно говорить о своего рода расслоении официальных и неофициальных медиа, возникают параллельные информационные пространства, рассчитывающие на привлечение разных аудиторий.

Вряд ли это можно оценивать негативно. Интернет стал для фактически разделенного народа (его представители живут сегодня в России, Казахстане, на Украине, в других постсоветских странах, а также в Германии и США) пространством объединяющем, где можно поверх границ получить новую информацию о прошлом, самому представить историю семьи, места, где живешь или где жили предки, выразить собственную точку зрения на события прошлого. И это значит, что любительский интерес к истории – важное и новое явление наших дней.

Список литературы:

1. «Немецкий след» в России: хорошо и/или плохо? // URL: <https://radmirkilmatov.livejournal.com/260376.html> (дата обращения: 28.04.2021).
2. Бугай Н.Ф., Дизендорф В.Ф., Иларионова Т.С., Петров Ю.А., Чеботарева В.Г. Немцы: 250 лет в России. Том I. М.; Гриф и К, 2012.
3. Ворошилова Н.Г. История российских немцев: переселение // URL: <https://nsportal.ru/shkola/inostrannye-yazyki/nemetskiy-yazyk/library/2016/12/12/istoriya-rossijskih-nemtsev-pereselenie> (дата обращения: 28.04.2021).
4. Герман А.А., Иларионова Т.С., Плеве И.Р. История немцев России: Методические материалы. – М.: BIZ-Bibliothek, 2005. 240 с.
5. Герман А.А., Иларионова Т.С., Плеве И.Р. История немцев России: Учебное пособие. – М.: BIZ-Bibliothek, 2005. 544 с.
6. Герман А.А., Иларионова Т.С., Плеве И.Р. История немцев России: Хрестоматия. – М.: BIZ-Bibliothek, 2005. 415 с.

27 Решетинская М.С. Факторы редакционной политики СМИ в освещении темы межэтнических взаимодействий // Этнокультурная политика в Сибирском регионе. Роль СМИ в укреплении единства российской нации”, научно-практическая конференция (2017; Новосибирск). Материалы научно-практической конференции «Этнокультурная политика в Сибирском регионе. Роль СМИ в укреплении единства российской нации» (г. Новосибирск, 22 марта 2017 г.). Новосибирск: Изд-во НГОНБ, 2017. С. 50-51.

7. Иларионова Т.С. Народы России в Интернете // Гражданская солидарность в реализации государственной культурной политики: взаимодействие власти, общества и бизнеса : сборник материалов Культурного форума регионов России (Якутск – Москва, 25 сентября 2015 года) / Сост. общ. ред. О.Н. Астафьевой, О.В. Коротеевой. М.: ИП Лядов К.В., 2015. С. 283-288.
8. Иларионова Т.С. Российские немцы в интернете // Этнические немцы России: исторический феномен «народа в пути»: Материалы XII международной конференции 18–20 сентября 2008 г. М.: МСКН-Пресс, 2009. С. 141-147.
9. История немцев России // URL: <https://geschichte.rusdeutsch.ru/> (дата обращения: 28.04.2021).
10. История Русских Немцев. Часть I. Колонизация России // URL: <http://alternathistory.com/istoriya-russkih-nemtsev-chast-i-kolonizatsiya-rossii> (дата обращения: 28.04.2021).
11. История села Шукк // URL: <http://www.schuk.ru/> (дата обращения: 28.04.2021).
12. История села Шукк // URL: <https://shuck.ucoz.ru/> (дата обращения: 28.04.2021).
13. Как немцы русскую историю переписывали // URL: <https://paulus-raul.livejournal.com/57713.html> (дата обращения: 28.04.2021).
14. Когда немцы управляли Россией // URL: <https://blogfilosofa.livejournal.com/528.html> (дата обращения: 28.04.2021).
15. Кто мы, российские немцы? // URL: <https://rusdeutsche.ru/2017/04/26/kto-my-rossijskie-nemcy/> (дата обращения: 28.04.2021).
16. Кухня поволжских немцев // URL: <http://velia.su/category/povolzhe> (дата обращения: 28.04.2021).
17. Кухня российских немцев Вкус далекой старины // URL: <https://stihi.ru/2018/03/10/6514> (дата обращения: 28.04.2021).
18. Маленькая Бавария в индустриальном Челябинске, или «работа делает свободным» на уральский лад // URL: <https://puerrtto.livejournal.com/937537.html> (дата обращения: 28.04.2021).
19. Назаров М.В. «Русская идея». Российские немцы – кто они? Для себя и для нас. К 80-летию сталинской депортации // URL: <https://rusidea.org/250962737/> (дата обращения: 28.04.2021).
20. Немецкое иго в России // URL: <https://maxpark.com/community/4057/content/4816590> (дата обращения: 28.04.2021).
21. Пропермь // URL: <http://properm.ru/news/society/171813> (дата обращения: 28.04.2021).
22. Решетинская М.С. Факторы редакционной политики СМИ в освещении темы межэтнических взаимодействий // Этнокультурная политика в Сибирском регионе. Роль СМИ в укреплении единства российской нации», научно-практическая конференция (2017; Новосибирск). Материалы научно-практической конференции «Этнокультурная политика в Сибирском регионе. Роль СМИ в укреплении единства российской нации» (г. Новосибирск, 22 марта 2017 г.). Новосибирск: Изд-во НГОНБ, 2017. С. 46-55.
23. Российские истории // URL: <https://rustories.sber.ru> (дата обращения: 28.04.2021).
24. Российские немцы, или история немцев в России // URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5e610262d62d417b2fa8ad8e/rossijskie-nemcy-ili-istoriia-nemcev-v-rossii-5e6413790e268f193d65d1ec> (дата обращения: 28.04.2021).
25. Челябинский ГУ/Лар // URL: <https://zen.yandex.ru/media/tainyurala/cheliabinskii-gulag-5a4cdabf57906a261d8d498a> (дата обращения: 28.04.2021).
26. Шишова Н.В. Коммуникативная роль социальных сетей в комплексе продвижения // Новые медиа сегодня: представление о будущем медиа: материалы III Международной научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 24–27 сентября 2017 г.) / редакционная коллегия: Л. В. Солодовик (отв. ред.) и др. Ростов-на-Дону: ДГТУ, 2019. С. 156-161.
27. Шпак А.А. Административно-территориальные преобразования в Неповолжье. 1764-1944 гг. – Волгоград, 2012. 386 с.
28. Шпак А.А. Республика в Поволжье. – Волгоград, 1993. 24 с.
29. Geschichte der Wolgadeutschen // URL: <https://wolgadeutsche.net/autor.htm> (дата обращения: 28.04.2021).
30. Долгенко А.Н., Мурашко С.Ф., Рудакова С.В. Деловая игра как форма активного обучения // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 4 (154). С. 28-33.
31. Бормотова Т.М., Мазаев Ю.Н. Коммуникация пожилых людей в социальных сетях Интернета // Межконфессиональная миссия. 2021. Том 10. Часть 3. № 52. С. 309-319.
32. Байханов И.Б. Трансформация профессиональных компетенций специалистов государственного управления в условиях цифровых трендов // Межконфессиональная миссия. 2021. Том 10. Часть 3. № 52. С. 320-327.
33. Рахимов К.Х. История создания основных этапов становления и развития ШОО // Альманах Казачество. 2021. № 51. С. 52-70.
34. Пономаренко А.П. Устойчивое развитие как отличительная черта внешней политики Австрии на современном этапе // Альманах Казачество. 2021. № 47. С. 9-14.
35. Бирюков Н.Г., Сафонова А.И., Толмачева Е.И. Влияние научно-технического прогресса на эволюцию японского общества // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 4 (154). С. 54-63.
36. Рогатко С.А. Государственная научная и техническая политика по развитию сельскохозяйственного производства и пищевой переработки в России во второй половине XIX - начала XX вв. // Власть истории – История власти. 2021. Том 7. Часть 3. № 29. С. 287-297.
37. Никашина Н.В., Мурашко С.Ф. Исследование в русской и китайской культуре языка в межкультурной коммуникации // Власть истории – История власти. 2020. Том 6. Часть 8. № 26. С. 1166-1169.
38. Петрова С.И. Художественная культура как форма практического и духовного развития личности // Межконфессиональная миссия. 2021. Том 10. Часть 3. № 52. С. 283-287.
39. Бормотова Т.М., Мазаев Ю.Н. Коммуникация пожилых людей в социальных сетях Интернета // Межконфессиональная миссия. 2021. Том 10. Часть 3. № 52. С. 309-319.
40. Рахимов К.Х. История создания основных этапов становления и развития ШОО // Альманах Казачество. 2021. № 51. С. 52-70.
41. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геополитика в маске // Власть истории – История власти. 2020. Том 6. Часть 4. № 22. С. 500-511.

References

1. "German trace" in Russia: good and / or bad? // URL: <https://radmirkilmatov.livejournal.com/260376.html> (28.04.2021).
2. Bugay N.F., Diesendorf V.F., Ilarionova T.S., Petrov Yu.A., Chebotareva V.G. Germans: 250 years in Russia. Volume I.M.; Grif and K, 2012.
3. Voroshilova N.G. History of Russian Germans: resettlement // URL: <https://nsportal.ru/shkola/inostrannyye-yazyki/nemets->

kiy-azyk/library/2016/12/12/istoriya-rossiyskih-nemtsev-pereselenie (04.28.2021)

4. Herman A.A., Ilarionova T.S., Pleve I.R. History of the Germans of Russia: Methodological materials. - M.: BIZ-Bibliothek, 2005. 240 p.
5. German A.A., Ilarionova T.S., Pleve I.R. History of the Germans of Russia: Textbook. - M.: BIZ-Bibliothek, 2005. 544 p.
6. German A.A., Ilarionova T.S., Pleve I.R. A History of the Germans of Russia: A Reader. - M.: BIZ-Bibliothek, 2005. 415 p.
7. Ilarionova T.S. The peoples of Russia on the Internet // Civil solidarity in the implementation of state cultural policy: interaction between government, society and business: a collection of materials from the Cultural Forum of Russian Regions (Yakutsk - Moscow, September 25, 2015) / Comp., Total. ed. O.N. Astafieva, O.V. Koroteeva. M.: IP Lyadov K.V., 2015. P. 283-288.
8. Ilarionova T.S. Russian Germans on the Internet // Ethnic Germans of Russia: the historical phenomenon of "people on the way": Materials of the XII international conference on September 18–20, 2008. Moscow: MSKN-Press, 2009. P. 141-147.
9. History of the Germans of Russia // URL: <https://geschichte.rusdeutsch.ru/> (28.04.2021).
10. History of Russian Germans. Part I, Colonization of Russia // URL: <http://alternathistory.com/istoriya-russkih-nemtsev-chast-i-kolonizatsiya-rossii> (28.04.2021).
11. History of the village of Shukk // URL: <http://www.schuk.ru/> (28.04.2021).
12. History of the village of Shukk // URL: <https://shuck.ucoz.ru/> (28.04.2021).
13. How the Germans rewrote Russian history // URL: <https://paulus-raul.livejournal.com/57713.html> (28.04.2021).
14. When the Germans ruled Russia // URL: <https://blogfilosofa.livejournal.com/528.html> (04.28.2021).
15. Who are we, Russian Germans? // URL: <https://rusdeutsche.ru/2017/04/26/kto-my-rossiyskie-nemcy/> (28.04.2021).
16. Cuisine of the Volga Germans // URL: <http://velia.su/category/povolzhe> (28.04.2021).
17. The cuisine of Russian Germans The taste of distant antiquity // URL: <https://stibi.ru/2018/03/10/6514> (28.04.2021).
18. Little Bavaria in industrial Chelyabinsk, or "work makes it free" in the Ural way // URL: <https://puerrtto.livejournal.com/937537.html> (28.04.2021).
19. Nazarov M.V. "Russian idea". Russian Germans - who are they? For yourself and for us. To the 80th anniversary of the Stalinist deportation // URL: <https://rusidea.org/250962737/> (04.28.2021).
20. The German yoke in Russia // URL: <https://maxpark.com/community/4057/content/4816590> (04.28.2021).
21. Perm // URL: <https://properm.ru/news/society/171813> (28.04.2021).
22. Reshetinskaya M.S. Factors of the editorial policy of the media in covering the topic of interethnic interactions // Ethnocultural policy in the Siberian region. The role of the media in strengthening the unity of the Russian nation "scientific-practical conference (2017; Novosibirsk). Materials of the scientific-practical conference" Ethnocultural policy in the Siberian region. The role of the media in strengthening the unity of the Russian nation "(Novosibirsk, March 22, 2017) Novosibirsk: Publishing house of the NGONB, 2017. P. 46-55.
23. Russian stories // URL: <https://rustories.sber.ru> (28.04.2021).
24. Russian Germans, or the history of Germans in Russia // URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5e610262d62d417b2fa8ad8e/rossiyskie-nemcy-ili-istoriya-nemcev-v-rossii-5e6413790e268f193d65d1ec> (04.28.2021).
25. Chelyabinsk Gulag // URL: <https://zen.yandex.ru/media/tainyurala/cheliabinskii-gulag-5a4cdabf57906a261d8d498a> (28.04.2021).
26. Shishova N.V. The communicative role of social networks in the promotion complex // New media today: an idea of the future of media: materials of the III International Scientific and Practical Conference (Rostov-on-Don, September 24-27, 2017) / editorial board: L. V. Solodovik (ed.), etc. Rostov-on-Don: DGTU, 2019. P. 156-161.
27. Shpak A.A. Administrative and territorial transformations in the Nempovolzhie. 1764-1944 - Volgograd, 2012. 386 p.
28. Shpak A.A. Republic in the Volga region. - Volgograd, 1993. 24 p.
29. Geschichte der Wolgadeutschen // URL: <https://wolgadeutsche.net/autor.htm> (28.04.2021).
30. Dolgenko A.N., Murashko S.F., Rudakova S.V. Business game as a form of active training // Etnosotsium and international culture. 2021. № 4 (154). P. 28-33.
31. Bormotova T.M., Mazaev Y.N. Communication of elderly people in social networks of the Internet // Mission confessions. 2021. Volume 10. Issue 3. № 52. P. 309-319.
32. Baykhanov I.B. Transformation of professional competencies of public administration specialists in the context of digital trends // Mission confessions. 2021. Volume 10. Issue 3. № 52. P. 320-327.
33. Rakhimov K.Kh. The history of the creation of the main stages of the formation and development of the SCO // Almanac Cossacks. 2021. № 51. P. 52-70.
34. Ponomarenko A.P. Sustainable development as a hallmark of Austrian foreign policy at the present stage // Almanac Cossacks. 2021. № 47. P. 9-14.
35. Biryukov N.G., Safonova A.I., Tolmacheva E.I. The influence of scientific and technical progress on the evolution of Japanese society // Etnosotsium and international culture. 2021. № 4 (154). P. 54-63.
36. Rogatko S.A. State scientific and technical policy on development of agricultural production and food processing in Russia in the second half of the XIX – beginning of XX centuries // The Power Of History – The History Of Power. 2021. Volume 7. Issue 3. № 29. P. 287-297.
37. Nikashina N.V., Murashko S.F. Research in Russian and Chinese language culture in intercultural communication // The Power Of History – The History Of Power. 2020. Volume 6. Issue 8. № 26. P. 1166-1169.
38. Petrova S.I. Art culture as a form of practical and spiritual development of the individual // Mission confessions. 2021. Volume 10. Issue 3. № 52. P. 283-287.
39. Bormotova T.M., Mazaev Y.N. Communication of elderly people in social networks of the Internet // Mission confessions. 2021. Volume 10. Issue 3. № 52. P. 309-319.
40. Rakhimov K.Kh. The history of the creation of the main stages of the formation and development of the SCO // Almanac Cossacks. 2021. № 51. P. 52-70.
41. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Masked geopolitics // The Power Of History – The History Of Power. 2020. Volume 6. Issue 4. № 22. P. 500-511.

Махмудов А.С.

*Старший преподаватель кафедры
«Права и политологии» Дагестанского государственного
технического университета. Эксперт РОО «Город – XXI век».
Член Научного Совета рецензируемого журнала «Власть истории».*

Категория «институт» в системе нового институционализма в политологии

Новый институционализм, в отличие от старого, обращает пристальное внимание на количественные методы анализа, а также рассматривает институты не в качестве одномерной структуры, а как совокупность «зависимых переменных» в связке с «независимыми», под которыми понимаются явления и процессы¹. Он позволяет наиболее концентрированно понять, какие существуют взаимосвязи между структурами и элементами конкретного института, именно поэтому Ф. Селзник предполагал, что данная методология обладает свойством «деконструкции»². Это связано с тем, что необходимо подвергать «расщеплению» на более мелкие части структуры институционального устройства, так как сам институт может решать не одну проблему и представлять собой комплексность целей и идей.

Потребность в появлении нового институционализма сформировалась на фоне усложнения социально-экономических отношений, появления новых акторов и групп влияния в политической сфере в США и Западной Европе. То есть речь идет о странах – приверженцах капиталистического устройства человеческого общежития³. При этом первенство в становлении указанной методологической установки принадлежит Соединенным Штатам Америки – в связи с тем, что количественные методы исследования в социальных науках в наибольшей степени были присущи именно этому государству⁴.

Несмотря на то, что новый институционализм, в отличие от старого,

1 Питерс Б.Н. Чем «сегодня» отличается от «вчера» // Политическая наука: новые направления. Под ред. Гудин Р., Клингеманн Х.-Д., М.: Вече, 1999. С. 218-220.

2 Selznick P. Institutionalism «old» and «new» // Administrative science quarterly. 1996. P. 270-277.

3 Peters B.G. Institutional theory in political science: The new institutionalism. – Edward Elgar Publishing, 2019. 304 p.

4 Powell W.W., DiMaggio P.J. (ed.). The new institutionalism in organizational analysis. – University of Chicago press, 2012. 469 p.

призван смотреть «вглубь», у него есть собственные ответвления, которые подтверждают наш тезис о междисциплинарности и разноректорности методологического подхода. При этом новый институционализм состоит из некоторых подвидов, которые составляют его общую канву и формируют единство в многообразии элементов и подструктур. Однако разными исследователями выделяется различное количество подвидов. Так, П. Хэлл и Р. Тейлор в 1996 году выделяли три институционализма⁵:

- исторический;
- экономический (теория рационального выбора);
- социологический.

Российский исследователь С.В. Патрушев в 2006 году предложил идею разделения «современного институционализма» на 3 версии в работе «Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация России»⁶. Стоит сказать, что классифицирован институционализм в одной из основополагающих работ, где в концентрированном виде представлено теоретическое видение старого и нового институционализма, а также рассматриваются политические трансформации России сквозь указанные теоретические аспекты:

- нормативный;
- подходы, основанные на рациональном выборе;
- исторический.

Исследовательская позиция Г. Питерса с момента выхода в свет первого издания его труда «Институциональная теория в политической науке: новый институционализм» в 1999 г. и до сегодняшнего (в 2019 г. вышло четвертое издание) претерпевала изменения. Так, в 1999 году автор выделял следующие типы нового институционализма:

- нормативный;
- рационального выбора;
- исторический;
- эмпирический;
- социологический;
- институты представительства интересов;
- международных отношений.

В издании 2019 года, то есть через 20 лет, автор добавляет «приложения институциональных теорий», которые выбывают из общей классификации, представленной в 1999 году:

5 Hall P.A., Taylor R.C. R. Political science and the three new institutionalisms // Political studies. 1996. Т. 44. №. 5. P. 936-957.

6 Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России. Под редакцией С.В. Патрушева. М.: ИСП РАН, 2006. С. 17-32.

- международных отношений;
- институты представительства интересов.

На места «выбывших» двух теорий встает «дискурсивный и конструктивистский институционализм». Таким образом, в 2019 году Г. Питерс насчитывает 6 основных теорий нового институционализма и 2 приложения к ним.

Как мы видим, авторы предлагают различные трактовки распределения видов нового институционализма. В связи с этим мы склонны считать, что институциональная теория в социально-гуманитарных науках является динамичной и развивающейся в соответствии с особенностями научного, социально-экономического, политического и духовного ландшафта. Далее мы вкратце рассмотрим основные черты «институционализмов» представленных авторов.

Исторический:

- Магистральная основа – причинно-следственные связи институтов как устойчивые особенности исторического ландшафта во множестве идей общественного развития.

- Важны исторические события – «критические моменты».

- Институциональное изменение создает «разветвленную точку», из которой события движутся по новому пути (сопоставляется с теорией синергетики и точки бифуркации).

- Рутинизм как обобщающий термин для обозначения нормальных и предсказуемых образцов поведения, выработанных паттернов.

Среди авторов, идеи которых легли в основу формирования исторического институционализма, можно выделить следующих: Г. Алмонд, Д. Эшфорд, П. Хэлл, С. Стейнмо и др.

Теория рационального выбора:

- Сформировался для объяснения несоответствия ожиданий граждан относительно принимаемых политических решений Конгрессом США.

- Актеры (игроки) имеют фиксированный набор предпочтений, потребностей. Их поведение определяется желанием получить максимальную выгоду с наименьшими издержками.

- Подчеркивается роль стратегического взаимодействия в определении политических результатов.

- Актеры создают институты для реализации взаимовыгодного сотрудничества.

- Институты являются средствами разрешения проблем индивидуальной рациональности.

- Политическая система является прототипом политического рынка,

где происходит купля-продажа решений, выгод, издержек и т.д.

- Политический процесс – это рыночная сделка.
- Задача институтов – поддержание равновесия между игроками (акторами) в процессе их *взаимодействия*.

Среди авторов, идеи которых легли в основу формирования теории рационального выбора, можно выделить следующих: Дж. Марч, Дж. Олсен, Д. Норт, И. Остром, М. Леви, К. Эрроу и др.

Социологический:

- Сформировался в результате развития теории организации в 1970-х гг.
- Институциональные трансформации должны быть реальными, в противном случае возникает «рациональная трансцендентность».
- Институт включает в себя не только формальные правила, но и символические, когнитивные сценарии воздействия на принятие решений.

- Выделение «культуры» в качестве отдельного института.

Нормативный (Г. Питерс, С. Патрушев):

- Основополагающее качество – неслучайный набор норм и ценностей.
- Акторам необходимо приходить к соглашениям, которые ориентируются на нормы поведения различных подсистем.
- Актор рационален, но ему приходится вне зависимости от своего желания действовать в соответствии с установленными в данной подсистеме нормами и ценностями.

Далее будут рассмотрены 2 институционализма, которые выделяет только Г. Питерс. Среди них эмпирический, дискурсивный и конструктивистский.

Эмпирический:

- Место и степень влияния института и учреждения в структуре политических отношений является определяющим фактором при принятии решений;

- Важна классификация и разделение институтов, их функциональное различие;

- Принятие политического решения зависит от договоренностей между институтами и учреждениями. К примеру, между правительством и парламентом и др.

- Институты должны быть производительными и эффективными. Данные постулаты являются нормой «хорошего института».

Среди авторов, идеи которых легли в основу формирования эмпирического институционализма, можно выделить следующих: Ч. Джонс, Х. Линц, А.Лейпхарт, Ф. Риггс, Р. Уивер, Б. Рокман и др.

Институционализм международных отношений:

- Исследование институтов и акторов в международных отношениях должно соотноситься с внутривнутриполитическими;

- Акцент на политических режимах при возникновении институциональных изменений;

- Социально-экономические аспекты внешней политики становятся более доминантными в современном мире по отношению ко времени Холодной войны и ранее.

Институты представительства интересов

- Институт необходим для представительства интересов акторов;

- Возникающие в политической системе группы интересов являются ответом на возникающие потребности представительства;

- Наиболее распространенная форма представительства интересов в политике – организованная политическая партия;

- Сетевой анализ – один из факторов, способствующих оценке учреждений, преследующих цели представительства акторных интересов.

Дискурсивный и конструктивистский институционализм:

- Институциональная среда объясняется через «когнитивные фильтры». Они способствуют восприятию акторами информации, соответствующей их нормативным установкам, ценностным ориентирам и поведенческим особенностям;

- Прагматичность и рациональность находятся во взаимодействии с нематериальными особенностями восприятия институциональной среды.

- Не все процессы и учреждения могут объясняться рационально. Поведение акторов может носить не материальный и не утилитарный характер.

Как мы видим из представленных суждений, теория нового институционализма является широкой, что говорит о подвижности методологии и ее прикладном характере для социально-гуманитарных наук. Структура науки и научных исследований строится таким образом, что объяснение конкретных ситуаций, процессов и явлений должно подвергаться критическому осмыслению и подтверждению временным контекстом. В этом ключе новый институционализм можно считать методологической рамкой, которая позволяет наиболее актуализированно и своевременно подходить к вопросу описания как статического, так и динамического состояния институциональной среды⁷.

Динамика в развитии нового институционализма заключается в том,

7 Aspinwall M., Schneider G Same menu, separate tables: The institutionalist turn in political science and the study of European integration // European Journal of Political Research. 2000. Vol. 38. № 1. P. 1-36.

что исследования институциональной среды стали популярными с конца XX века, при этом не теряют своей актуальности. К тому же, по мере углубления знания об институциональных особенностях функционирования политических систем наблюдается тенденция к разделению исследовательского сообщества на более изолированные и малые группы, которые классифицируются по узконаправленным признакам⁸. При этом «классики» нового институционализма в лице Рикера, Шепсле, Марка и Ольсена и др. являются признанными авторитетами, на которых опираются современные исследователи.

Рассмотрим некоторые наиболее актуальные объяснения категории «институт» с позиций представленных ранее типов нового институционализма в таблице 1.

Таблица 1. Категория «институт» в логике различных новых институционализмов.

Тип нового институционализма	Понимание категории «институт»
Нормативный	Ориентированность на достижения соглашений между акторами и учреждениями, набор формальных и неформальных «правил игры».
Рационального выбора	Фиксированный набор формальных процедур и процессов, основанный на выборе наиболее выгодного набора действий.
Исторический	Совокупность формальных и неформальных взаимоотношений акторов и учреждений.
Социологический	Система организованного взаимодействия акторов и учреждений на основе формальных и неформальных правил, норм и культурных особенностей.
Эмпирический	Структура, способствующая достижению договоренностей между другими институтами и учреждениями для повышения эффективности и работоспособности институциональной среды и ее элементов.

⁸ Almond G. Separate Tables: Schools and Sects in Political Science // Political Science and Politics. 1988. Vol. 21. № 4. P. 828-842.

Представительства интересов	Система, формирующая упорядоченность в представительстве интересов акторов и учреждений внутри институциональной среды.
Международных отношений	Совокупность формальных и неформальных правил, норм, установок, функционирующих вне пределов внутренней институциональной среды, то есть во взаимоотношении между государствами, наднациональными группами, транснациональными корпорациями.
Дискурсивный и конструктивистский	Форма репрезентации материальных и нематериальных интересов и потребностей акторов и учреждений, ориентированных на двойственные мотивы поступков: эгоистичные и альтруистичные.

Как видно из представленной таблицы, различные типы нового институционализма предлагают собственные варианты видения категории «институт». Однако нельзя не обратить внимание на то, что указанные характеристики имеют схожие и различные черты. Различия при оформлении научных практик в системе исследований институциональных изменений и сред, по мнению Марча и Ольсена, ориентируются, как правило, на проблемные вопросы при выделении нового институционализма в качестве отдельной методологической рамки. Точка зрения авторов выглядит таким образом, что они, систематизировав опыт выделения отдельных тенденций в области нового институционализма, определили следующие критерии разграничения характерных черт к пониманию институционализмов и подходов к определению категории «институт»:

- - институт как система площадок, внутри которых происходит взаимодействие акторов;
- - институт как процесс, способствующий трансформации структуры и правил;
- - институт как процесс, преобразующий, поддерживающий определенные характеристики человеческого поведения, способный к созданию, поддержанию и уничтожению иных институтов и учреждений⁹.

В целом, рассмотрение социально-экономических и политических процессов в рамках нового институционализма позволяет выявить при-

9 March J., Olsen J. Elaborating the «New Institutionalism» // Oxford Handbooks Online, 2009. P. 4.

чинно-следственные связи возникновения, развития, упадка, а также уничтожения или реставрации институтов и учреждений, институций. Соответственно, речь идет об исследовании эволюционной составляющей мотивов акторов, их поведенческих оснований внутри институциональной среды, в частности, в политической системе.

Исходя из изложенного выше, нам кажется, что реализация методологического принципа нового институционализма для исследования социально-политических систем является оправданным и верным курсом в связи с тем, что появляется возможность сконцентрироваться на особенностях выбора конкретного политического решения, символизирующего направленность на трансформацию институциональной среды или же на ограничение ее эволюции в связи с внутренними или же внешними, специально созданными игроками, или же сформированными вне текущей среды обстоятельствами. Иными словами, речь идет об исследовательском устремлении понять, какие существуют особенности реализации или же ограничители политических трансформаций, ориентируясь на институциональную среду, принимая во внимание политические и экономические детерминанты в совокупности, а не по отдельности.

Список литературы:

1. Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России. Под редакцией С.В. Патрушева. — М.: ИСП РАН, 2006. С. 17-32.
2. Питерс Б.Н. Чем «сегодня» отличается от «вчера» // Политическая наука: новые направления. Под ред. Гудин Р., Клингеманн Х.-Д., М.: Вече, 1999. С. 218-220.
3. Almond G. Separate Tables: Schools and Sects in Political Science // Political Science and Politics. 1988. Vol. 21. № 4. P. 828-842.
4. Aspinwall M., Schneider G Same menu, separate tables: The institutionalist turn in political science and the study of European integration // European Journal of Political Research. 2000. Vol. 38. № 1. P. 1-36.
5. Hall P.A., Taylor R.C.R. Political science and the three new institutionalisms // Political studies. 1996. Vol. 44. №. 5. P. 936-957.
6. March J., Olsen J. Elaborating the «New Institutionalism» // Oxford Handbooks Online, 2009. 294 p.
7. Peters B.G. Institutional theory in political science: The new institutionalism. – Edward Elgar Publishing, 2019. 304 p.
8. Powell W.W., DiMaggio P.J. (ed.). The new institutionalism in organizational analysis. – University of Chicago press, 2012. 469 p.
9. Selznick P. Institutionalism «old» and «new» // Administrative science quarterly. 1996. P. 270-277.

References

1. Institutional Political Science: Contemporary Institutionalism and Political Transformation of Russia. Edited by S.V. Patrushev. - M.: ISP RAS, 2006. P. 17-32.
2. Peters B.N. How “today” differs from “yesterday” // Political Science: New Directions. Ed. Goodin R., Klingemann H.-D., M.: Veche, 1999. P. 218-220.
3. Almond G. Separate Tables: Schools and Sects in Political Science // Political Science and Politics. 1988. Vol. 21. № 4. P. 828-842.
4. Aspinwall M., Schneider G Same menu, separate tables: The institutionalist turn in political science and the study of European integration // European Journal of Political Research. 2000. Vol. 38. № 1. P. 1-36.
5. Hall P.A., Taylor R.C.R. Political science and the three new institutionalisms // Political studies. 1996. Vol. 44. №. 5. P. 936-957.
6. March J., Olsen J. Elaborating the «New Institutionalism» // Oxford Handbooks Online, 2009. 294 p.
7. Peters B.G. Institutional theory in political science: The new institutionalism. – Edward Elgar Publishing, 2019. 304 p.
8. Powell W.W., DiMaggio P.J. (ed.). The new institutionalism in organizational analysis. – University of Chicago press, 2012. 469 p.
9. Selznick P. Institutionalism «old» and «new» // Administrative science quarterly. 1996. P. 270-277.

Р

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*Армавирский государственный
педагогический университет*

Бирюков И.Л.

Аспирант,
Армавирский государственный педагогический университет.

Денисова Л.Л.

Кандидат политических наук, доцент,
Армавирский государственный педагогический университет.

Похилько А.Д.

Доктор философских наук, профессор,
Армавирский государственный педагогический университет.

Ценностные ориентации молодежи в социокультурном контексте молодежной политики

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31074.

Актуальность данного научного исследования заключается в получении нового научного знания, обращенного к будущему на основе анализа тенденций развития современного российского общества, российского человека, процессов политической социализации новых поколений с их ценностными ориентациями, идеалами и осмысленным мировоззрением. Современная российская молодежь живет в условиях глубокого и обширного пересмотра основных ценностей, затяжных социально-экономических и политических реформ¹. В этой ситуации представляет интерес выявление ее гражданского самоопределения и социального самочувствия, отношения к своей стране и государственной молодежной политике. Чтобы фундаментальность не отрывалась от реальности и не превращалась в несбыточные проекты или утопии, исследование опирается на пилотажные социологические исследования ценностных ориентаций молодежи. В частности, обращает на себя внимание тот факт, что существующие концепции в объяснении проблем радикализации российской молодежи дают сбой².

1 Великая Н.М. Российская молодежь в поле современной политики: между традиционализмом и оппозиционностью // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2020. № 2 (21). С. 57-68.

2 Василенко Л.В. Перспективные направления профилактики радикализации российской молодежи

Основные задачи данного исследования осуществить сравнительный анализ полученных результатов среди учащейся молодежи, спортсменов и представителей религиозных организаций в различных регионах; В дальнейшем полученные данные можно применять для поиска путей развития и укрепления политической идентичности разработав методические рекомендации, обозначив общие интересы в интеграции и консолидации различных групп молодежи, так и критериев, приводящих к их дезорганизации. Такая многоаспектная задача исследования ценностных ориентиров в различных формах работы молодежной политики может быть решена лишь на основе разумного сочетания различных методологических парадигм.

Именно междисциплинарный подход, по нашему мнению, может обеспечить наиболее надежное и всестороннее раскрытие исследуемой проблемы в рамках данного проекта. В разрабатываемом нами проекте спортивной духовности применяются методологические принципы системного и структурно-функционального подходов, системного синтеза, сравнительного анализа, применение пространственного подхода и метода моделирования в изучении патриотических, ценностных и культурных ориентиров различных социальных групп современной молодежи, а именно: спортивных, религиозных и культурных организаций³. Системный подход позволяет исследовать регионы Российской Федерации как сложную систему, описываемую с помощью некоторой совокупности определенных качественных и количественных характеристик⁴. Большое значение в исследовании отводится пространственному подходу, позволяющему раскрыть такие стороны изучаемых явлений, как их сосуществование, соотнесенность и взаимодействие в конкретном социокультурном пространстве, определить сферы и масштабы их распространения, влияния на процессы стабилизации и изменения в обществе.

Коллективом авторов проведено пилотажное исследование с использованием методов эмпирического познания, в частности, анкетирования для обучающихся вузов и сузов. Исследование проводилось среди светской молодежи, спортсменов и учащихся на факультетах физического воспитания, учащихся семинарий и активной религиозной молодежи в

жи (на примере противодействия террористическим и экстремистским проявлениям) // Противодействие радикализации российской молодежи: вопросы теории и практики. сборник : в 2 частях. Домодедово, 2020. Ч. I. С. 57-62.

3 Бирюков И.Л. Спортивная духовность: философско-теологический аспект : монография / Науч. ред. А. Д. Похилько., Армавир, 2019. 136 с.

4 Пелевин С.И., Денисова Л.Л. Теория социально-политического развития в России как механизм социальных изменений // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 3 (129). С. 91-98.

Московской, Ростовской и Иркутской области, Краснодарском и Ставропольском крае. Общий массив выборки - более 1200 человек в возрасте от 16 до 25 лет. Опрос проводился в очном формате в сентябре - октябре 2021 года. Полученный исследовательский материал, обладает потенциалом отдельного анализа и сравнения, как между формами работы, так и между регионами, в данной статье мы можем лишь обозначить отдельные моменты, представляющие интерес, и сделать общие выводы.

В Ставропольском крае у светской молодежи (группа 1) на вопросы «Как вы оцениваете уровень патриотизма молодежи в России?», «Как вы оцениваете уровень духовности молодежи в России?» и «Как вы оцениваете уровень вовлеченности молодежи в политические процессы?» средний результат составляет 50-65%. У группы спортсменов (группа 2) он снижен от 40 до 50%, в сторону ответов «скорее низкий или незначительный», а вот у религиозной молодежи (группа 3) средний показатель составляет 23-42%. Интересно, что степень вовлеченности в политические процессы «достаточно высокий» отмечают 37% респондентов.

В Иркутской области в группе 1 о патриотизме средний результат 59%, духовности 52%, а вот вовлеченность в политические процессы 43%. Во второй группе средний показатель 57%, 45% и 55%, в отличие от первой группы, больше процентов идет на понижение, и уровень отмечается «скорее низкий или незначительный» или «крайне низкий». В группе 3 отмечается 44%, 50% и 38% по среднему показателю, уровень также как и во второй группе падает «скорее низкий» 40%, 44%, а вопрос о «вовлеченности в политическую культуру» идет вверх «достаточно высокий» отмечает 34% респондентов.

Краснодарский край группа 1 средний результат о патриотизме, духовности и политических процессах 48%, 53% и 41%, во второй группе «патриотизм» 52% «достаточно высокий» 23%, 45% духовность по 16% в «достаточно и скорее низкий», 45% «вовлеченность в политические процессы» далее динамика падает, ответ «скорее низкий» 32%. В 3 группе 34%, 28% и 43%, динамика падает «скорее низкий» 44%, 44% и 31%, уровень «духовности» «крайне низкий» отмечает 22%.

В Москве 1 группа 40%, 27% и 10%, динамика вниз «скорее низкий» 27%, 32%, а вот «политическая культура» 45%. В группе 2 «средний показатель» составил 50%, 43% и 35%, но больше процентов стремится вверх «достаточно высокий» отмечают 27%, 31% и 32%. В группе 3 ответы 53%, 36% и 40%, «скорее низкий» 43, 37 и «достаточно высокий» 38%.

Ростовская область в группе 1 получены данные 50%, 57% и 48%, уровень вниз «патриотизм» и «духовность» ответ «скорее низкий» 34% и

26%, вопрос о «вовлеченности в политические» вверх «достаточно высокий» 30%. Группа 2 средний результат 42%, 42% и 53%, динамика идет вверх «достаточно высокий» 21%, 26% и 18%. В 3 группе 55%, 31% и 41%, динамика вниз ответ «скорее низкий или незначительный» 21%, 55% и 10%, ответ по «вовлеченности в политические процессы» 31% «достаточно высокий».

Результаты ответов респондентов говорят о понимании и не только стремлении, но и готовности современной молодежи к политическому участию. Современная молодежь формирует уже различные формы политического участия: флэш-мобы, сетевая активность, блогосфера, концентрируясь не на идеологии, а на прямом выражении своих предпочтений. Установки на безопасность, выживание, защищенность уступают место ориентации на самореализацию, личностную свободу. Эта динамика сказывается и в ориентациях на формы политической активности.

На вопрос «Чем для вас является патриотизм?» Ставропольский край в группе 1 ответ «готовность защищать свою стану, даже с оружием в руках» составил 40%, у группы 2 самый высокий показатель ответов «чувство любви к Родине» и «уважение к культуре и истории станы» стал наиболее высоким 83%. У группы 3 «уважение к культуре и истории страны» и «гордость своим Отечеством» получил всего 28%, в отличие от самого высокого «любви к своему народу, краю, семье» 63%.

В Иркутске вопрос о «патриотизме» в группе 1 «чувство любви к Родине» 69% «уважение к культуре» 63%, самые непопулярные «стремление быть полезным» и «готовность защищать» по 39%. В группе 2 ответы «любовь к Родине» 70% и «гордость Отечеством» 68% самые популярные. Ответы «стремление быть полезным» 40% и «любовь к краю» 56% самые низкие. В 3 группе «уважение к культуре» 67% самый популярный, «стремление быть полезным» 33% и «защита страны» 39% самые низкие.

В Краснодарском крае группа 1 «уважение к культуре» и «любовь к Родине» по 77%, самый низкий «стремление быть полезным, трудится» 47%. Во 2 группе «Любовь к Родине» и «уважение к культуре» по 74%, «быть полезным, трудится» 45%. Группа 3 ответила «любовь к Родине» 72%, «уважение к культуре» 69%, низкие показатели «стремление быть полезным» 53%.

В Москве 1 группа «любовь к своему народу» 73%, «стремление быть полезным» 55%, низкий показатель «гордость Отечеством» 27% и «стремление защищать» 36%. Группа 2 «культура и история» 73%, «гордость Отечеством» 62%, низкие результаты «любовь к народу, краю» 56% и «быть

полезным, трудится» 46%. В группе 3 «уважение к культуре» 62%, «стремление быть полезным» 42%.

В Ростове группа 1 патриотизм связывает с «культурой и историей» 76%, «любовь к Родине» 74%, «гордость Отечеством» 44% и «готовность защищать» 42%. Во 2 группе преобладают «любовь к Родине» 63% и «культура и история» 61%, низкие показатели «быть полезным» 47% и «защита» 40%. В 3 группе «любовь к Родине» и «культура и история» по 76%, «стремление быть полезным, трудиться» 58% и «гордость Отечеством» 55%.

Полученные ответы респондентов продемонстрировали, что для молодежи главными составляющими патриотизма являются культура и история, чувство любви к Родине, в силу этого для них также значима ценность гражданского долга. Мы наблюдаем, что на место прежнего государственного патриотизма, объявляющего высшей ценностью государство, определяется новый демократический патриотизм, признающей в качестве основной ценности благополучие и качество жизни.

На вопрос «Что такое духовность в современном обществе?» Ставрополь в группе 1 «религиозные ценности человека» 64% и культурная составляющая 60% стали самыми высокими. У группы 2 ответы «культурная составляющая» 68%, у группы 3 «религиозные ценности человека» 85%, культурная составляющая 28%, «личностное саморазвитие» всего 8%. Также стоит отметить «преданность компании, трудовая этика» только в группе 1, получил 7%, в других по 0%, а ответ «семейные ценности» во всех группах составляет от 25 – 35%.

В Иркутской области группа 1 преобладают ответы «культурная составляющая» 53% и «моральные предписания» 51%, «преданность компании» 5% и «семейные ценности» 33% самые низкие. В группе 2 «мораль» 62% и «личностное саморазвитие» 56% самые высокие, низкие «преданность компании» 8% и «семейные ценности» 32%. В группе 3 «религиозные» и «культурные» факторы самые популярные 50%, низкие «семейные ценности» 32% и «преданность компании» 0%.

В Краснодарском крае 1 группа обозначила «соблюдение моральных норм» 64%, «культура» 60%, самые непопулярные ответы «семейные ценности» 38% и «преданность компании» 6%. В группе 2 «религиозные ценности» 63%, «культура» 60%, низкие показатель «семья» 33% и «преданность компании» 7%. В группе 3 «религиозные ценности» 87%, «семейные ценности» 66%, «личностное саморазвитие» 31%, «преданность кампаний» 10%.

Москва в 1 группе «соблюдение моральных норм» 73% и «личност-

ное саморазвитие» 63%, низкие «семейные ценности» 31% и «преданность компании» 5%. Во 2 группе «мораль» 60%, «культурная» 54%, «саморазвитие» 42%, «семейные ценности» 40%, «преданность компании» 7%. В группе 3 «религиозные ценности» 86% и «культурная» 76% лидеры, низкие позиции у «семейные ценности» 36% и «преданность компании» 12%.

В Ростове 1 группа лидеры «культурная» 63% и «моральные нормы» 51%, низкие показатели «семейные» 35%, преданность компании» 2%. Во 2 группе «культурная составляющая» 63% и «саморазвитие» 58%, «религиозные ценности» и «семейные ценности» по 40%, «преданность компании» 3%. В 3 группе «религиозные ценности» 80%, «культурная» 72%, аутсайдеры «семейные ценности» 32% и «преданность компании, работодателю» 0%.

Респонденты определяют духовность в современном обществе как саморазвитие, общекультурные ценности, в частности, духовные и религиозные ценности, и мы наблюдаем снижение традиционных нравственных ценностей: ценность семьи. Результаты говорят о том, что доминирующими ценностями молодежи являются одновременно ценности материального достатка, собственной индивидуальности, а также нацеленность на самореализацию. С одной стороны, большим стремлением к самореализации и самостоятельности, а с другой – к высокой ценности стабильности, потребности иметь перспективу на будущее.

Вопрос «Как вы смотрите на будущее религии в стране?» ответ Ставрополя «с надеждой, вера постепенно возрождается» стал самым популярным 40%, 50% и 60% соответственно. Отметим, что «мне безразлично, для меня это не главное» получили в 1 и 2 группах по 33%, в 3 группе 0%. В Иркутской области в 1 группе, «мне безразлично» 46% с «надеждой» 30%. Группа 2 «безразлично» 44% самый популярный с «надеждой» 26%. В группе 3 ответ «с надеждой» 62% самый популярный, ответ «пессимистически, страна теряет веру» 18%. Краснодар 1 группа «с надеждой» 32%, «с болью, противодействие побеждает» 12%, «мне безразлично» 42%. В группе 2 «с надеждой» 63%, «противодействие побеждает» 20%, «мне безразлично» 17%. В группе 3 ответили «с надеждой» 47%, «переживаю, противодействие побеждает» 31%, «мне безразлично» 9%. Москва 1 группа «с надеждой» 27%, «мне безразлично» 55%. Группа 2 «с надеждой» ответило 43%, «мне безразлично» 26%. Группа 3 «с надеждой» 64%, «с болью» 32%, «безразлично» 4%. Группа 1 в Ростове ответ «с надеждой» 20%, «с болью» 18%, «мне безразлично» 47%. Группа 2 «с надеждой» 45%, «страна теряет веру» и «мне безразлично» по 24%. В 3 группе «с надеждой» 60%,

«с болью, противодействие побеждает» 21%, «теряем веру» 14%.

Респонденты придерживаются устойчивого мнения о возрождении веры, возрастает заинтересованность в сохранении и развитии, прежде всего, культурно-духовных традиций. Думаем, что это связано не только с тем, что молодые люди являются ее последователями, но и с тем, что православие является неотъемлемой частью культуры нашей страны. На сегодняшний день возрастает заинтересованность в сохранении и развитии культурно-духовных традиций, что позволяет не только выжить сейчас при агрессивных тенденциях социума, но и выйти на новый этап развития.

«Нужна ли современной молодежи политическая культура» в Ставрополе утвердительно ответили во всех группах 70%, 86% и 66%, «вполне достаточно, того, что есть» от 10-25 %, отрицательно высказались 5%, 5% и 10% соответственно. В Иркутской области утвердительно 72%, 82% и 82%, отрицательно 5%, 4% и 10%. Краснодарский край в 1 группе высказался утвердительно 81%, «вполне достаточно» 14%, «никому не нужна» 3%. Группа 2 «утвердительно» 77%, «не нужна» 3%. Группа 3 утвердительно 84%, «скорее не нужна» 3%. Москва 1 группа утвердительно 85%, «не нужна» 5%. Группа 2 утвердительно 74%, «вполне достаточно» 24%, «не нужна» 2%. В группе 3 утвердительно 76%, «не нужна» 10%. В Ростове 1 группа 80% утвердительно, «не нужна» 2%. Группа 2 «утвердительно» 74% «не нужна» 8%. В группе 3 «утвердительно» 90%, «не нужна» 3%, соответственно «трудно сказать» 7 %.

Ответы респондентов показали о необходимости политической культуры, т.е. мы можем предположить, что молодежь ощутила ее недостаток (политической грамотности, политического сознания) на своем личном опыте. Уровень политической культуры молодежи проявляется в процессах политической самоидентификации, т.е. человек может рассуждать, объяснять каких политических взглядов он придерживается, какую идеологию разделяет.

Вместе с тем политическая сознательность, будучи частью выражения социальных потребностей и интересов в сфере политической культуры, определяется как понимание социальными группами и индивидами своих потребностей в сфере политики, самоидентификацией с той социальной нишей, которую они занимают, адекватностью своего политического поведения политическим потребностям своей группы (спортсменов). В данном случае политические потребности выступают в качестве политических ориентаций.

Опросы указывают на относительно высокий уровень интереса к

политике, что не характерно для аполитичных культур. В данном случае, по фактору: формы и интенсивность политического участия, мы можем предположить, что респонденты транслируют переходный тип политической культуры.

Вопрос «Какие источники получения политической информации являются авторитетными и основными?» Ставрополь в группе 1 лидер «официальные СМИ» 57%, далее «блогеры и интернет-аналитики» 52%. Группа 2 «Выступление президента, представителей власти» 62%, «официальные СМИ и блогеры» набрали по 45%. У группы 3 лидеры «блогеры» и «президент» 62% и 53%. Ответ «религиозные лидеры» 7%, 10%, 23%, «никакая политическая информация меня не интересует» 14%, 12%, 8%. В Иркутской области группы идентичны «блогеры» 63%, 66% и 83%, далее «официальные СМИ» 40%, 45% и 33%, «религиозные лидеры» 6%, 5% и 6%.

В Краснодаре группа 1 ответила «официальные СМИ 64%, «блогеры» 57%, «руководители регионов» 19%, «религиозные лидеры» 5%, «никакая политическая информация не интересна» 10%. В группе 2 «официальные СМИ» 67%, «выступление президента, представителей власти» 59%, низкие «руководители регионов» 17%, «никакая информация не интересна» 3%. В группе 3 самые высокие «блогеры» 87% и «официальные СМИ» 26%, самые низкие показатели «религиозные лидеры» 10% и «руководители регионов» 6%, «никакая информация не интересует» 16%.

В Московской области 1 группа «блогеры» 80%, «официальные СМИ» 54%, низкие «руководители регионов и муниципалитетов» 12%, «религиозные лидеры» 10%, «никакая информация» 10%. Во 2 группе «выступление президента» 54%, «блогеры» 53%, самые низкие «религиозные лидеры» 6%, «никакая информация» 8%. В группе 3 «блогеры» 67%, официальные СМИ» 51%, низкие показатели «руководители регионов» 15% и «религиозные лидеры» 13%, «никакая информация» 5%.

В Ростове 1 группа «блогеры» 76%, «официальные СМИ» 61%, аутсайдеры «руководители регионов» 16%, «религиозные лидеры» 4%, «никакая информация не интересует» 6%. Во 2 группе лидеры «блогеры» 60% и «официальные СМИ» 50%, низкие у «руководители регионов и муниципалитетов» 13% и «религиозных лидеров» 5%, «никакая политическая информация не интересует» 8%. В 3 группе «блогеры» 80%, «Официальные СМИ» 58%, аутсайдеры «руководители регионов» 7%, «религиозные» 3%, «никакая информация» 3%.

Ответы респондентов показали авторитет духовной власти снижен, повышен авторитет блогеров и интернет-аналитиков.

В ответах респондентов прослеживается связь духовности с социальными условиями жизни, т.е. мы можем предположить, что для роста духовности в обществе необходимо улучшить качество жизни молодежи.

Таким образом, прослеживается общая тенденция различных показателей в трех формах работы с молодежью. Можно сказать, что она варьируется между регионами, но, несомненно, есть общие тенденции и закономерности, которые прослеживаются у спортсменов и религиозной молодежи в отношении корреляции к общей группе студентов. Данное исследование вносит существенный вклад в понимание приоритетов молодежной политики и ценностных установок современной молодежи. Практические результаты, опираясь на полученные данные, можно использовать как в построении идеологической политики малых групп, так и в прикладной работе на местах и профилактике экстремизма. Уровень сформированности у молодежи духовно-нравственных ценностей охарактеризован такими показателями, как высокий мотивационный уровень саморазвития, выбор ценностей, эмоциональное отношение к духовным ценностям общества; осознание значимости духовно-нравственной ценности; проявление духовно-нравственных ценностей в личном поведении и общественной деятельности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31074.

Список литературы:

1. Великая Н.М. Российская молодежь в поле современной политики: между традиционализмом и оппозиционностью // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2020. № 2 (21). С. 57-68.
2. Василенко Л.В. Перспективные направления профилактики радикализации российской молодежи (на примере противодействия террористическим и экстремистским проявлениям) // Противодействие радикализации российской молодежи: вопросы теории и практики. сборник : в 2 частях. Домодедово, 2020. Ч. I. С. 57-62.
3. Бирюков И.Л. Спортивная духовность: философско-теологический аспект : монография / Науч. ред. А.Д. Похилько., Армавир, 2019. 136 с.
4. Пелевин С.И., Денисова Л.Л. Теория социально-политического развития в России как механизм социальных изменений // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 3 (129). С. 91-98.

References

1. Velikaya N.M. Russian youth in the field of modern politics: between traditionalism and opposition // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Philosophy. Sociology. Art criticism. 2020. № 2 (21). P. 57-68.
2. Vasilenko L.V. Promising directions of prevention of radicalization of Russian youth (on the example of countering terrorist and extremist manifestations) // Counteracting the radicalization of Russian youth: theory and practice. collection: in 2 parts. Domodedovo, 2020. P. 57-62.
3. Biryukov I.L. Sports spirituality: philosophical and theological aspect: monograph / Scientific. ed. A.D. Pokhilko., Armavir, 2019. 136 p.
4. Pelevin S.I., Denisova L.L. The theory of socio-political development in Russia as a mechanism of social changes // Ethnosocium and interethnic culture. 2019. № 3 (129). P. 91-98.

Федирко О.П.

*Доктор исторических наук, доцент ведущий научный сотрудник
Отдела социально-политических исследований ФГБУН.
Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН.*

Крупянко А.А.

*Кандидат исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник Отдела экспертных работ,
ООО Научно-производственный центр историко-культурной экспертизы.*

Самоидентификация населения современной Амурской области и его готовность к миграции (по материалам социологического опроса)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках
научного проекта № 20-011-00496 А.*

Необходимость индивида в самоидентификации является важнейшей потребностью личности для его дальнейшей социализации и развития. В то же время идентичность характеризуется значительными мобилизационными возможностями, которые имеют как созидательные, так и разрушительные цели. На фоне роста национального самосознания народов и этнических групп, населяющих Дальний Восток, объемов миграционных процессов как внутри региона и страны, так и извне, назревает необходимость изучения процессов самоидентификации и тех факторов, которые обуславливают выявление особенностей идентичности различных групп и их миграционной готовности. Подобные исследования имеют большое значение для разработки управленческих решений и применения политических технологий с целью формирования благоприятного миграционного климата и контроля оттока населения из региона.

На Дальнем Востоке России исторически сложилось оптимальное сочетание российской, региональной и этнокультурной идентичности, преобладание толерантности во взаимном восприятии представителей различных этнических групп и конфессий. В начале XXI в. ситуация в регионе начала меняться за счет смены этнического самоопределения у

некоторых коренных малочисленных народов Дальнего Востока России и прироста населения региона, главным образом, за счет активизации миграционных потоков из регионов Центральной и Средней Азии.

В этом плане для нас представляется актуальным анализ результатов исследования самоидентификации жителей самой западной территории Дальнего Востока, которая в середине XIX в. была первой заселена русскими переселенцами. Казаки, крестьяне, военные, расселившиеся на территории Амурской области, контактируя с коренными народами региона и с народами Северо-Восточной Азии смогли не только освоить край, но и сформировать новую общность – дальневосточники, что обусловило их закрепление в регионе.

В условиях глобализации, следствием которой является расширение контактов с жителями ближнего зарубежья, население Амурской области, в силу её пограничной локации, испытало на себе с одной стороны, относительную территориальную, культурную и политическую отдаленность от европейской части России, а с другой, мощное влияние экономики и культуры стран АТР. В результате этого, на наш взгляд, произошло размытие границ российской и региональной идентичности, повысилась готовность населения к миграции и эмиграции.

Проблемы самоидентификации населения Дальнего Востока получили освещение в фундаментальном исследовании «История Дальнего Востока России»¹, в трудах Е.В. Волковой², Л.Е. Бляхера³, В.А. Тураева⁴, Е.В. Стасюк⁵, А.И. Поспеловой⁶, А.П. Забияко⁷ и других.

Однако залогом получения объективных и своевременных знаний об изменениях в процессах идентификации и готовности к миграции населения Дальнего Востока и отдельных его составляющих территорий является постоянный мониторинг с использованием различных

1 Дальний Восток СССР: 1941–1945 гг. / под общ. ред. чл.- корр. РАН Н.Н. Крадина, отв. ред. Г.А. Ткачева / История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 3. Владивосток: Дальнаука, 2020. 944 с.; История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5 Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960-1991 гг. / под общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. А.С. Ващук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016. 940 с.

2 Волкова Е.В. Адекватная самоидентификация населения как ключевой фактор укрепления России на Дальнем Востоке // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2008. № 3 (10). С. 163-168.

3 Бляхер Л.Е. Региональная самоидентификация и трансграничные практики на Дальнем Востоке России // Пространственная экономика. 2005. № 1. С. 117-132.

4 Тураев В.А. Коренные малочисленные народы и государство в условиях постсоветской трансформации // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. Т. 21. С. 111-134.

5 Формирование региональной идентичности молодежи как условие ее сохранения на Дальнем Востоке России // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2018. № 3 (25). С. 157-164.

6 Поспелова С.В., Поспелова А.И. Локальная идентичность коряков в отдалённом районе Магаданской области / Научный результат. Серия: социология и управление. 2017. Т. 3. № 1 (11). С. 64-71.

7 Забияко, А. П., Беяков А. О., Гаврилов С. С., Конталева Е. А., Родионова К. И. Этнокультурный атлас Приамурья. / Под ред. А. П. Забияко. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2016. 166 с.

методов исследований экономической, политической и общественной сфер жизни региона.

Таким образом, целью, данной статья является анализ ответов социологического опроса на три группы вопросов, связанных с определением этнической самоидентификации, готовности к миграции и идентификацией себя с предложенными группами.

Для достижения поставленной цели авторы использовали две методики социологического исследования: количественное исследование и глубинные интервью.

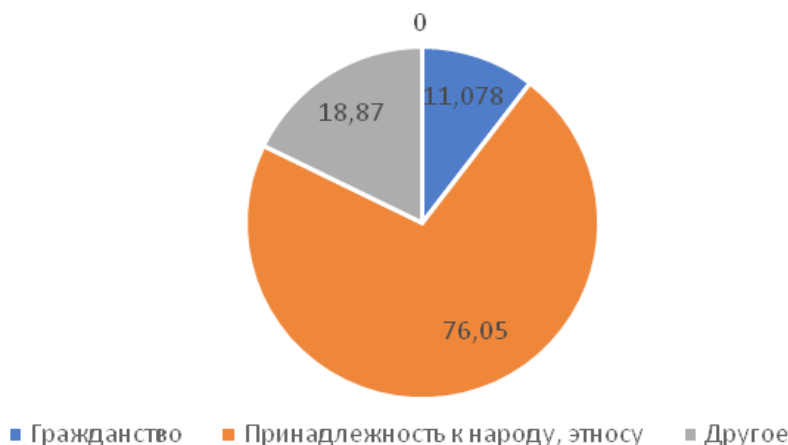
Источниковой базой исследования явились результаты социологического опроса «Религиозно-этническая самоидентификация населения Дальнего Востока в начале XXI в.», проведенного на территории Амурской области с апреля 2020 по сентябрь 2021 гг. Было опрошено 1 334 человека. Мониторинг базируется на основе рекомендаций Федерального агентства по делам национальностей⁸.

В процессе изучения полученных данных использовались методы статистической обработки и анализа данных: анализ мер центральной тенденции, сравнение средних значений подвыборок, анализ таблиц сопряженности и т.д.

Результаты опроса можно условно разделить на три группы.

Ответы на этот вопрос распределились следующим образом:

По Вашему мнению, национальность – это гражданство или принадлежность к народу, этносу?

8 Письмо ФАДН от 13.12.2017 № 4155-01.1-23-144 «О социологических исследованиях», «Методические рекомендации по проведению социологических исследований в субъектах Российской Федерации».

Первая группа связана с определением этнической самоидентификации респондентов. Участникам опроса, для определения критериев анализа ответов на последующие вопросы, было предложено определиться «По Вашему мнению, национальность – это гражданство или принадлежность к народу, этносу?».

Отвечая на вопрос: «К какой национальности Вы себя относите? (определите самостоятельно, по своему ощущению)» 76,04% амурчан ответил – русский(ая). Среди других национальностей, перечисленных респондентами, были названы эвены, эвенки, немцы, армяне, украинцы, белорусы, вепсы, татары, литовцы, молдаване, удмурты, арийцы. 12% опрошенных отнесли себя к славянам.

14,7% указали, что имеют вторую национальность. При выборочном индивидуальном интервью удалось выяснить, что вторая национальность — это попытка самоидентификации себя с этнической принадлежностью родителей и предков (бабушек/дедушек, прабабушек/прадедушек). Спектр национальностей, указанных в качестве второй достаточно широк: украинцы, армяне, буряты, поляки, татары, грузины, молдаване, мордвины, карелы, узбеки, японцы, китайцы, эвенки, русские, даргинцы, киргизы, казахи, корейцы, азербайджанцы, белорусы.

В качестве родного языка большинство (89%) указало русский язык, из других языков наибольшее количество интервьюированных назвали эвенкийский язык (8,1%), что соответствует численности опрошенных в эвенкийских селах Усть-Нюкжа, Усть-Уркима, Первомайское Тындинского района Амурской области. Вторым языком пользуются при общении с друзьями и знакомыми 23,2% респондентов. Среди них коренные народы Дальнего Востока и представители армянской, азербайджанской, узбекской и дагестанской диаспор.

Указанные в качестве первой и второй национальности вполне соответствует сложившейся исторически полиэтнической картине населения Амурской области.

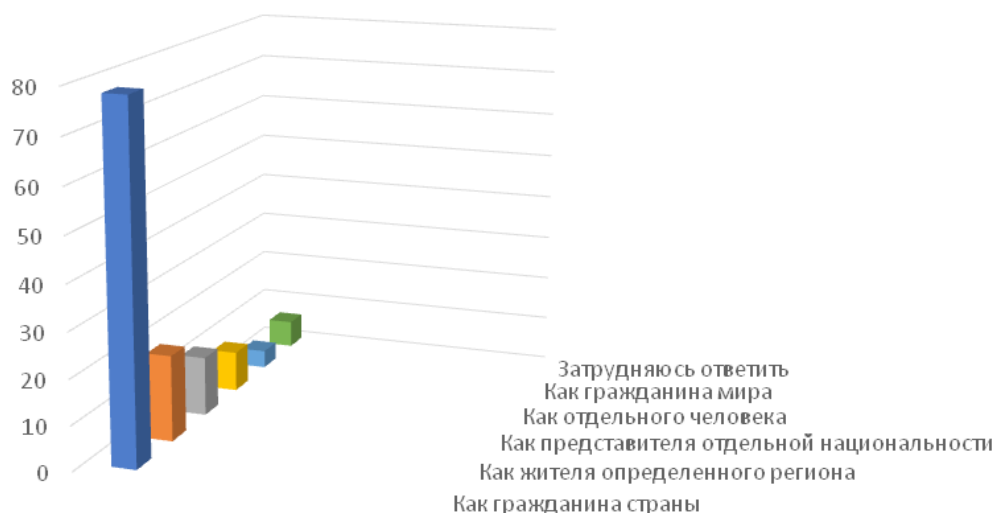
Контрольным, позволяющим оценить степень самоидентификации жителей современной Амурской области, стал вопрос - как окружающие должны воспринимать индивида в повседневной жизни.

И оказалось, что, несмотря на интерес к своим этническим корням, у жителей Амурской области преобладает самоидентификация по признаку гражданства.

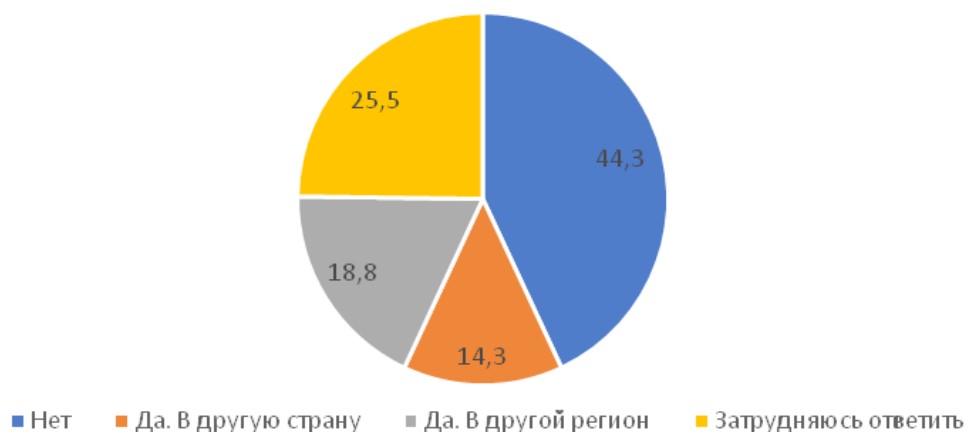
Второй блок вопрос связан с готовностью к миграции амурчан.

Подавляющее большинство опрошенных проживает в регионе с рождения и более чем 20 лет (87,7%), 8,6% приехали в Амурскую область

Как Вас должны воспринимать окружающие в повседневной жизни?

Планируете ли Вы уехать в другой регион России или другую страну на длительный срок или на постоянное жительство?

более 10 лет и только 5,09% мигрировали в Приамурье менее 5 лет назад.

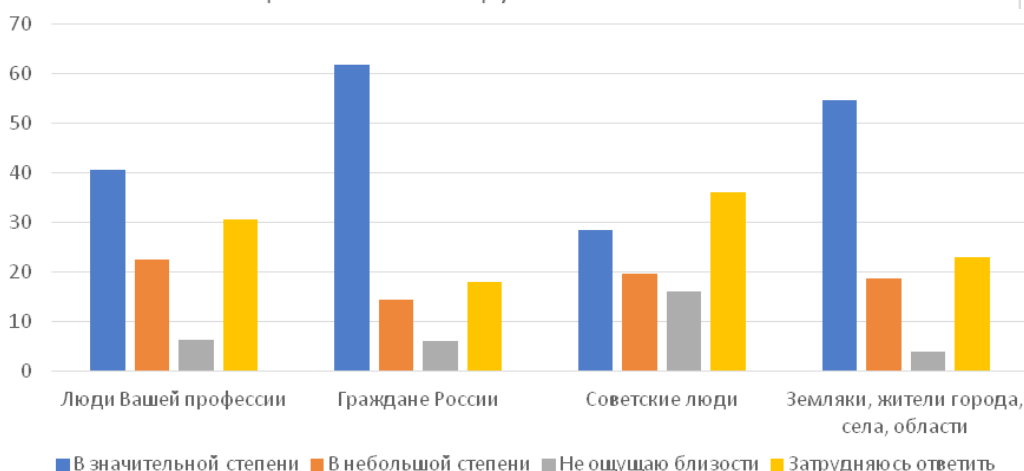
Однако при ответе на вопрос о миграционных планах обнаружилась высокая готовность амурчан к миграции и эмиграции. Из них только 44,3% не планируют покидать Дальний Восток и Амурскую область.

На наш взгляд, определенную тревогу вызывает большое количество затруднившихся ответить на поставленный вопрос. Неопределенный статус ответа говорит об их готовности к переезду из региона при возникновении новых обстоятельств. Именно эта группа риска требует особого внимания со стороны государственных органов, занимающихся вопросами миграционной политики.

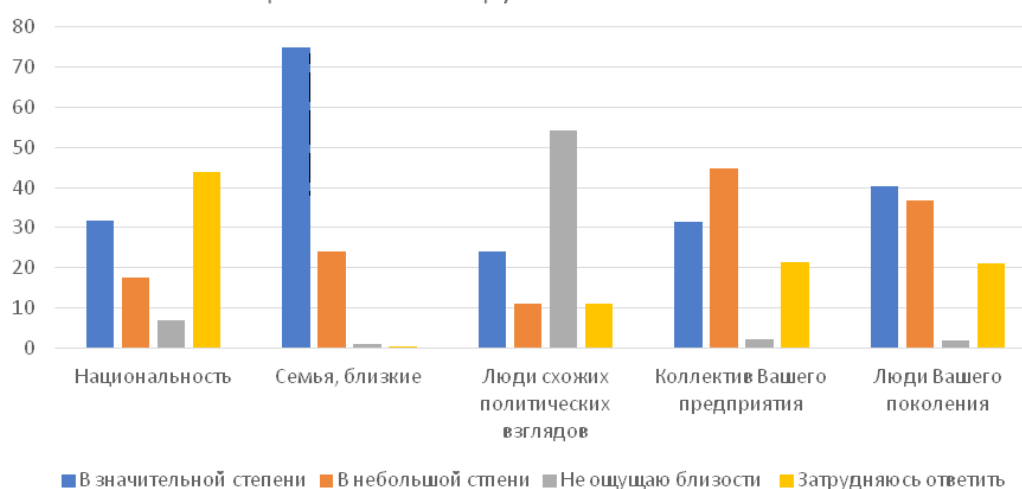
Третья группа ответов позволяет более детально исследовать группы, с которым идентифицируют себя жители современной Амурской области.

Исходя из представленных результатов наиболее популярной группой, с

О каких из перечисленных групп Вы можете сказать это - мы?

О каких из перечисленных групп Вы можете сказать это - мы?

которой идентифицируют себя амурчане, является семья. Необходимо отметить, что данная группа является лидирующей в большинстве исследований, проводимых в России на сегодняшний день. При опросе респондентов удалось выяснить, что они понимают под понятием семья, и какие характеристики семейных отношений для них являются наиболее привлекательными. Большинство опрошенных рассматривают семью как расширенную многопоколенную группу, члены которой связаны родством, браком и родительством. Обычно такая семья включает в себя больше двух поколений. Являясь частью такой социальной группы, индивид ощущает как психологическую, так и финансовую поддержку, взаимопомощь, чувства.

Вторыми по популярности группами идентификации являются территориальные группы: мы - граждане России и мы – земляки. На наш взгляд, это свидетельствует о понимании своей роли как граждан своей страны и жителей конкретного региона, о степени включенности в жизнь страны и края. В то же время, обратившись к изложенным выше показателям готовности к миграции, мы отмечаем широко распространенные среди жителей Амурской области миграционные и эмиграционные настроения. Эти факты говорят о серьезных проблемах в самоидентификации амурчан.

При уточнении в ходе индивидуальных интервью среди тех, кто идентифицировал себя с профессиональной группой, респонденты чаще всего называли крупные группы специальностей: учителя, врачи, рабочие, продавцы и т.д. Большая часть опрошенных гордится принадлежностью к этим профессиям и чувствует свою востребованность. При этом самоидентификация себя с коллективом, в котором респонденты работают, ниже. Большая часть опрошенных в силу различных причин намерены сменить место работы.

Примерно на одном уровне находятся показатели ассоциации себя с ровесниками (преимущественно молодежь и люди возраста 60+), с представителями одной национальности (несколько чаще у тех, кто указывал в качестве первой национальности отличную от русской) и советским народом (характерно в большей степени для возрастной категории 45+).

Один из существенных признаков кризиса идентичности является критичное восприятие политической группы. Деятельность политических партий и их представителей вызывает негативную реакцию в обществе и делает принадлежность к политической сфере не популярной.

Таким образом, в результате проведенного анализа мы определили, что большинство жителей Амурской области идентифицируют себя как русские, говорящие на русском языке. Они являются выходцами из семей переселенцев, прибывших на Дальний Восток в ходе переселенче-

ских кампаний из других районов России. Отдавая дань своей семейной истории, многие из них указывают вторую национальность.

Для амурчан характерна высокая готовность к миграции, что связано как с территориальной спецификой и близостью российско-китайской границы, так и с неудовлетворенностью материальных и социокультурных потребностей жителей Амурской области.

Большинство жителей Приамурья ассоциируют себя с семьей, тем самым отдавая предпочтение семейным ценностям. Авторы отмечают фрагментарность, противоречивость и несформированность политической идентичности различных групп современного населения Амурской области.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что наше исследование продолжается. В его рамках планируется провести тщательный анализ по различным половозрастным группам, а также оценить степень влияния на ответы респондентов пандемии Covid-19.

Список литературы:

1. Бляхер Л.Е. Региональная самоидентификация и трансграничные практики на Дальнем Востоке России // *Пространственная экономика*. 2005. № 1. С. 117-132.
2. Волкова Е.В. Адекватная самоидентификация населения как ключевой фактор укрепления России на Дальнем Востоке // *Вестник Тихоокеанского государственного университета*. 2008. № 3 (10). С. 163-168.
3. Дальний Восток СССР: 1941–1945 гг. / под общ. ред. чл. корр. РАН Н.Н. Крадина, отв. ред. Г.А. Ткачева / *История Дальнего Востока России*. Т. 3. Кн. 3. Владивосток: Дальнаука, 2020. 944 с.
4. Забияко А.П., Беляков А.О., Гаврилов С.С., Конталева Е.А., Родионова К.И. Этнокультурный атлас Приамурья. / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2016. 166 с.
5. История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5 Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960-1991 гг. / под общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. А.С. Ващук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016. 940 с.
6. Письмо ФАДН от 13.12.2017 № 4155-01.1-23-144 «О социологических исследованиях», «Методические рекомендации по проведению социологических исследований в субъектах Российской Федерации».
7. Пospelova С.В., Пospelova А.И. Локальная идентичность коряков в отдалённом районе Магаданской области / *Научный результат*. Серия: социология и управление. 2017. Т. 3. № 1 (11). С. 64-71.
8. Тураев В.А. Коренные малочисленные народы и государство в условиях постсоветской трансформации // *Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН*. 2018. Т. 21. С. 111-134.
9. Формирование региональной идентичности молодежи как условие ее сохранения на Дальнем Востоке России // *Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика*. Серия: Экономика. 2018. № 3 (25). С. 157-164.

References

1. Blyakher L.Ye. Regional self-identification and cross-border practices in the Russian Far East // *Spatial EconomicP*. 2005. № 1. P. 117-132.
2. Volkova E.V. Adequate self-identification of the population as a key factor in strengthening Russia in the Far East // *Bulletin of the Pacific State University*. 2008. № 3 (10). P. 163-168.
3. The Far East of the USSR: 1941-1945. / under total. ed. member corr. RAS N.N. Kradina, отв. ed. G.A. Tkacheva / *History of the Russian Far East*. T. 3. Book. 3. Vladivostok: Dalnauka, 2020. 944 p.
4. Zabyako A.P., Belyakov A.O., Gavrilov S.S., Kontaleva E.A., Rodionova K.I. Ethnocultural Atlas of the Amur Region. / Ed. A.P. Zabyako. Blagoveshchensk: Amur State University, 2016. 166 p.
5. History of the Russian Far East. Vol. 3. Book. 5 Society and government in the Russian Far East in 1960-1991. / under total. ed. V.L. Larina; отв. ed. A.P. Vashchuk. Vladivostok: IIAE FEB RAS, 2016. 940 p.
6. Letter from FADN dated 13.12.2017 № 4155-01.1-23-144 "On sociological research", "Methodological recommendations for conducting sociological research in the constituent entities of the Russian Federation."
7. Pospelova S.V., Pospelova A.I. Local identity of the Koryaks in a remote area of the Magadan region / *Scientific result. Series: Sociology and Management*. 2017. Vol. 3. № 1 (11). P. 64-71.
8. Turaev V.A. Indigenous small peoples and the state in the conditions of post-Soviet transformation // *Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of ScienceP*. 2018. Vol. 21. P. 111-134.
9. Formation of regional identity of youth as a condition for its preservation in the Far East of Russia // *Vestnik USNTU. Science, education, economicP*. Series: EconomicP. 2018. № 3 (25). P. 157-164.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Шанхай, Китай

Шэнь Сяочэнь

*Доктор юридических наук, младший научный сотрудник
Шанхайского политико-юридического университета, работает
в Центре международной юридической подготовки
и сотрудничества для ШОС (Китай).*

Эволюция развития стратегического восприятия США в Центральной Азии

Введение

Изменение стратегического восприятия США в отношении Центральной Азии является важным, но часто упускаемым из виду аспектом исследования для понимания общего развития и будущего направления стратегии США в Центральной Азии. К 5 февраля 2020 года правительство США опубликовало стратегический документ в отношении Центральной Азии («Стратегия США в Центральной Азии (2019-2025)»: укрепление суверенитета и содействие экономическому процветанию» (далее именуемая «Стратегия Центральной Азии 2020»)¹. США выпустили пять стратегий, связанных с Центральной Азией. Понимание стратегического положения и роли Центральной Азии в Соединенных Штатах также претерпело несколько серьезных изменений. Два контекста развития участия Соединенных Штатов в делах Центральной Азии за последние два десятилетия стали основой для текущего исследования новой стратегии. «Стратегия Центральной Азии 2020» представляет собой первый случай, когда эти два контекста развития сошлись.

1. Пять стратегических документов США в отношении Центральной Азии

Стратегический документ - основной контекст для исследования стратегического восприятия. С тех пор, как Соединенные Штаты сформулировали и приняли первый стратегический документ по Центральной Азии в 1997 году, стратегические корректировки и поправки в документ вносились примерно каждые пять лет. На данный момент было выпущено пять стратегических документов в отношении Центральной Азии.

¹ "United States Strategy for Central Asia 2019-2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity" // URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/United-States-Strategy-for-Central-Asia-2019-2025.pdf>. (дата обращения: 20.9.2021)

1) «Стратегический законопроект Шелковый путь» от 1997 и 1999 годов

В октябре 1997 года Конгресс США при поддержке сенатора Бенджамина Гилмана принял «Стратегический законопроект Шелковый путь», который стал первым центрально азиатским стратегическим документом в американской дипломатии. В 1999 году Конгресс принял поправки к законопроекту. Содержание этих двух законопроектов в основном одинаково. Оба они представляют собой поправки к Закону об иностранной помощи от 1961 года (*the Foreign Assistance Act of 1961*) для поддержки политической и экономической независимости стран Южного Кавказа и Центральной Азии. В основе документа лежит спрос США на энергетические интересы в Евразии. Указывается, что США должны как можно раньше заняться разработкой «энергетических ресурсов на сумму более 4 триллионов долларов США» в Каспийском море и Центральной Азии. Также указана рекомендация на то, чтобы «внешняя политика и международная помощь США были сосредоточены на поддержке политической и экономической независимости стран Южного Кавказа и Центральной Азии». Конечная цель - «снизить зависимость США от энергоресурсов в неспокойном Персидском заливе»².

2) «Стратегический законопроект Шелковый путь» от 2006 г.

В 2006 году Конгресс США принял новый законопроект, к Стратегическому законопроекту «Один пояс, один путь» на фоне драматических изменений в международной и евразийской ситуации, связанными с терактом 11 сентября и цветными революциями. Содержание законопроекта значительно изменилось. Теперь Афганистан вошел в список стран «Южного Кавказа и Центральной Азии», соответствующие институциональные механизмы были разработаны с учетом экономического значения «Шелкового пути». Цель стратегии - «помешать любой другой стране монополизировать энергетические ресурсы и объекты в регионе» и «защитить политику энергетической диверсификации США»³. Хотя документ не нацелен на решение афганского вопроса, однако с точки зрения решений и акцента на международное сотрудничество, «Стратегический законопроект Шелковый путь» от 2006 г. очень близок к соответствующему документу 2011 года, демонстрируя переход от евразийской стратегии к стратегии Афганистана.

3) «Стратегический законопроект Новый Шелковый путь» от 2006 г.

На министерской конференции Шелкового пути 22 сентября 2010

2 Marlene Laruelle, *Mapping Central Asia*, Ashgate, August 1, 2011. P. 97-99.

3 2006 Silk Road Strategy Act, S. 2749, 109th Congress 2D Session, May 4, 2006.

года бывший госсекретарь Хиллари Клинтон четко выдвинула «Стратегию Нового Шелкового пути»⁴, отметив, что фокус политики США в Афганистане «переместился на экономическую стратегию»⁵. В сравнении с описанием «Евразийского Шелкового пути» в законопроекте от 2006 года, документ 2011 года не сильно изменился, за исключением добавления нескольких проектов, таких как строительство Северной Распределительной Сети (*Northern Distribution Network*) в первой половине 2009 года, заключение соглашения о транзитной торговле между Афганистаном и Пакистаном (*Transit Trade Agreement* - в начале 2009 года и др. С этой точки зрения две стратегии «Шелкового пути» не имеют различий⁶. Однако с точки зрения характерных свойств эти два документа имеют ярко выраженные различия. Если первый документ содержит в себе евразийскую стратегию экономического развития, то «Стратегия Нового Шелкового пути 2011» - это региональное экономическое решение, полностью основанное на потребностях Афганской войны. Это первая стратегия США в Афганистане.

4) *Стратегия Центральной Азии 2015 года: «Долгосрочные перспективы в Центральной Азии»*

Подобно речи Хиллари Клинтон на тему «Стратегии Нового Шелкового пути 2011 года», правительство США также не опубликовало официальный текст стратегии в Центральной Азии 2015 года. Большинство сходится во мнении, что 31 марта 2015 года Энтони Блинкен (тогда заместитель госсекретаря) выступил с речью на тему «Стратегия Центральной Азии на 2015 год: «Долгосрочные перспективы в Центральной Азии». Данный доклад был прочтен в Институте Брукинса. В ноябре того же года госсекретарь Джон Керри выступил с речью «США и Центральная Азия: партнеры в лице 21 века» в Назарбаев Университете (Казахстан). Это выступление стало дополнительной интерпретацией вышеупомянутой «стратегии». «Стратегия Центральной Азии 2015 года» знаменует собой первый случай, когда политики США стали рассматривать Цен-

4 Примечание: Хотя президент Обама никогда не выступал с официальной речью о «Стратегии Нового Шелкового пути», и нет официального политического документа, который показывает, что Соединенные Штаты определенно будут применять эту политику в отношении Афганистана в переходный период и после 2014 года, но в течении серии международных конференций и выступлений высокопоставленных правительственных лиц «Стратегия Нового Шелкового пути» была официально признана регионом и международным сообществом, наиболее важными из которых являются Конференция министров Шелкового пути 22 сентября 2010 года, Стамбульская конференция по вопросу Афганистану (2 ноября) и Боннская конференция по вопросу Афганистану (5 декабря).

5 Hillary Rodham Clinton, Remarks at the New Silk Road Ministerial Meeting, Sep 22, 2011, United Nations, New York, NY.

6 Hillary Rodham Clinton, Remarks at the New Silk Road Ministerial Meeting, Sep 22, 2011, United Nations, New York, NY.

тральную Азию как независимую стратегическую единицу и предложили собственное стратегическое видение для Центральной Азии⁷.

5) «Стратегия Центральная Азия 2020»

Планирование «Стратегии Центральной Азии 2020» было более полным в сравнении с четырьмя предыдущими документами. Уже во второй половине 2017 года многие американские ученые, имеющие тесные связи с политическими кругами, сосредоточились на написании статей о новой политике США в Центральной Азии. 8 февраля 2018 года заместитель помощника госсекретаря США по делам Южной и Центральной Азии Элис Уэллсдала интервью в Узбекистане и подробно рассказала о новых изменениях в центрально-азиатской политике США. Кроме того, директор по делам Центральной Азии Совета национальной безопасности США Эрик Руденшольд возглавил группу по разработке стратегии⁸. 2-4 февраля 2020 года после визита в Украину и Беларусь госсекретарь США Майк Помпео посетил также Казахстан и Узбекистан. В Ташкенте, являющимся столицей Узбекистана, госсекретарь провел переговоры по механизму «С5 + 1» с участием министров иностранных дел пяти стран Центральной Азии. Во время переговоров выяснилось, что США выступают с новой стратегией в центрально-азиатском регионе. 5 февраля на официальном сайте Госдепартамента США был опубликован полный текст стратегии.

Однако с точки зрения текста «Стратегия Центральной Азии 2020» - это принципиальное, абстрактное и трудное для понимания изложение текста. Как понять последнюю центрально-азиатскую стратегию Соединенных Штатов? Какие стратегические изменения были внесены в нее? Существующие исследования как правило отталкиваются от американской политической деятельности в попытке объяснить стратегический замысел США, однако оставляют без внимания некоторые субъективные факторы, например, изменения в стратегическом восприятии или концепции политики государства в Центральной Азии. По этой причине исследования утратили актуальность с точки зрения политического анализа. Автор данной статьи считает, что для понимания стратегических целей США в Центральной Азии в ближайшем будущем нужно отталкиваться от стратегического вос-

7 Remarks of Deputy Secretary of State, Antony J. Blinken, "An Enduring Vision for Central Asia", U.S. Washington, DC: Brookings Institute, March 31, 2015 // URL: <https://2009-2017.state.gov/s/d/2015/240013.htm> (дата обращения: 20.9.2021)

8 "Remarks about United States Strategy for Central Asia: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity," Heritage Foundation, February 5, 2020 // URL: <https://www.state.gov/united-states-strategy-for-central-asia-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity> (дата обращения: 20.9.2021)

приятия США в регионе, уделив особое внимание изменениям стратегического контекста.

2. Контекст стратегического восприятия США в отношении статуса Центральной Азии

Изменения в восприятии американскими политиками статуса Центральной Азии сформировали первую нить (контекст) развития стратегического восприятия Центральной Азии. В центрально-азиатской стратегии США позиция перешла от пограничной к стратегической; от общей концепции, связанной с евразийскими энергетическими, экономическими проблемами, афганским вопросом, до превращения в первую независимую геополитическую концепцию «Центрально-азиатская стратегия 2015». Эти изменения стали еще более очевидны в «Центрально-азиатской стратегии 2020».

«Законы о Шелковом пути» 1997 и 1999 годов были сосредоточены на евразийских энергетических интересах США. Название «Шелковый путь» ясно отражало сильные евразийские геостратегические устремления Соединенных Штатов в этот период. Стратегический охват включает восемь стран «Южного Кавказа и Центральной Азии» в Европе и Азии, включая Армению, Азербайджан, Грузию, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Как видно из списка стран, охваченных стратегией, Афганистан в настоящее время еще не вошел в сферу евразийских стратегических соображений США⁹.

«Законопроект Шелковый путь 2006» является переходом от евразийской стратегии к афганской. После терактов 11 сентября и последующего начала войны в Афганистане ситуация в евразийском регионе значительно изменилась. «Законопроект Шелковый путь 2006» включил Афганистан в страны «Южного Кавказа и Центральной Азии» и определил страну как «неотъемлемую часть»¹⁰ геополитического интереса США в Евразии: «Падение режима Талибов, а также политико-экономическая открытость Афганистана позволили ему вновь интегрироваться в Центральную Азию... Будучи государством с уникальным географическим положением, богатой культурой и историей, Афганистан должен быть включен в состав центрально-азиатского региона»¹¹.

«Стратегия Нового Шелкового пути 2011» была полностью преобразована в региональный экономический проект, основанный исключи-

9 Marlene Laruelle, *Mapping Central Asia*, Ashgate, August 1, 2011. P. 97-99.

10 Andrew C. Kuchins, *Afghanistan: Building the Missing Link in the Modern Silk Road*, *The Washington Quarterly*, April, 2010.

11 2006 Silk Road Strategy Act, S. 2749, 109th Congress 2D Session, May 4, 2006.

тельно на потребностях войны в Афганистане. Его суть заключается в том, что Соединенные Штаты внедрили афганскую стратегию, направленную на улучшение ситуации в Афганистане и защиту интересов США в регионе. В своем стратегическом заявлении Хиллари Клинтон подчеркнула, что «Стратегия Нового Шелкового пути» в первую очередь направлена на региональную экономическую сеть с США в ее центре. Политик также заявила о сосредоточении на афганской проблеме: «На основе сотрудничества между странами региона и принципах международного сообщества, США создаст крупную экономическую сеть в Южной и Центральной Азии. В нее будут входить газовые трубопроводы, железные дороги, электрические сети и современные автомагистрали, проходящие через Афганистан. Таким образом, географические преимущества Афганистана будут реализованы в полной мере, стимулируя восстановление торговли и поток инвестиций. Следовательно, афганская экономика не будет полагаться на военную помощь и будет восстановлена». Соединенные Штаты выступают за реализацию регионального экономического сотрудничества в рамках «Стратегии Нового Шелкового пути». Соединенные Штаты выступают за региональное экономическое сотрудничество в рамках «Стратегии Нового Шелкового пути». Главная цель США - выбраться из афганского «болота». С помощью завершения регионального экономического проекта, в котором Соединенные Штаты могут наступать и отступать, «краткосрочные результаты кровопролитных боев в течение последних десяти лет...могут быть преобразованы в долгосрочный мир, стабильность и процветание в Афганистане»¹².

Заявление США о выводе войск из Афганистана в 2014 году и запуск «Стратегии Центральной Азии 2015» ознаменовали тенденцию постепенного отделения Центральной Азии от Афганистана. Также это подчеркнуло переход от афганской стратегии к центрально-азиатской. Это не первый случай, когда Центральная Азия стала объектом стратегического восприятия США, но в «Стратегии Центральной Азии 2015» регион впервые рассматривался как независимая геополитическая концепция. Ранее стратегия в этом регионе являлась добавочной к решению афганского вопроса или энергетической проблемы. В новой стратегии США стратегическое видение и цели направлены на Центральную Азию как отдельную единицу. Тем не менее «Стратегия Центральной Азии 2015» по-прежнему имеет большое значение для Афганистана. В документе

¹² Hillary Rodham Clinton, Remarks at the New Silk Road Ministerial Meeting, Sep 22, 2011, United Nations, New York, NY.

указаны «две основные концепции в Центральной Азии: более стабильная и безопасная Центральная Азия будет способствовать глобальным усилиям по борьбе с терроризмом и экстремизмом, тем самым укрепляя безопасность Соединенных Штатов; лучшее решение для поддержания стабильности в Центральной Азии - сохранение суверенитета и способность защитить границы»¹³. Очевидно, вышеупомянутые концепции тесно связаны с поддержанием регионального распространения в Афганистане в 2014 году.

В этом контексте «Стратегия Центральной Азии 2020» является законченным проектом в регионе, основанном на принципах Новой стратегии Центральной Азии и стратегических целях Соединенных Штатов в регионе.

1) В «Новой стратегии США по Центральной Азии» четко указано, что три основных принципа являются основой для соответствующей политики: Центральная Азия является важнейшим регионом для геополитических интересов и национальной безопасности Соединенных Штатов. Это ни в какой степени не связано с вмешательством в дела Афганистана; Соединенные Штаты будут укреплять сотрудничество с Центральной Азией в областях со сравнительными преимуществами и способствовать присоединению Центральной Азии к международной системе правления под руководством США; Если же Центральная Азия не проведет ряд реформ, предусмотренных США, последние будут вмешиваться в дела государств и предпринимать действия в рамках двустороннего и многостороннего регионального сотрудничества.

2) Стратегические цели США в Центральной Азии.

США имеют 6 стратегических целей в регионе: укрепление независимости стран и регионов Центральной Азии; снижение угрозы терроризма в Центральной Азии; обеспечение стабильной поддержки региона в проведении операций США в Афганистане; поощрение связей между Центральной Азией и Афганистаном; продвижение реформ верховенства закона и соблюдения прав человека в странах Центральной Азии; поощрение американских инвестиций в страны Центральной Азии¹⁴. Другими словами, разделение проекта по Центральной Азии и Афганистану является ключевой предпосылкой для

13 Remarks of Deputy Secretary of State, Antony J. Blinken, "An Enduring Vision for Central Asia", U.S. Washington, DC: Brookings Institute, March 31, 2015 // URL: <https://2009-2017.state.gov/s/d/2015/240013.htm> (дата обращения: 20.9.2021).

14 "United States Strategy for Central Asia 2019-2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity" // URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/United-States-Strategy-for-Central-Asia-2019-2025.pdf>. (дата обращения: 20.9.2021)

осуществления «Стратегии Центральной Азии 2020». Таким образом, США будут разрабатывать стратегические концепции и реализовывать стратегическую политику, основанную на своих «стратегических интересах в Центральной Азии».

3. Контекст развития восприятия США с точки зрения стратегической роли Центральной Азии

Восприятие Соединенными Штатами стратегической роли Центральной Азии отражается в трансформации стратегического характера США в регионе. Стратегия безопасности постепенно была преобразована в экономическую. Эта трансформация отобразила второй контекст стратегического восприятия США в отношении Центральной Азии. Сущность «Законопроект Шелковый путь» от 1997, 1999 и 2006 годов в евразийской экономической стратегии, а сущность «Стратегия Нового Шелкового пути 2011» в решении проблемы Афганистана в области регионального экономического сотрудничества... Однако реальная потребность в безопасности Центральной Азии возникла после войны в Афганистане. Сдвиг в области безопасности был отмечен «Стратегией Центральной Азии 2015» и окончательно закрепил ключевые понятия «безопасности» и «стабильности» в данном документе.

В 1997 году Соединенные Штаты приняли «Стратегический законопроект Нового Шелкового пути» и внесли значительные поправки в «Закон об иностранной помощи от 1961 года» (*the Foreign Assistance Act of 1961*). Первоначально причина изменений состояла в желании Соединенных Штатов как можно скорее вмешаться в дела регионов Каспийского моря и Центральной Азии с целью разработки «энергетических запасов на сумму более 4 триллионов долларов». США также выступили с предложением о том, чтобы «внешняя политика государства и международная помощь были сосредоточены на поддержке политической и экономической независимости стран Южного Кавказа и Центральной Азии». Конечная цель США - «снизить зависимость Соединенных Штатов от неустойчивых энергоресурсов из Персидского залива»¹⁵. Эта политическая идея отразилась в «Законопроекте Шелкового пути» от 1999 и 2006 годов соответственно. В трех законопроектах Шелкового пути также прослеживается идея повышения роли экономики и увеличения количества экономических программ. В «Законопроекте Шелкового пути от 2006 года» делается акцент на поощрении демократии,

15 Marlene Laruelle, *Mapping Central Asia*, Ashgate, August 1, 2011. P. 97-99.

развитии гражданского общества, разрешении конфликтов, помощи в обороне и таможенном контроле, однако в сравнении с двумя предыдущими законопроектами политические требования были значительно снижены. Экономические проекты, в свою очередь, стали занимать большую часть проекта. С одной стороны, это связано с тем, что основой трех законопроектов является защита региональных энергетических интересов Соединенных Штатов. Отмечается, что Россия, Китай, Иран и другие супердержавы стремятся избежать американской монополизации евразийской энергетики. Хотя Соединенные Штаты не отказались от своих требований в отношении прав человека и демократического развития, с прагматической точки зрения последние два десятилетия доказали, что этот метод не был очень эффективным в защите экономических интересов Соединенных Штатов в регионе. С другой стороны, в результате начала двух войн по инициативе США и в связи с послевоенной ситуацией в Афганистане Соединенные Штаты должны в определенной степени смягчить требования в отношении прав человека и различий государственного режима. США также должны углубить сотрудничество со странами региона и разделить затраты на решение проблем. В этом контексте администрация Обамы также частично использовала данную теорию для реализации «Стратегии Нового шелкового пути 2011».

Следует отметить, что «Стратегия Нового Шелкового пути 2011» ознаменовала стратегический переход от безопасности (с 2001 года) - к региональной экономике Афганистана. В контексте международной борьбы с терроризмом и военной ситуации в Афганистане американцы не затрагивали вопрос повышения благосостояния афганского народа. Также не поднимался и важный вопрос поддержания экономического роста для обеспечения стабильности в Афганистане. Исключением стал «Обзор проблем Афганистана и Пакистана», опубликованный Белым Домом в декабре 2010 года. Кроме того, Хиллари Клинтон в своем выступлении на Азиатском саммите в феврале 2011 года все еще видела решение афганского вопроса как «построение стабильного и независимого Афганистана»¹⁶. Политик в своей речи упомянула все, кроме «процветания». Ситуация изменилась 22 сентября, когда «Стратегия нового Шелкового пути» была предложена на Конференции министров Шелкового пути 22 сентября. Во время

¹⁶ Hillary Rodham Clinton, Remarks at the Launch of the Asia Society's Series of Richard C. Holbrooke Memorial Addresses, Feb 18, 2011, New York, NY.

конференции было добавлено: «Необходимо построить стабильный, безопасный и процветающий Афганистан в стабильном, безопасном и процветающем регионе»¹⁷. В целом, в афганской стратегии США за последние десять лет развитию Афганистана и его региональной экономики не уделялось такого внимания, как обеспечению военной безопасности, подготовке афганских военных сил и стимулированию демократического процесса¹⁸.

В 2015 году в политике США случилось еще одно значительное изменение. В своей речи «Стратегия Центральной Азии 2015» Энтони Блинкен заявил: «Наши взгляды на Центральную Азию, возможно, изменились за прошедший период, но наша приверженность долгосрочному партнерству, которым движут наши интересы и ценности в регионе, не изменилась. Причина проста: безопасность США и стабильность Центральной Азии непременно связаны друг с другом». «Укрепление партнерства со странами Центральной Азии для обеспечения взаимной безопасности» стало основной целью «Стратегии Центральной Азии 2015 года». Причина, по которой безопасность и стабильность в Центральной Азии превосходят энергетику или экономику, заключается в основном интересе Соединенных Штатов в Центральной Азии. Сложный уникальный геополитический фон стал причиной важности безопасности Центральной Азии для Соединенных Штатов: «Этот регион соседствует с Ираном, сталкивается с растущим экономическим влиянием Китая, осторожно поддерживает переход в Афганистане, защищается от вновь вспыхнувшего стремления России вмешаться во внутренние дела. Регион также вынужден защитить свою молодежь от влияния ежедневно развивающихся экстремистских идеологий».

В «Стратегии Центральной Азии 2020» «обеспечение стабильности, безопасности и независимости Центральной Азии, постоянное углубление ее контактов с Соединенными Штатами» стало центральной проблемой стратегии. Эти вопросы были более тщательно и углубленно рассмотрены, чем в «Стратегии Центральной Азии 2015». Во-первых, было выдвинуто конкретное требование обеспечения «стабильной и процветающей Центральной Азии». Главный стратегический интерес Соединенных Штатов в Центральной Азии заключается в необходимости «более стабильной и процветающей Центральной

¹⁷ Hillary Rodham Clinton, Remarks at the New Silk Road Ministerial Meeting, Sep 22, 2011, United Nations, New York, NY.

¹⁸ Andrew C. Kuchins, A Truly Regional Economic Strategy for Afghanistan, The Washington Quarterly, Spring 2011.

Азии... которая может напрямую способствовать борьбе США с терроризмом, поддерживать региональную стабильность, способствовать энергетической и экономической безопасности, стимулировать процветание в регионе». Во-вторых, безопасность и стабильность являются «неизменными стратегическими проблемами» Соединенных Штатов в Центральной Азии: внутренний и международный терроризм по-прежнему остается главной угрозой для безопасности; стабильность стран Центральной Азии по-прежнему сталкивается с проблемами, вызванными экстремизмом, наркотрафиком, дезинформацией и ее последствиями.

Вывод

Основываясь на обзоре стратегических текстов, в данной статье выделены два контекста развития, стоящие за изменениями в американской стратегии восприятия Центральной Азии: во-первых, стратегическое положение Центральной Азии претерпело изменения и отразилось в контексте «Евразийской стратегии - стратегии Афганистана - стратегии Центральной Азии». Во-вторых, стратегическая роль Центральной Азии изменилась в контексте «Евразийской экономической стратегии - Экономической стратегии Афганистана – Центрально-азиатской стратегии безопасности». С точки зрения двух когнитивных изменений мы пришли к следующим выводам.

1) «Стратегия Центральной Азии 2020» отражает значительное изменение в восприятии американскими политиками Центральной Азии. Внешняя стратегия США в Центральной Азии стала уделять меньше внимания региональному экономическому развитию, но повысила роль безопасности, стабильности и геополитики. Афганистан и Центральная Азия стали двумя независимыми объектами во внешней стратегии США.

2) В «Стратегии Центральной Азии 2020» уточняется, что Соединенные Штаты вступят в активную фазу стратегических инициатив в Центральной Азии. Во-первых, точно указана позиция Центральной Азии в глобальной стратегической схеме Соединенных Штатов. Центральная Азия позиционируется как важный стратегический район. Регион имеет решающее значение для поддержания регионального влияния Соединенных Штатов. Такая позиция дает США возможность напрямую вмешаться в дела региона в любой момент. Во-вторых, данная стратегическая инициатива была принята в целях конкуренции с крупными госу-

дарствами и содействия интеграции Центральной Азии в направлении, благоприятном для Соединенных Штатов. Эта активная стратегическая позиция напрямую связана с подавлением интересов Китая и России в Центральной Азии.

Список литературы/ References

1. "United States Strategy for Central Asia 2019-2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity" // URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/United-States-Strategy-for-Central-Asia-2019-2025.pdf>. (дата обращения: 20.9.2021)
2. Marlene Laruelle, Mapping Central Asia, Ashgate, August 1, 2011. P. 97-99.
3. 2006 Silk Road Strategy Act, S. 2749, 109th Congress 2D Session, May 4, 2006.
4. Hillary Rodham Clinton, Remarks at the New Silk Road Ministerial Meeting, Sep 22, 2011, United Nations, New York, NY.
5. Remarks about United States Strategy for Central Asia: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity," Heritage Foundation, February 5, 2020 // URL: <https://www.state.gov/united-statesstrategy-for-central-asia-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity> (дата обращения: 20.9.2021)
6. Marlene Laruelle, Mapping Central Asia, Ashgate, August 1, 2011. P. 97-99.
7. Andrew C. Kuchins, Afghanistan: Building the Missing Link in the Modern Silk Road, The Washington Quarterly, April, 2010.
8. 2006 Silk Road Strategy Act, S. 2749, 109th Congress 2D Session, May 4, 2006.
9. Remarks of Deputy Secretary of State, Antony J. Blinken, "An Enduring Vision for Central Asia", U.S. Washington, DC: Brookings Institute, March 31, 2015 // URL: <https://2009-2017.state.gov/s/d/2015/240013.htm> (дата обращения: 20.9.2021).
10. Andrew C. Kuchins, A Truly Regional Economic Strategy for Afghanistan, The Washington Quarterly, Spring 2011.

Храбина Йозеф

*Аспирант факультета Международных отношений.
Московский государственный институт международных отношений,
ведущий аналитик Совета словацких экспортеров.*

Хищники и добыча: хищение как стратегия завоевания

Jozef Hrabina

*Graduate Student of the faculty of International Relations.
Moscow State Institute of International Relations,
Senior analyst of the Council of Slovak Exporters.*

Predators and preys: predation as strategy for conquest

Predation theory is part of the Power Transition Theory that focuses on the upward/downward trends in the structure of international relations. It illuminates the reasoning why rising states pursue predation and possibly aim to revise the status quo. While Power Transition Theory argues that the rising state will engage in revisionist actions if it is dissatisfied with its position within the status quo (Kugler; Organski, 1991), the author of the predation theory, Joshua Itzkowitz Shiffrinson, adds the power calculus of opportunity windows, alliance potential of the established power and its usefulness to the rising state (Shiffrinson, 2020, p. 93). Thus, Shiffrinson's theory is a novel to the Power Transition Theory as it offers a more nuanced view of the fundamental structural dynamics. However, this approach suffers from structural determinism what restricts the theory only to rising/declining state dynamics with an emphasis on revisionism of the challenger (Kugler; Organski, 1991). But as Andrej Krickovic recently maintained, even non-status quo powers in decline can pursue revisionist policies, i.e. challenges the status quo via predatory foreign policy. Here, Krickovic points to the case of contemporary Russia as a vivid example of the gap in the theory. (Krickovic, 2017)

The relevance of debate on structural changes has primarily increased over the last decade or two. Discussion points to the behavioural patterns between rising and declining powers that engage in severe competition and sometimes even war. However, scholars vary in the aggression initiator. The first recorded observation of such behavioural patterns was one of Thucydides famous conclusions, *"It was the rise of Athens and the fear that this inspired in Sparta that made war inevitable"* (Thucydides, 1891). The Peloponnesian War case portrays relatively declining Sparta as the war initiator. Hegemonic Stability Theory, introduced by Robert Gilpin, also concludes that the decliners are prone to launch wars in order to prolong their preponderant power status (Gilpin, 1981). MacDonald and Parent offer an explanation for the impact of the decline depth on the decliner's behaviour, while they maintain that the decliners are prone to attack in the cases of steep decline, but they must be still in a more advantageous position over the rising state (MacDonald; Parent, 2020).

In contrast, the power transition theory points to the assertiveness of rising states. The rising state is likely to turn into a revisionist one if dissatisfied with the status quo, which is the primary observation of predation theory, too. However, Shiffrinson limits his predation theory to a rising state preying on decliners only if it's a.) dissatisfied with the status quo b.) feels military preponderant over the decliner c.) the decliner has no alliance potential to riser (Shiffrinson, 2020, p.41).

On the other hand, Krickovic (2017), or Schweller(2015), point out that riser is often satisfied with the status quo because it thrives thanks to the established order or despite it. Therefore, they suggest absenting of logic for the ascending state to challenge the order until its power grows. On the contrary, decliners are the ones who are dissatisfied with their uncertain future, and thus, decliners mostly aim to revise the structure. Even though one cannot disagree with the logic of dissatisfied revisionists, the predation theory is still of great relevance due to its observation about great powers behaviour. Simultaneously, Shiffrinson's theory does not aspire for an Omni explanatory riser-decliner behavioural approach but helps to understand states' motives in particular situations. With that said, all great powers behave in opportunistic ways and care firstly for their own good. They wait for windows of opportunity and prey on what the system has to offer. When dissatisfied with the current state of affairs, they wait for a window of opportunity and challenge the status quo. Hence, a predatory power shifts towards a revisionist one.

Drawing on the current debate, the predation theory offers system-wide implications for revisionist states' predatory behaviour, states in relative decline predation and predatory hegemons. For example, as for actors in relative

decline, contemporary Turkey preys on Pax Americana/NATO's declining influence in the Middle East, Northern Africa and Eastern Mediterranean. In contrast, the case of post-Cold War U.S. predation on Soviet and later Russian decline in Eastern Europe and Eurasia demonstrates the predatory hegemon's case. The U.S. primacy or overextension of power was achieved via predation in the late 20th and early 21st century. Here, Chan, Hu, and He made an interesting point that U.S. behaviour is revisionist compared to the Chinese one. The U.S. can be understood as revisionist power since the late second decade of the 21st century when it appeared in relative decline and aimed to rebuild the order in the way it continued to serve its interests (Chan, Hu, He; 2019). Until then, however, U.S. behaved as a predatory hegemon. One must stress the importance of the taxonomy of strategies for gaining power that require clarification, whereas the predatory powers are not always revisionists risers. At the same time, I broaden the theory to both unit level and structure level variables. That said, one gets a more explanatory approach by expanding the window of opportunity and dissatisfaction to the domestic elites' perception of their own might and the outer world. For instance, the post-Cold War U.S. elites believed that promoting democracy and liberal values were vital to the defeat of the Soviet Union that collapsed mostly due to domestic issues. Nonetheless, this belief fuelled the predatory foreign policy of the newly established hegemon, for the past three decades.

The importance of the research draws on two significant issues. First predators do not necessarily aim to alternate the order as demonstrated in the 19th century U.S. ascend and thus, can be appeased or balanced. The exception is the case of predatory hegemons. In contrast, revisionists are likely to continue challenging the status quo. The second image helps us understand states motives for predation and the shift in their aspirations as 19th-century German shift from Realpolitik to Weltpolitik points out. Thus, the manuscripts' central question lies as follows: How does the states predatory behaviour affect *international relations when expanded to all great powers instead of rising ones?*

I argue that predation is not exclusively the rising- declining state behavioural pattern and does not necessarily encompass the rising state's revisionist ambitions. Established powers, too, especially power preponderant ones and states in relative decline, can behave in predatory ways. Expansion of predatory theory is essential to the field because predatory behaviour does not necessarily imply revisionism, although both can result in dire consequences for the entire system. One can observe the external influence between types of revisionist and non-revisionist predation via 19th century Germany. As Bismarckian Germany was unified via predatory policies but under the realpolitik flag based on status quo orien-

tation and reassurance. Wilhelmine Germany, in contrast, shifted from status quo-oriented realpolitik to revisionist Weltpolitik.

It is essential to distinguish these behavioural patterns to predict the likely systemic reaction and answer to them. That said, both scholars and policy-makers should be aware of this taxonomy because, as the volumes of historical evidence and scholarly work show, leaving predatory states unchecked results in dire systemic consequences.

I am going to prove the central argument via the following tasks:

- Outline the taxonomy of predatory behaviour: predation as a strategy for power maximisation, predation as an overextension of power, predation as a revisionist strategy
- Test my taxonomy on the case studies of expansion, overextension of power, revisionism
- Analyse the domestic elite's impact on predatory/revisionist behaviour
- Outline the structural and domestic conditions that foster these patterns, domestic (satisfaction, fear, ideology),
- Discuss the effects of predation, revisionism such as structural shifts

Taxonomy of strategies for conquest

Shiffrinson describes predation as peer-to-peer behavioural phenomena initiated by rising states to gain power at the decliners' expense. Even though his theory does not exclude the option that the predatory power will lack the ambition to revise the existing order or overtake its prey position, the theory observations point this way. *Witnessing another's decline, some rising states go for the jugular and challenge a declining state's strategic position* (Shiffrinson, 2020, p. 2). Shiffrinson identifies two main conditions for states to engage in predatory behaviour 1.) *the decliner's utility as a partner against other great powers (its strategic value) and (2) its military tools for securing its interests (its military posture) and thus its ability to threaten rising states.* (Shiffrinson, 2020, p. 13).

Furthermore, one's decline creates an opportunity for another's conquest as the primary structural condition for predation. If the rising state is dissatisfied with the current status quo, it proceeds with the cost/benefit of engagement in violent competition with decliner, i.e. challenging the status quo. However, if the potential predator finds decliner to some use in balancing against other powers, it will likely seek accommodation or even partnership. This demonstrates the late 19th century German- Austro-Hungarian reconciliation and partnership. Triple Alliance's core shows that riser can also engage in deep competition to defend its partnered decliner. I expand these variables to poten-

tial predators' domestic elite perception of the decliner or the order that the decliner maintains. If the declining state elites or the order they represent poses a threat to other great powers, they will aim to challenge it via intense or limited predation. Germany, for instance, unified via limited predation as it preyed on declining France and Austro-Hungary, but did not aim to push them out of the European balance of power as well as Bismarck with his *realpolitik* signalled no intentions to challenge the existing status quo. The contemporary Russian elites view the U.S. led Liberal Order as an imminent threat to the Russian great power status and, thus, independence, so they aim to challenge the Western rule wherever that is possible. If the American and Russian elites would adopt soft-line approaches, the resulting behaviour would likely shift from containment/predation to partnering relations. However, this is not to seek the *causa principalis* in diverting US-Russia relations, but to point out the importance of domestic elites in states' strategic behaviour. Described within the logic of offensive realism, states would want to become as powerful as possible and to keep their peer competitors weak. This logic, too, implies odds for revisionist ambitions of the predator. However, the research lacks data on the number of powers that engage in predation without subsequent order alternation. At the same time, domestic elites might determine whether the state pursues a hard-line or soft-line strategy towards decliner.

All these variables will be put to work in subsequent cases of predation, the mid-19th century U.S. prevalence in the Western Hemisphere achieved via predation, U.S. predatory hegemony after the Cold War maintained as part of overextension of power and Turkish predatory behaviour in the second decade of 21st century as a part of Turkish revisionism. This study's central observation revolves around the fact that the predation is not solely a strategy implied by rising states to prey on decliners in the system but can be expanded on decliners and states with no aim to revise the status quo, too.

U.S. as Non-Revisionist Predator

The Nineteenth century's United States foreign policy is the record of expansion and conquest, whereas the U.S. spent sixty-nine years at thirty-six wars. Initially, thirteen colonies pushed for the westward, southern and northern expansion based on the belief that liberty equals private ownership embodied in farming lands. Manifest destiny became an ideological bedrock for often violent expansion, and the Monroe doctrine became a geopolitical expression of the U.S. aim to achieve regional hegemony in the Western Hemisphere. Like German *Weltpolitik*, Manifest Destiny was pure geopolitical calculus and justification for predatory practices of the soon-to-be mightiest state in the system.

Indeed, despite being described as a peak of European power institutionalised in the Concert of Europe, the nineteenth century was also a century of Old Continent's relative decline. This decline was illustrated in the U.S. quest for regional hegemony as the U.S. pursued anti-colonial policies and supported South American states' formation. At the same time, Manifest Destiny was built on Native Americans' oppression and efforts to kick other great powers from the Western Hemisphere, which signalled that the U.S. was becoming the great power in cold blood and what is more, it was happening via predation. No wonder that scholars consider the U.S. a geopolitical flawless unit, and they often point out its unique geography. To achieve that, the U.S. had to fight bloody wars and pay millions of dollars to colonial powers to acquire new territories. The geopolitics laws allowed the local centre of power to fight more efficiently against materially much more capable European great powers. Still, Europeans were unable to counter the U.S. limited offensives due to the vast distance between the centre of power and the area of their interests. That said, the United States extensively sought windows of opportunity to increase its territory as the East-West connection, and once it achieved the regional hegemony, it looked outward.

The debate over U.S. imperialism becomes chaotic due to the U.S. anti-colonial nature and isolationism embedded in its nonalignment with European powers. However, the perception of an inward-looking empire ceases to be built upon solid bedrock when confronted with U.S. overseas ventures such as Spanish-American Wars over Cuba, the Philippines and Hawaii. The eighteen ninety-eight is considered a breakthrough year in U.S. colonialism as the U.S. got involved in the Samoan Civil War against Germany. The U.S. also started the above-mentioned Spanish-American War over Cuba, the Philippines, Puerto Rico and Guam, which resulted in the subsequent American-Philippines War (Burns, 2017). The U.S. also joined Imperialist ventures of European Empires in China of mid-19th century Opium Wars and late 19th century Boxer Rebellion. And what is relatively rare in contemporary discussion over U.S. Imperialism is its aim to establish colonies in Africa. In 1817 the American Colonial Society was formed to relocate the unwanted free black population that Americans thought might become a problem over the years. The U.S. created a colony of Liberia, where the freed Afro-Americans were supposed to rule and help the U.S. gain the Black Continent benefits. The U.S. then continued to purchase more lands in Western Africa to expand its territories, but the offshoot venture ended with the Liberian declaration of independence in 1847, vastly supported by Great Britain. In terms of material power, the U.S. overtook Great Britain on the verge of the 20th century, i.e., when some be-

come label the U.S. as an empire (Ransom, 2018, p. 287). Yet, the U.S. did not take advantage of vanishing European powers, which were forced to maintain territorially distant colonies often unstable due to their rule's oppressive nature. The non-revisionist approach manifests in the U.S. reluctance to join the global order in 1919 when it already became the mightiest power in the system by far. So, the pre-W.W. I status quo was partly restored with Britain as the European arbiter, and the U.S. turned back to the Western Hemisphere isolation and Monroe Doctrine.

Case for Predatory Hegemon

The U.S. is truly an exceptional country and offers a great deal of data to contemporary iR scholarship. Its unique political system based on Jefferson's notion of private ownership, individual freedoms and liberal ideology provides shelter for millions of immigrants from all over the world. The U.S. sense of its own exceptionalism is perceivable in every moment of its history. Yet, despite being labelled as the land of freedom, the U.S. pursued the brutish and predatory foreign policy to become the most powerful state in recorded history with an impressive global network of alliances, excessive cultural influence and institutional power unseen to the date. The post-Cold War unipolar moment reminded of a Roman momentum in the antique period. The Pax Americana built on freedom and wealth for those who accept its rule. In this particular moment, the U.S. turned from the benevolent hegemon to the predatory one (Layne, 2006). With no status quo to revise, it preyed on declining Russia as a successor state to the Soviet Union even despite the initial Russian belief that their country does not need foreign policy different from the one of Washington and the honest will to join Euro-Atlantic structures that persisted through 90's to the late '00s.

The U.S. not only engaged in the continuous pressure on liberalisation in post-soviet space and abandonment of Cold-War security architecture. It involved in folly reorganisation and social engineering of the Middle East and Northern Africa. Yet with no rival at sight, the U.S. pursued its interest via predation either towards former peer competitor in decline or via predatory foreign policy towards weak regimes of the Middle East, of which Iraq was a former U.S. ally in Iran containment.

The end of the Cold War strengthened the sense of exceptionalism within the U.S. elite. This new belief of being a *global force for good* stemmed from the flawed understanding of the Soviet Union collapse. Most of the American elite concluded that spreading democracy and liberal values brought the Soviet Union to its knees, and thus, the U.S. is predestined to continue in mission to

liberalise the unipolar world. For instance, neoconservatives became a strong movement within U.S. foreign policy establishment thanks to ideas of spreading democracy by military means, or how John Mearsheimer calls it *Wilsonianism with teeth* (Mearsheimer, 2005). The neocons were the driving motion of U.S. predation and liberal interventionists, such as Colin Powell, who advocated for the Iraqi War with fabricated proofs at the U.N. Security Council meeting. After all, both Obama and Trump won their presidencies with promises to cease costly and bloody military ventures in the Middle East. To a large extent, the Middle East interventions attributed to a loss of the U.S. its formidable influence globally and became a pretext to Pax Americana decline as the liberal interventionism instead of promised prosperity created more bloodshed and injustice.

Indeed, the predation was part of its primacy strategy as it tempted the U.S. to establish itself in former Soviet republics due to the Soviet succession state decline. After the Cold War, Russia lacked the resources to maintain a vast sphere of influence, the ideology that would fuel such venture was absent too, and what is more, the Russian elite was keen to become a part of the US-led Liberal Order. The U.S., in contrast, did not hesitate to use coercive power to achieve its means and even ignored the bedrocks of the order it maintained what attributed to its decline after all. Whereas the American foreign policy generated more and more setbacks, Russia regained its great power status, and its formerly pro-Western elites have become an antagonist to the West. The rise of China and other BRIC economies attributed to the shifts that became evident in the second half of the twenties. With an increasingly less powerful US-led order, the alternative order still absent is now facing disorder. In the past few years, the U.S. strategy became more revisionist than primacist as it changed rhetoric's from international law-based order to the rules-based order. Currently, the U.S. abandoned the institutions and law and shifted to more balancing and containment approaches to remake the order in a fashion that would continue benefitting the former hegemon.

Predation to Prevent the Decline

Over the past decade, Turkey is becoming increasingly assertive in the Middle East and Eastern Mediterranean. Starting with stakes in the Syrian War, where Turkey made territorial claims as well as it supported anti-Assad forces, fought Kurds in Syria and Iraq, intervened in Libya. Turkey regularly conducts hostile actions against Greece as a part of Greek-Turkish disputes over maritime borders and supported Azerbaijan in the unfrozen Nagorno-Karabach conflict with Armenia. With that said, Turkish foreign policy certainly carries

the features of predation as it uses windows of opportunity across the whole region. In contrast, Turkey is not particularly the case of rising power as its G.D.P. reduced by 20% throughout 2013-2019 from 957 billion dollars in 2013 to 761 billion dollars in 2019, even despite the Turkish economic boom from the pre-2013 period (World Bank, 2019), thus, Turkey is more case of decliner aiming to fix its downfall via expansionist policies.

Structural predispositions for Turkish predation offer clear reasoning for this type of behaviour. In the past 30 years, the Turkish neighbourhood map has drastically changed due to the wave of interventions and revolutions. Relevant actors such as Iraq, Syria, or Libya has turned into failed states, and the region became a fertile ground for instabilities of various kind. The regional status quo shifted towards the quartet of Saudi Arabia, Iran, Turkey and Israel, while the global actors influence significantly decreased over the past few years. For example, the post-Iraqi U.S. reluctance to boots-on-the-ground solutions has created space for the Turkish military.

On the other hand, the chaotic NATO organisation makes it easy for Turkey to challenge Greek border integrity. Or the declining Russian influence in the Southern Caucasus with COVID-19 pawed the way to the Azeri-Turkish coalition to strike a much weaker formal Russian ally- Armenia in Nagorno-Karabach. Yet, despite the recent setbacks in Russo-Armenian relations caused by the anti-Russian sentiments evoked by the pro-western Armenian government, Russia played a major role in settling the unfrozen conflict, but for the price of significant Armenian concessions to Turkish supported Azerbaijan. With that said, Turkey sits in the region where not only regional status quo changed over the past few decades, but also great power interests cross as the E.U. and Russia are neighbouring powers to Turkey, and thus, they are intensely interested in the region, while in contrast, the Middle East was a territory of vast U.S. attention. Despite the successful Russian intervention in Syria, the influence of the global powers seems to be waning. This phenomenon creates a window of opportunity for Turkish elites to expand Turkish influence in the region.

Turkish political elites fuel the country's self-perception as the dominant force in the region and portray Turkey's image as a successor to the Ottoman Empire. Neo-Ottomanism as a main driving motion behind the Turkish predation embodies the quotes of Recep Tayyip Erdogan about "geography in our hart" and "spiritual borders" of the Turkish (Ottoman) state (Tziarras and Harchaoui, 2021). Turkey's ruling elite amongst A.K.P. also shifted from the so-called Turkish model of pro-western democracy and liberal economy to a more authoritarian state. This shift caused mainly the 2016 attempted coup, for

which Erdogan blames the U.S.A. After the failed coup, the Erdogan's depart from pro-western towards purely opportunistic course came to live contours. At the same time, the attempted coup added to the Turkish historical sense of humiliation based on Turkey's perception of being used by the West. Therefore, these events clarify the Turkish quest for great power status and opportunistic predation on the disorder, both regional and global. The Turkish aim is to use the window of opportunity in Pax Americana decline resulting in chaos and failed states in the neighbourhood to become as powerful as possible. Suppose Turkey succeeds in tackling its steep economic decline and increases its sphere of influence. In that case, it will likely regain great power status, as the Turkish reasoning behind its predatory policies goes. But for now, Turkey operates as a decliner aiming to prevent its decline via predation.

Predation as a Hard-Line Strategy for Conquest

As demonstrated in the case studies, the predation is not solely revisionist behaviour of the risers towards decliners. What makes it appear as such is the window of opportunity primarily embedded in the structural shifts and domestic elite perceptions. Predation is the expansionist type of behaviour used by states seizing the chance to make gains or prevent their decline via conquest regardless of the upward/downward trend of the predator. That makes predation not only the riser-decliner approach but also a strategy for conquest.

The plausibility of predation as a strategy for conquest has threefold reasoning. First, the structural conditions create the window of opportunity for predation. The nineteenth-century United States would hardly pursue expansionist strategy if technologically underdeveloped and fragmented Indian tribes have not encircled it, colonies of declining powers such as France and Spain and Great Britain either unwilling to dedicate too many resources for countering the North American resistance or too distant to manage wars against so strategically advanced competitor. This reasoning also applies to the post-Cold War period, when there was no challenger at sight, and the U.S. was free to pursue whatever strategy it saw profitable. Contemporary Turkey, too, sees a window of opportunity in the number of failed states in its neighbourhood and the waning influence of NATO in the region. The predator is unlikely to pursue such a strategy if the status quo is cemented and order tightly organised.

Dissatisfaction with the status quo resides amongst significant reasonings behind Shiffrinson's recently developed theory's predatory behaviour. Indeed, two out of three cases point his argument right, but the U.S. post-Cold War behaviour was indeed not rooted in dissatisfaction with its hegemonic status.

At the same time, I believe that the repulsive stances towards established international regime or regional status quo intertwine with the predatory states' revisionist ambitions. Yet, not all predators aim to establish themselves as status quo powers such as the U.S. ascend, or the unipolar moment demonstrates. The former clearly lacked interest in being involved in the imperial balance of power. The latter could hardly realise that the Middle Eastern dictators could pose any significant threat to the US-led order.

In contrast, Turkish behaviour is driven by the lust for former great power status and revision of the regional status quo. Here, it would be interesting to observe non-revisionist and revisionist predation roots, which I believe has a two-fold explanation. First, the non-revisionist predators are risers, who are faring well under the current international establishment, while revisionists are states who are somewhat pulling the shorter end under the established order or even decliners. However, this claim requires further observation and should be tested on predatory behaviour cases with and without revisionist ambitions. At the same time, one should consider the importance of the shifting priorities in foreign policy, i.e., the shift from non-revisionist predation to revisionist one that is likely to take place with increasing or declining power potential.

And the final precondition for predatory behaviour stems from the political elite self-perception of the necessity for further conquest or animosities of domestic elites with the outer world that drives them to employ brute strategy as they believe these are just. Take, for example, the Neo-Ottoman ideology of Turkey mixed with increasing animosities with the West. Turkish predation is fuelled by the idea that they are taking back what was once theirs, while their cause is supported by Western exploitation and blaming the U.S. for the 2016 attempted coup. In contrast, the U.S. elites believed that the violent spread of liberal values is a just cause as their values are universal and bring peace and prosperity once established. Not to mention the messianism and exceptionalism that drove the U.S. predation until very recently. The case of U.S. ascend illustrates the justifications for brute strategies, too. Jefferson's envisioned freedom embedded in the right to own land and Manifest Destiny led to the expansionism and genocidal treatment of Native Americans, or oxymoronic anti-colonialism that fostered U.S. belief in the necessity to drive the European powers out of the Western Hemisphere. That said, the set of beliefs and perceptions of domestic elites are important in a.) justification of predatory policies b.) initiation of such policies as one has to perceive the external opportunity or domestic strength to launch expansion, while he also has to justify brute policies at home.

Furthermore, the predation as a strategy for conquest has proven applicable, besides revisionist-established great power pattern, in cases of expansion without aiming to revise the status quo, primacy and overextension of power, and preventing one's decline. That said, predation is not solely the domain of rising state preying on the decliner or group of decliners. On the contrary, predatory behaviour is widespread for great powers and signals three critical observations about the predatory state and the structure within it operates. First, the status quo is shifting what creates space for predators who try to take advantage of the situation. Second, the predator itself is dissatisfied with his position or feel superior enough to take advantage of shifts in the status quo. Last but not least, the elites of the predatory state perceive themselves as justified to use the brutish approach for further expansion.

Finally, the structural consequences of predation are the very reason why academia should take interests in observing predatory behaviour. In cases that the predatory riser grows unbalanced, it will become eventually too powerful to tackle, as the U.S. ascend points out. In contrast, the U.S. as a predatory hegemon alienated other great powers in the structure that became anti-Western and formed a non-institutionalised balancing coalition against the US-led order. That said, once the predatory power occurs, the incentives to balance it will sooner or later follow. However, if actors buck pass, the predator is likely to grow significantly at the expense of decliners. And finally, declining predators are likely to expand their claims what not only results in conflicts but also fosters disorder that is possible to maintain via balancing of the predatory state. One has to stress that predation is mostly accompanied by violence and sometimes even with war. Therefore, the attention to predation is also linked to understanding why the violence occurred. When the watchful student of international relations observes predatory behaviour, he is likely to determine whether the predator will also pursue revisionism and if it is going to engage in violent behaviour.

Conclusion

To sum up, the predation theory offers system-wide implications for revisionist states' predatory behaviour, states in relative decline predation and predatory hegemons. The manuscript observed predation as a great power strategy for conquest that requires three conditions, a structural window of opportunity, i.e. increasing disorder or a declining actor/group of actors, which are to become prey. Second, dissatisfaction either with the status quo or with the potential predator status. Third, own perception of superiority, or set of justification ideologies pursued by domestic elites to reason the state's

assertive behaviour. The importance of understanding this taxonomy lies in its behaviour-explanatory nature while understanding motives for predation and its goal should get into the centre of the recent debate on predatory states. Especially in the increasingly disordered world where the incentives to prey on decliners grow with the disorder.

The manuscripts' most significant findings revolve around the revisionist ambition of the predatory state. As proven in the case studies, the predatory state does not necessarily imply revisionist aspirations. As well as the predation is not solely rising state behaviour but can be applied by decliners and hegemons. The resulting observation is that the predation in strategy for conquest that requires downward structural trends and opportunistic nature of the state implies the expansionist strategy.

Список литературы/References

1. Burns A. American imperialism: the territorial expansion of the United States, 1783-2013, Edinburgh: Edinburgh University Press. 2017.
2. Chan S., Hu W. and He K. 'Discerning states' revisionist and status-quo orientations: Comparing China and the U.S.', European Journal of International Relations, 2019. № 25 (2). P. 613-640. DOI: 10.1177/1354066118804622.
3. Gilpin R., War and change in world politics, Cambridge: Cambridge University Press. 2012.
4. K., O.A.F. & Kugler J., The war ledger, Chicago: Univ. of Chicago Press. 1991.
5. Krickovic, A., Symbiotic China-Russia Partnership: Cautious Riser and Desperate Challenger. O.U.P. Academic. 2017. // URL: <https://academic.oup.com/cjip/article/10/3/299/4060655> (March 2, 2021).
6. Layne C. The Unipolar Illusion Revisited: The Coming End of the ... 2006. // URL: <https://www.mitpressjournals.org/doi/pdf-plus/10.1162/isec.2006.31.2.7> (March 3, 2021).
7. Macdonald, P.K. & Parent, J.M., 2018. Twilight of the titans: great power decline and retrenchment, Ithaca: Cornell University Press.
8. Mearsheimer J.J. Hans Morgenthau and the Iraq war: realism versus neo-conservatism. openDemocracy. 2005. // URL: https://www.opendemocracy.net/en/morgenthau_252jsp/ (March 2, 2021).
9. Ransom R.L. Gambling on War: Confidence, Fear, and the Tragedy of the First World War, Cambridge: Cambridge University Press. 2018.
10. Schweller R., 2015. Rising Powers and Revisionism in Emerging International Orders. Russia in Global Affairs. // URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/rising-powers-and-revisionism-in-emerging-international-orders/> (March 2, 2021).
11. Shiffrinson J.I. Rising titans, falling giants: how great powers exploit power shifts, Ithaca, NY: Cornell University Press. 2018.
12. Thucydides & Prout, J.A., Thucydides' Peloponnesian War, London: James Cornish & Sons. 1891.
13. Shiffrinson J.I. Partnership or Predation? How Rising States Contend with Declining Great Powers. M.I.T. Press Journals. 2020. // URL: https://www.mitpressjournals.org/doi/abs/10.1162/isec_a_00384 (March 5, 2021).
14. Tziarras Z. & Harchaoui J., What Erdogan Really Wants in the Eastern Mediterranean. Foreign Policy. 2021. // URL: <https://foreignpolicy.com/2021/01/19/turkey-greece-what-erdogan-wants-eastern-mediterranean-sovereignty-natural-gas/> (March 2, 2021).

Оян Мэйхэ

Профессор.

Шанхайский политико-юридический университет (Шанхай, Китай).

Чжоу И

Старший преподаватель.

Шанхайский политико-юридический университет (Шанхай, Китай).

Обзор обучения приезжающих в Китай иностранных студентов в течение 13-й пятилетки Шанхайского политико-юридического университета

Введение

«Доступ к образованию – отличительная черта и важная движущая сила модернизации образования ... Ускорение и расширение доступа к образованию в новую эру являются требованием развития образования, национального строительства и потребностью в развитии в новую эру»¹. Китай имеет долгую историю международного образования. В последние годы количество иностранных студентов в Китае увеличивается с каждым годом, источники поступления новых студентов постоянно оптимизируются, качество обучения талантов неуклонно улучшается, результаты обменов и сотрудничества между китайскими и зарубежными образовательными учреждениями были плодотворными. Шанхайский политико-юридический университет, расположенный в международном мегаполисе Шанхае, используя в полной мере свои географические преимущества, и активно реализует доступ к образованию, что способствовало значительному развитию образования иностранных студентов в Китае и приобрело хорошую международную репутацию. В 2020 году он успешно прошел «Сертификацию качества высшего образования для приезжающих в Китай иностранных студентов», организованная сторонней «Китайская ассоциация по международному обмену в сфере международного образования».

В период 13-й пятилетки Шанхайский политико-юридический университет активно выполнял функцию «международного обмена и сотрудничества» вуза, исследовал новую концепцию, новый механизм, но-

вые платформы и новые пути для доступа к образованию, и постоянно повышал конкурентоспособность и влияние доступа к образованию.

Общее изложение развития обучения приезжающих в Китай иностранных студентов в течение 13-й пятилетки Шанхайского политико-юридического университета (ШПЮУ)

В период 13-й пятилетки мы придерживались идеи «проактивно планировать и активно действовать; связываться со всех сторон, соединять внутреннее и внешнее; сотрудничать по разным каналам, давать преимущество проекту; пропагандировать и направлять, а также приводить в движение вместе». В основном проявляется в следующих:

(1) Наблюдается новый рост количества иностранных студентов. К концу 13-й пятилетки количество иностранных студентов, зачисленных в 2020 году, достиг более 400, что в 23 раза больше, чем в 2013 году (17 студентов в 2013 г.); общее количество стран происхождения иностранных студентов также увеличилось, достигло 77, что почти в 10 раз больше, чем в 2013 году (8 стран происхождения иностранных студентов в 2013 г.). Среди них 340 студентов с академической квалификацией, что составляет 86% от общего числа иностранных студентов (подробнее см. в приложенной таблице1). В университете учатся студенты из 67 стран, в основном из членов-государств Шанхайской организации сотрудничества (подробнее см. в приложенной таблице 2).

(2) Существуют новые меры по управлению иностранными студентами. В соответствии с принципом управления «конвергенцией», укрепляя обмен и взаимодействие между китайскими и иностранными студентами, используя в полной мере культурные преимущества студентов, приехавших из разных стран и различных национальностей, создавая хорошую международную атмосферу в кампусе; мы активно исследуем, чтобы укрепить у иностранных студентов чувство принадлежности (Belonging), развивать доброжелательности (Benevolence) и повышать самоконтроль «Self-control», то есть режим управления BBS.

(3) Существуют новые меры по подготовке иностранных студентов. Мы активно реформировали программу обучения для иностранных студентов в Китае, усиливали разработку курсов для иностранных студентов, поощряли иностранных студентов к участию в социальной практике и деятельности, придали большое значение развитию академических способностей иностранных студентов и поддерживали их активное участие на академических форумах на высоком уровне.

(4) Новый облик интернационального кампуса. Университет стремил-

Таблица 1. Изменение пропорции иностранных студентов с академической квалификацией в период 13-й пятилетки ШПЮУ.

Категория студентов	2017	пропорция	2018	пропорция	2019	пропорция	2020	пропорция	
неофициальное образование (человек)	133	44.93%	31	13.90%	102	23.61%	57	14%	
официальное образование (человек)	163	55.07%	192	86.10%	330	76.39%	340	86%	
В том Числе	Бакалавр (человек)	116	71.17%	135	70.31%	252	76.36%	264	77.6%
	Магистр (человек)	47	28.83%	57	29.69%	78	23.64%	76	22.4%
итог	296	/	223	/	432	/	397	/	

ся построить многокультурный и гармоничный кампус, развивал международную университетскую культуру, укреплял обмены между иностранными студентами и китайскими студентами, а также провел для иностранных студентов ряд «Фестивалей культуры Шелкового пути».

Таблица 2. Статистика иностранных студентов в ШПЮУ в 2020 г. по странам.

№	Континент	Гражданство	Бакалавр	Магистр	Языковой курс	Итог
ИТОГ			263	76	58	397
1	Северная Америка	Панама	1			1
2		Мехико		1	1	2
частный итог			1	1	1	3
3	Океания	Папуа-Новая Гвинея	1			1
частный итог			1			1
4	Африка	Алжир	1			1
5		Египет	1	2		3
6		Эфиопия	2			2
7		Ботсвана	1			1
8		Буркина-Фасо	1		1	2
9		Бурунди	1			1
10		Экваториальная Гвинея	11			11
11		Республика Конго			1	1
12		Демократическая Республика Конго		2		2
13		Гвинея-Бисау	1			1
14		Гана	5	2		7
15		Габон			1	1
16		Зимбабве	6		1	7
17		Камерун	2	1		3
18		Коморы		1		1

19	Африка	Кот-д’Ивуар		1	3	4
20		Либерия	1		1	2
21		Руанда	1			1
22		Мадагаскар		3		3
23		Малави	1			1
24		Мали	1	2		3
25		Мавритания	1			1
26		Марокко	10		9	19
27		Мозамбик	1			1
28		Южный Судан	1			1
29		Нигер	3	1		4
30		Нигерия	1			1
31		Сьерра-Леоне	2			2
32		Сенегал	1			1
33		Сан-Томе и Принсипи	3	1		4
34		Судан		2		2
35		Танзания	2			2
36		Уганда	4			4
37		Замбия		1		1
38	Чад	1			1	
частный итог			66	19	17	102
39	Южная Америка	Суринам			1	1
40		Венесуэла	1			1
41		Уругвай	1			1
частный итог			2		1	3
42	Европа	Германия	1			1
43		Россия	45	7	9	61
44		Черногория	1			1
45		Украина	1	1		2
46		Испания	1			1

частный итог			49	8	9	66
47	Азия	Афганистан	2	1		3
48		Азербайджан	1			1
49		Пакистан		3		3
50		Казахстан	48	6	12	66
51		Южная Корея	1			1
52		Кыргызстан	14	10	2	26
53		Камбоджа	2		1	3
54		Лаос	12	5	6	23
55		Малайзия	2			2
56		Монголия	7	7	3	17
57		Бангладеш	1	3		4
58		Непал	1	1		2
59		Шри-Ланка			1	1
60		Таджикистан	11		2	13
61		Таиланд	2	1		3
62		Туркменистан	1			1
63		Узбекистан	30	4	3	37
64		Армения	2			2
65		Индонезия	2	1		3
66		Иордания	1			1
67		Вьетнам	4	6		10
частный итог			144	48	30	222

Таблица 3. Изменения в количестве иностранных студентов в период 13-й пятилетки в ШПЮУ.

Страна/Район время	Азия	Африка	Европа	Америка	Океания	Итог
2016	106	36	12	3	0	157
2017	169	40	80	5	2	296
2018	136	51	32	4	0	223

2019	249	107	68	7	1	432
2020	222	102	66	6	1	397

Достижения в обучении приезжающих в Китай иностранных студентов в течение 13-й пятилетки Шанхайского политико-юридического университета (ШПЮУ)

В период 13-й пятилетки Шанхайский политико-юридический университет в полной мере продемонстрировал роль платформы и радиационное воздействие Центра международной юридической подготовки и сотрудничества для ШОС (Китай) в обучении иностранных студентов, ориентирован служить развитию ШОС и строительству «один пояс, один путь», стремился подготовить высококачественные, комплексные и прикладные приехавшие в Китай на обучение таланты, которые имеют прочную теоретическую основу, дух верховенства закона, новаторское мышление, глобальное видение и практическую способность, стремился сформировать свои характеристики образования иностранных студентов в Китае-- китайская специфика, Шанхайская особенность, и преимущество ШПЮУ». Центр международной юридической подготовки и сотрудничества для ШОС (Китай) стал стимулом для развития образования иностранных студентов, расширения источников иностранных приезжающих в Китай студентов, оптимизации платформы источников поступления новых иностранных студентов, и являлся ареной для повышения академических способностей иностранных студентов и клеем, соединяющим людей друг с другом. В течение 13-й пятилетки в обучении иностранных студентов Шанхайский политико-юридический университет добился выдающихся успехов, признанных посторонними (подробнее см. в приложенной таблице 4).

Таблица 4. Достижения в период 13-й пятилетки.

№	Знаменательные достижения	Завер- шенный год
1	Утверждена «Стипендия для студентов со академической степенью по проекту культурного обмена между Китаем и США», независимый проект стипендии правительства Китая для иностранных студентов от Министерства образования	2016

2	Утвержден «Проект поддержки стипендий местной власти» стипендии правительства Китая для иностранных студентов от Министерства образования	2016
3	Утверждены демонстрационные курсы на английском языке для приезжающих в Китай иностранных студентов вузов университетов Шанхая	2016
4	Утверждена квалификация приёма учащихся по программе стипендий Министерства образования Китая «Шелковый путь»	2017
5	Избран организация-директор распорядитель Ассоциации исследований образования приезжающих в Китай иностранных студентов Шанхайских университетов	2017
6	Выбран Союз обучения подготовительных курсов иностранных студентов в Китае, и став первой группой университета подготовительного центра	2017
7	Создал 6 баз практического обучения для приезжающих в Китай иностранных студентов	2017-2019
8	Создал 15 курсов на английском языке для приезжающих в Китай иностранных студентов	2018-2019
9	Открыл 3 подготовительных колледжей за рубежом (Кыргызстан, Казахстан, Марокко).	2018-2019
10	Общее количество источников поступления иностранных студентов, приезжающих в Китай в университете, составляет почти 85 стран	2015-2020
11	Количество студентов в университете достигал 500 человек-раз	2020
12	Успешно прошел «Сертификацию качества высшего образования для иностранных студентов в Китае»	2020

Результаты, достигнутые в период 13-й пятилетки, имеют следующие характеристики: масштаб продолжает расширяться, механизм постоянно совершенствуется, структура источников поступления иностранных студентов постоянно оптимизируется, модель обучения талантов продолжает обновляться, и качество обучения талантов улучшается и т.д.

Основные существующие проблемы Шанхайского политико-юриди-

ческого университета по обучению приезжающих в Китай иностранных студентов

В период 13-й пятилетки Шанхайский политико-юридический университет рассматривал обучение приезжающих в Китай иностранных студентов как важную часть общего развития университета, предлагал полагаться на развитие Центра международной юридической подготовки и сотрудничества для ШОС (Китай), чтобы создать бренд «учеба за границей в ШПЮУ» и распространил влияние университета на внутреннем и международном уровнях. Столкнувшись с жесткой международной конкуренцией в сфере образования, ШПЮУ добровольно принял вызов, воспользовался возможностью, придерживался двухстороннего принципа образования - «привлечение зарубежного» и «выход за границу», фокусировался на служении развитию ШОС и строительству «один пояс, один путь». Основное внимание университета уделялось освоению ресурсов членов-государств ШОС и стран, расположенных вдоль «один пояс, один путь», источников иностранных студентов и ресурсов управляющих зарубежными школами. Университет также стремился к тому, чтобы подготовить комплексных и прикладных талантливых специалистов, обладающих «шестью качествами С», т.е. сотрудничество (Cooperative), коммуникативность (Communicative), вежливость (Courteous), любопытство (Curious), критика (Critical) и творчество (Creative), внес свой вклад в ШОС и строительство «один пояс, один путь». В период 13-й пятилетки у нас остались следующие проблемы по обучению приезжающих в Китай иностранных студентов:

1. Механизм обучения приезжающих в Китай иностранных студентов требует дальнейшего совершенствования

Офис для иностранных студентов в качестве центрального органа управления образованием приезжающих иностранных студентов в Китай, его административные функции необходимо повысить. Механизм коммуникации и координации для иностранных студентов необходимо усовершенствовать, чтобы комплексно рассмотреть и скоординировано решить вопросы, связанные с обучением, научными исследованиями, менеджментом, материально - техническим обеспечением и т.д. Желание и активность институтов принять у себя студентов - иностранцев, приехавших в Китай, нуждаются в дальнейшем совершенствовании, одновременно необходимо уточнить формирование должностей и распределение обязанностей по управлению образованием и воспитанием студентов, приезжающих в Китай. Кроме этого, механизм контроля за

учебой в университете, система проверки и мотивации нуждаются в дальнейшем улучшении.

2. Система обучения и воспитания приезжающих в Китай иностранных студентов требует дальнейшего улучшения

Существующие специальности, читающие полностью на английском языке в университете не могут удовлетворить потребности развития образования для приезжающих в Китай иностранных студентов, что ограничивает прием иностранных студентов, которые хотят учиться на английском языке в Китае, одновременно и не могут привлекать студентов по обмену из всемирно известных университетов. Всё это напрямую снижает конкурентоспособность университета на международном рынке приема студентов. Мало того, что критерий оценки для обучения иностранных студентов в Китае должны не только ориентироваться на конвергенцию, но и учитывать дифференциацию.

3. Способности материально-технической поддержки для обучения приезжающих в Китай иностранных студентов требует в дальнейшем укрепления

Количество иностранных студентов, приезжающих в Китай, является важным показателем для измерения степени интернационализации университета, а также важной основой для измерения интернационализации управления университетом. Это означает, что количество и качество приезжающих в Китай иностранных студентов в университете будет постоянно улучшаться, а материально-техническая поддержка университета станет препятствием, ограничивающим развитие дела образования приезжающих в Китай иностранных студентов. Только за счет своевременного и надлежащего укрепления потенциала материально-технического обеспечения университета мы сможем идти в ногу с потребностями развития дела образования приезжающих в Китай иностранных студентов.

Заключение

Глобальная вспышка эпидемии коронавируса создала серьезные проблемы для образования приезжающих в Китай иностранных студентов в китайских университетах. Однако проблемы и возможности сосуществуют. Ключом к превращению «кризиса» в «возможности» является качество. Качество – это дорога жизни образования приезжающих в Китай иностранных студентов. Суть повышения конкурентоспо-

способности образования приезжающих в Китай иностранных студентов Шанхайского политико-юридического университета заключается в улучшении качества иностранных студентов, включая качество приема, обучения и управления и т.д. И качество, и количество (качество всегда предшествует количеству), улучшение качества и повышение эффективности – единственный путь к скачкообразному развитию образования приезжающих в Китай иностранных студентов, и это также ключевой элемент реализации интернационализации образования университета и создания первоклассного прикладного университета с отличительными политическими и правовыми характеристиками.

Китай вступил в первый год 14-й пятилетки в 2021 году. Своевременное обобщение достижений и существующих проблем по образованию приезжающих в Китай иностранных студентов в течение 13-й пятилетки может предоставить стратегии для разработки плана развития образования приезжающих в Китай иностранных студентов в период 14-й пятилетки. Заглядывая в будущее, Шанхайский политико-юридический университет проведёт курс доступ к образованию на высоком уровне и откроет новые перспективы для сотрудничества и общего выигрыша; глубоко понимая дух «Мнения об ускорении и расширении доступа к образованию в новую эпоху», опубликованный Министерством образования и другими департаментами Китая в июне 2020 года, мы укрепляем Бренд «Обучения приезжающих иностранных студентов в Китай», углубляем международное сотрудничество в области образования и способствуем качественному и коннотативному развитию расширению доступа к образованию Шанхайского политико-юридического университета.

В будущем работа Шанхайского политико-юридического университета по обучению приезжающих иностранных студентов в Китай будет сосредоточена на идеях и концепциях интернационализированного управления университетом, опираясь на строительство Центра международной юридической подготовки и сотрудничества для ШОС (Китай), содействует конвергенции управления иностранными студентами в Китае и дальнейшему повышению качества обучения приезжающих иностранных студентов в Китай.

Список литературы:

1. Восемь департаментов, включая Министерство образования, опубликовали заключения: «Ускорение и расширение доступа к образованию в новую эпоху» // URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s5147/202006/t20200623_467784.html (время доступа: 12 октября, 2021)
2. Пресс-конференция Министерства образования знакомит с работой по доступу к образованию в период 13-й пятилетки // URL: http://www.gov.cn/xinwen/2020-12/22/content_5572191.htm (время доступа: 12 октября, 2021)

3. Предложение Центрального Комитета Коммунистической партии Китая о формулировании четырнадцатого пятилетнего плана национального экономического и социального развития и долгосрочных целей на 2035 год // URL: http://www.gov.cn/zhengce/2020-11/03/content_5556991.htm (время доступа: 12 октябрь, 2021)
4. Структура приезжающих иностранных студентов в Китай в период 13-й пятилетки постоянно оптимизируется // URL: http://www.moe.gov.cn/fbh/live/2020/52834/mtbd/202012/t20201222_506945.html (время доступа: 12 октябрь, 2021)
5. Сюй Сяочжоу, Кан Юэ, Фан Цзяньчао: Взгляд на 2035 год: Стратегическая концепция доступа к образованию Китая [J], Исследование высшего образования Китая, Выпуск 2, 2020. С. 49-55.
6. Цзя Чжаойи: Направление образовательной инициативы по обучению приезжающих иностранных студентов в Китай в новую эру [J], Высшее образование в Китае, 2021. Выпуск 7. С. 22-24.
7. Цзинь Синь, Тянь Линхуэй, Ченг Шитинг, Ляо Вэну: Исследование пути исследовательских университетов к повышению качества обучения приезжающих иностранных аспирантов в Китай – Эмпирический анализ, основанный на перспективе образования, ориентированного на результат (ОБЕ) [J], Учёная степень и послевузовское образование, 2021. Выпуск 2. С. 72-79.

References

1. Eight departments, including the Ministry of Education, have published conclusions: "Accelerating and expanding access to education in a new era" // URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s5147/202006/t20200623_467784.html (12 October, 2021)
2. Press conference of the Ministry of Education introduces the work on access to education during the 13th five-year plan // URL: http://www.gov.cn/xinwen/2020-12/22/content_5572191.htm (12 October, 2021)
3. Proposal of the Central Committee of the Chinese Communist Party to formulate the fourteenth five-year plan for national economic and social development and long-term goals for 2035 // URL: http://www.gov.cn/zhengce/2020-11/03/content_5556991.htm (12 October, 2021)
4. The structure of foreign students arriving in China during the 13th five-year plan is constantly being optimized // URL: http://www.moe.gov.cn/fbh/live/2020/52834/mtbd/202012/t20201222_506945.html (12 October, 2021)
5. Xu Xiaozhou, Kang Yue, Feng Jianchao: A Look at 2035: A Strategic Framework for Access to Education in China [J], China Higher Education Study, Issue 2, 2020. P. 49-55.
6. Jia Zhaoyi: Directing an Educational Initiative to Educate Visiting Foreign Students in China in a New Era [J], Higher Education in China, 2021. Issue 7. P. 22-24.
7. Jin Xin, Tian Linghui, Cheng Shiting, Liao Wenu: Exploring the Path of Research Universities to Improve the Quality of Instruction of Foreign Postgraduate Students in China - An Empirical Analysis Based on an Objective-Oriented Education (OBE) Perspective [J], Degree and Postgraduate Education, 2021. Issue 2. P. 72-79.

Переводчик: Жэн Шаньшань, преподаватель китайского языка в Институте международного обмена и связи Шанхайского политико-юридического университета.

Евсюков А.А.

Соискатель Федерального государственного
автономного образовательного учреждения высшего образования,
Российский университет дружбы народов.
Заместитель коммерческого директора ПАО
«НПП Радар-ММС», г. Санкт-Петербург.

Оценка влияния пандемии Covid-19 на деятельность транснациональных корпораций

Введение

В условиях изменившихся правил игры в мировой политике, в связи с появлением такого нового фактора, как коронавирусная инфекция covid19, ТНК вынуждены приспосабливаться к новым условиям обстановки. В нашей статье мы сгруппируем факторы, которые став следствиями пандемии оказали наиболее существенное влияние на ТНК, как акторы мировой политики. В частности к таким факторам можно отнести: остановку работы рынков труда и услуг, отрицательное влияние на курсы валют, серьезные изменения в социально-экономической жизни людей, закрытие границ, фактическое временное прекращение действия международных союзных организаций (ЕС, ОДКБ, Союзное государство РФ и Белоруссии). При этом в силу глобального масштаба проблемы пандемии, на планете нет ни одного государства, на которое бы не повлияли эти факторы. По мнению авторитетного издания «Блумберг», «Пандемия коронавируса лишит мировую экономику более 5 триллионов долларов в течение следующих двух лет». ¹

Цель. В связи с чем предлагаем рассмотреть факторы, непосредственно возникшие из-за пандемии и оказывающие наиболее заметное влияние на деятельность ТНК, провести оценку их последствий, новый вариант классификации ТНК по их способности адаптироваться и осветить некоторые меры, принимаемые государственными органами власти для регулирования деятельности ТНК в период пандемии КОВИД-19.

Рассмотрим эти факторы подробнее:

- Остановка работы рынков труда и торговли. В подавляющем большинстве государств мира показатель безработицы среди населения

¹ World Economy Faces \$5 Trillion Hit That's Like Losing Japan. By David Goodman // URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-04-08/world-economy-faces-5-trillion-hit-that-is-like-losing-japan?srnd=premium-europe> (дата обращения: 15.06.2021)

достиг рекордных уровней(цитата про США и уровень безработицы равный великой депрессии). Локдауны в сфере торговли и ритейла, особенно отрицательно влияет на средний и малый бизнес, которые не способны существовать длительное время без перманентного потребительского спроса.

- Понижающее влияние на курсы валют и банковские системы, а также в общем на государственные средства. К примеру, волатильность рубля РФ, выведенная из мониторинга цен трехмесячных опционов, составляет 24,9%, хуже рубля ведет себя только мексиканский песо с волатильностью 26,5.

- Срывы поставок запчастей для высокотехнологичной продукции(в первую очередь микроэлектроники и автомобилей). Что ведет к разрушению международных схем производства. К примеру приостановка поставок жестких дисков из Тайланда и Тайваня, привела к переносу сроков производства автомобилей и компьютеров по всему миру на год и более.

- Радикальные изменения в экономико-социальной модели активности населения планеты. Во время карантина траты на товарные группы не первой значимости(бытовая техника, одежда и др.) у большинства людей уменьшается. К этому привело не только, то что население практически всех стран находилось или находится на карантинной изоляции, но в связи с утратой работы огромным количеством работников. Кризис потребления запускает цепную реакцию для многих компаний, а значит и для всей экономики в целом.

- Практически полное прекращение поездок и перелетов. Кроме компаний транспортной отрасли (авиа, ж.д., автомобильных, судоходных), этот фактор нанес удар по всей туристической отрасли. Для отдельных стран европейского континента, рекреационные ресурсы служат основной статьёй дохода местных бюджетов, в связи с чем их экономика рушится.

Помимо вышеперечисленных, ещё одним определяющим фактором трансформации политической ситуации стало время, которое неожиданно «сжалось» в сравнении с периодом сложившейся глобализации, в частности в том, что имеет отношение к способности различных структур, включая надгосударственные, к разработке и реализации кризисных политических решений. Вполне вероятно, что такой ускоренный темп времени может стать частью новой геоэкономической реальности в длящейся долгой перспективе.

Материалы и методы

При этом все ТНК проходят кризис вызванный пандемией по разному и здесь также есть ряд обобщающих признаков, которые позволяют оценить способности ТНК к адаптации в меняющихся условиях и выстроенные ими политические системы сдержек и противовесов и возможно предложить новый метод систематизации ТНК по их способности к адаптации, на основе чего можно попытаться построить систему прогнозирования адаптации ТНК к новым грядущим вызовам, в частности к новым пандемиями в ближайшем будущем, тем более, что такие прогнозы уже прозвучали². Помимо вышеперечисленных факторов значительное влияние оказывает процесс вакцинации, который сам по себе превращается в инструмент шантажа как со стороны государств и фармацевтических ТНК, так и со стороны населения и ТНК и создает предпосылки к появлению корпоративного гражданства на основе в том числе «ковидных паспортов», введение которых, не смотря на их неопределенный правовой статус и неоднозначное мнение правительств разных стран об их легитимности. То есть право работать, свободно перемещаться по миру и в городах получают только те кто был привит или имеет антитела, что гораздо проще организовать в рамках корпораций в том числе благодаря возможности вводить как дополнительные мотивирующие социальные льготы для привитых сотрудников, так и применять санкции вплоть до увольнения к тем, кто прививаться отказался. И свою очередь те кто не является сотрудниками крупных корпораций не имеют таких возможностей сделать прививку. Например, в авиакомпаниях наличие антител уже является обязательным условием для продолжения работы в них. В частности «Японская авиакомпания All Nippon Airways начала обязательную вакцинацию своих пилотов и бортпроводников на международных рейсах»³. Кроме этого такое разделение на привитых (имеющих антитела) и не привитых (не имеющих антител) создает уже провоцирует разделение общества на классы, каждый из которых может обладать собственной идеологией, особенно обращая внимание, как на привитых против своей воли, так и на тех, кто не может получить вакцину в силу экономических или полити-

2 Газета.ру, Павлов Виктор. «Мир ждет новый вирус: глава ВОЗ назвал «драйверы пандемии». // URL: <https://www.gazeta.ru/social/2021/05/24/13605818.shtml> (дата обращения: 14.06.2021)

3 Российская газета, Максим Макарычев. «Японская авиакомпания All Nippon Airways начала обязательную вакцинацию своих пилотов и бортпроводников на международных рейсах. // URL: <https://rg.ru/2021/06/13/iaponskaia-aviakompanii-nachala-vseobshchuiu-vakcinaciiu-sotrudnikov.html> (дата обращения: 14.06.2021)

ческих условий. В свою очередь способность промышленности национальных государств производить собственную вакцину стала не только способом определения уровня технологического развития и медицинской науки, к примеру число стран создавших свою вакцину и число стран способных самостоятельно запустить ракету в космос примерно равно и их перечень в целом совпадает. А сами вакцины становятся инструментами корпоративных войн между фармацевтическими ТНК и государствами, а способность ТНК в противовес государствам организовать процесс вакцинации на отдельно взятых территориях даст тем ТНК, которые это организуют, дополнительный политический вес и может значительно улучшить имидж в глазах общественности, а также позволит корпорациям самим определять границы безопасных зон, свободных от вируса, что в свою очередь лишает такого права и возможностей правительства национальных государств.

Кроме этого необходимо отметить, что весьма показательным было использование бывшим президентом США Д. Трампом Закона о военном производстве от 1950 года, который значительно расширяет полномочия федеральных властей в отношении компаний, косвенно или прямо задействованных в производстве товаров, связанных с безопасностью государства. Таким образом ситуация после возникновения КОВИД-19 предоставила Трампу напрямую задействовать административные рычаги для выхода из политического кризиса, который стал неразрешимым в рамках классического для США взаимодействия институтов. Результат такого выхода за рамки политической «классики» может привести к куда более долгосрочным и существенным последствиям.

Также пандемия оказывает непосредственное влияние на миграционные процессы, которые в свою очередь становятся с одной стороны источником угроз для национальных государств, так как мигранты остаются без работы и те из них, кто не смог вернуться домой или найти новую работу в иных или смежных областях, начинают совершать преступления, а с другой строительные компании, выполняющие в том числе заказы крупных международных ТНК, становятся не способны выполнить взятые на себя обязательства. При этом ТНК ИТ сферы, сферы онлайн торговли, такая как крупнейшая в мире AMAZON наоборот получили мощнейший импульс развития и прибыли «Крупнейший в мире интернет-ритейлер Amazon за финансовый год (закончился 31 марта) получил чистую прибыль в размере 26,9 миллиарда долларов.

Это выше суммарного показателя за три года до начала пандемии (24,7 миллиарда долларов) и исторический рекорд, пишет Market Watch»⁴. Такой успех онлайн ритейла запустил цепную реакцию по перестройке многих ТНК, так как пандемия помогла им понять множество узких мест в бизнес-процессах, подсветила избыточные или не нужные функции, но при этом надо понимать, что чаще всегда за функцией стояли сотрудники, которые теперь были уволены или отправлены в отпуска, а их работу стал выполнять искусственный интеллект, к примеру кадровой отрасли это дало возможность заменить сотрудников из подразделений управления персоналом на психодиагностику, проводимую с помощью ПО. *Также стоит отметить, что выбор методики для решения задач психодиагностики может и должен быть согласован с актуальными условиями внешней среды, так как эти условия могут оказывать влияние на организацию труда в целом и требований к кадровому капиталу в частности. Например, начавшаяся в конце 2019 года пандемия коронавируса сместила фокус с работы в офисе на удаленную, чаще всего из дома сотрудника, местами делая невозможной личную коммуникацию. В свою очередь это обстоятельство актуализировало необходимость в инструментах подбора кадров, способных определять не только умственные и личностные характеристики человека, доступные классическим психодиагностическим методам, но и характеристики, которые раньше даже не пытались определять на стадии тестирований — предрасположенность к той или иной сфере деятельности, способность выполнять производственный KPI, потенциальное время трудовой жизни кандидата на должность в компании и другие.*⁵ Применение карантинных мер во время пандемии и перевод значительного числа бизнес-процессов на удаленный режим, запустили процесс существенных изменений в методах и средствах управления компаниями. Также по результатам экспертных опросов⁶, во многих изучаемых компаниях с момента начала пандемии COVID-19 случились значительные корректировки в таких рабочих процессах, как например онлайн-продажи, аналитика, планирование, управление персоналом и маркетинг. Но одновременно с этим значительно меньше

4 Marketwatch, Jeremy C. Owens Amazon's pandemic profits top previous 3 years of earnings // URL: <https://www.marketwatch.com/story/amazon-has-made-as-much-profit-during-pandemic-as-previous-three-years-of-earnings-in-total-11619726844?mod=home-page> (дата обращения: 14.06.2021)

5 Меньших П.Г. Выбор психодиагностической методики для создания системы предиктивной психодиагностики. «Мир психологии» 7, 2021. С. 270-275.

6 РБК. «Исследование влияния пандемии COVID-19 на российский бизнес» // URL: https://sapmybiz.rbc.ru/RBK_Issledovanie_vliyaniya_pandemii_COVID_19_na_rossiyskiy_biznes.pdf (дата обращения: 14.06.2021)

изменений замечено в промышленных компаниях, которые в свою очередь по объективным причинам не имеют возможности перенести все бизнес-процессы в онлайн. Если же посмотреть с другой стороны, куда более легко адаптирующимся выглядели компании, работающие в сферах розничной торговли и фарминдустрии, а кроме того в производстве товаров народного потребления. Этот факт сам по себе вызывает удивление своим присутствием в данном списке последней группы компаний, поскольку главные структуры деятельности таких компаний являются собой реальные производственные мощности, а их практически невозможно перестроить на в онлайн-рельсы. Но все же, полученные РБК итоги опроса показывают, что компании, занимающиеся производством повседневных товаров, в отличие от классических производственных компаний, «смогли успешно перенести в онлайн все остальные бизнес-процессы»⁷. Так же на примере отрасли фэшн индустрии, следует отметить, что «Динамичные рыночные изменения, порожденные пандемией, привели к серьезным проблемам на мировом рынке модной одежды, что коснулось все фирм, в том числе лидеров отрасли – ТНК индустрии моды....В этих сложных условиях небольшая группа междunarодных компаний- транснациональных корпораций индустрии моды, возглавляемая такими компаниями как Inditex, H&M существенно изменила характер своих операций, минимизируя потери и перестраивая деятельность в направлении онлайн торговли. Деятельность Inditex, H&M и других ведущих ТНК индустрии моды характеризуется усилением внимания к о всем цифровым аспектам бизнеса, переосмыслением брендов в сторону более устойчивого развития и всемерной активизации контактов с потребителями на основе активного применения информационно-коммуникационных технологий»⁸.

Результаты и Обсуждение

При этом несмотря на то, что внешне пандемия КОВИД-19 в основном касается системы текущего управления, в первую очередь коронавирус еще раз обострил вопрос о важности контура стратегического национального управления. В тех политических системах, где он есть — США, КНР, в определенной степени Россия, — последствия пандемии проходят значительно более мягко. При этом в тех системах, где главную роль играли различные наднациональные и региональные структуры (к при-

⁷ Там же.

⁸ Economy and Business И.Б. Долженко Особенности деятельности транснациональных корпораций индустрии моды в условиях пандемии COVID-19 DOI: 10.24411/2411-0450-2020-10774

меру, в ЕС), ситуация протекает существенно в куда менее позитивном варианте. Проблема состоит в том, что это требует создания, в первую очередь в крупных государствах, двухконтурной системы управления, в которой контур кризисного управления будет отделен от контура текущего управления и будет обладать независимыми собственными ресурсными и финансово-инвестиционными возможностями.

Выводы

Пандемия Covid-19 не является чем-то принципиально новым, если рассматривать её как политическое и экономическое явление, равно как и меры, принимаемые правительствами стран для борьбы с ней. И эпидемии и карантины случались на всем протяжении человеческой истории. Также как их последствия, текущая ситуация позволяет надеяться, что в этот раз человечество пройдет этот этап с меньшими потерями. Но в условиях современной мировой политики, текущего уровня развития технологий, времени жизни информации, многие отрицательные факторы пандемии привели к перенаправлению вектора развития ТНК и выявили ещё один ряд их свойств, позволяющих адаптироваться к изменяющимся условиям обстановки с целью захвата ещё большего числа рынков сбыта, получения дополнительных сверхприбылей и как следствие всё это в совокупности приближает мировую политическую систему к более глобализирующемуся формату, в котором ТНК, будут играть всё более значимую роль в мировой политике, используя, в том числе, факторы – следствия пандемии КОВИД-19 и возможно новых эпидемий. В связи с чем необходимо продолжать изучать и обобщать деятельность ТНК, своевременно реагируя в том числе с помощью антимонопольных мер. Государственные антимонопольные органы играют решающую роль при выработке комплексных спасательных мер и оказании помощи экономикам и обществу в преодолении кризиса КОВИД-19. Разработка антимонопольных мер для поддержки пострадавших отраслей и по разумному регулированию выигравших отраслей должна вестись на основе анализа негативных факторов пандемии КОВИД-19 и возможно с учетом подхода по классификации ТНК по их способности адаптироваться в будущем с учетом опыта преодоления текущих проблем, связанных с пандемией КОВИД 19, в этом случае можно надеется на достижение положительного результата для всей мировой политической системы в целом.

Список литературы:

1. РБК Исследования рынков совместно с SAP. Исследование влияния пандемии COVID-19 на российский бизнес. // URL: <https://roscongress.org/materials/issledovanie-vliyaniya-pandemii-covid-19-na-rossiyskiy-biznes/> (дата обращения: 14.06.2021)
2. ФОМ. «Корпорации и пандемия» // URL: <https://covid19.fom.ru/korporacii-i-pandemiya>
3. Economy and Business И.Б. Долженко Особенности деятельности транснациональных корпораций индустрии моды в условиях пандемии covid-19. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-deyatelnosti-transnatsionalnyh-korporatsiy-industrii-mody-v-usloviyah-pandemii-covid-19> (дата обращения: 14.06.2021) DOI: 10.24411/2411-0450-2020-10774
4. Marketwatch, **Jeremy C. Owens** Amazon's pandemic profits top previous 3 years of earnings // URL: <https://www.marketwatch.com/story/amazon-has-made-as-much-profit-during-pandemic-as-previous-three-years-of-earnings-in-total-11619726844?mod=home-page> (дата обращения: 14.06.2021)
5. РБК. «Исследование влияния пандемии COVID-19 на российский бизнес» // URL: https://sapmybiz.rbc.ru/RBK_Issledovanie_vliyaniya_pandemii_COVID_19_na_rossiyskiy_biznes.pdf (дата обращения: 14.06.2021)
6. Российская газета, Максим Макарычев. «Японская авиакомпания All Nippon Airways начала обязательную вакцинацию своих пилотов и бортпроводников на международных рейсах // URL: <https://rg.ru/2021/06/13/iaponskaia-aviakompanii-nachala-vseobshchuiu-vakcinaciu-sotrudnikov.html> (дата обращения: 14.06.2021)
7. World Economy Faces \$5 Trillion Hit That's Like Losing Japan. By David Goodman // URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-04-08/world-economy-faces-5-trillion-hit-that-is-like-losing-japan?srnd=premium-europe> (дата обращения: 15.06.2021)
8. Меньших П.Г. Выбор психодиагностической методики для создания системы предиктивной психодиагностики. «Мир психологии» 7, 2021. С. 270-275.
9. Газета.ру, Павлов Виктор. «Мир ждет новый вирус: глава ВОЗ назвал «драйверы пандемии» // URL: <https://www.gazeta.ru/social/2021/05/24/13605818.shtml> (дата обращения: 14.06.2021)

References

1. RBC Market research in cooperation with SAP. Research on the impact of the COVID-19 pandemic on Russian business. // URL: <https://roscongress.org/materials/issledovanie-vliyaniya-pandemii-covid-19-na-rossiyskiy-biznes/> (06.14.2021)
2. FOM. "Corporations and a pandemic" // URL: <https://covid19.fom.ru/korporacii-i-pandemiya>
3. Economy and Business I.B. Dolzhenko Features of the activities of transnational corporations in the fashion industry in the context of the covid-19 pandemic. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-deyatelnosti-transnatsionalnyh-korporatsiy-industrii-mody-v-usloviyah-pandemii-covid-19> (14.06.2021) DOI: 10.24411/2411-0450-2020-10774
4. Marketwatch, **Jeremy C. Owens** Amazon's pandemic profits top previous 3 years of earnings // URL: <https://www.marketwatch.com/story/amazon-has-made-as-much-profit-during-pandemic-as-previous-three-years-of-earnings-in-total-11619726844?mod=home-page> (06.14.2021)
5. RBC. "Study of the impact of the COVID-19 pandemic on Russian business" // URL: https://sapmybiz.rbc.ru/RBK_Issledovanie_vliyaniya_pandemii_COVID_19_na_rossiyskiy_biznes.pdf (14.06.2021)
6. Russian newspaper, Maxim Makarychev. "The Japanese airline All Nippon Airways has begun compulsory vaccination of its pilots and flight attendants on international flights // URL: <https://rg.ru/2021/06/13/iaponskaia-aviakompanii-nachala-vseobshchuiu-vakcinaciu-sotrudnikov.html> (06.14.2021)
7. World Economy Faces \$ 5 Trillion Hit That's Like Losing Japan. By David Goodman // URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-04-08/world-economy-faces-5-trillion-hit-that-is-like-losing-japan?srnd=premium-europe> (15.06.2021)
8. Smaller P.G. The choice of psychodiagnostic methods for creating a system of predictive psychodiagnostics. «World of Psychology» 7, 2021. P. 270-275.
9. Gazeta.ru, Pavlov Victor. "The world is waiting for a new virus: the head of WHO called the" pandemic drivers" // URL: <https://www.gazeta.ru/social/2021/05/24/13605818.shtml> (14.06.2021)

Чжан Сяолин

Кандидат наук, старший преподаватель Института языков и культуры
Шанхайского политико-юридического университета. (Шанхай, Китай).

Чайная сцена в традиционной китайской чайной культуре: определение, характеристики и функции

Эта статья написана при поддержке “Китайского государственного фонда социальных наук”, № проекта: 19FMZB015, “Фонда Центра международной юридической подготовки и сотрудничества для ШОС (Китай), № проектов: CNSCO17039”, а также “Фонда Шанхайского политико-юридического университета для молодых ученых”, № проекта: 2021XQN21.

Введение

Китай – это страна чая. Чайная культура берет свое начало в Поднебесной. Зарождение чайной культуры началось с момента открытия и использования людьми чая. Чайная культура в Китае, как явление, имеет многовековую историю. Ее формирование и развитие пережило пять этапов: период правления династий Хань и Вэй, Суй и Тан, Сун и Юань, Мин и Цин. Термин «чайная культура» появился в Китае и стал широко использоваться в 1980-х годах. Чайная культура означает совокупность всех связанных с чаем достижений цивилизации и культурных форм в процессе производства и жизненной практики человечества. Чайная культура отличается богатым содержанием. Она имеет материальный носитель и отражает духовную цивилизацию. Чайная культура – это гармоничная, единая и сложная культура, в которой сочетается как материальное, так и духовное. Она имеет четыре формы выражения: материальную, институциональную, духовную и поведенческую. Чайная культура продолжает развиваться, ее социально-культурные функции расширяются с каждым днем. Чай связан с различными формами искусства, а именно, он укрепляет стремление к прекрасному, украшает жизнь людей, развивает художественный вкус, улучшает моральные качества человека.

1. Чайное пространство и чайная сцена

1) Понятие «чайного пространства»

Чайное пространство – это эстетическое пространство, организован-

ное в соответствии с содержанием чайной культуры. Оно может быть организовано как в помещении, так и на природе; включает в себя множество компонентов чайной культуры. Чайное пространство может быть простым и сложным (составным). Данное понятие весьма расплывчато. В широком смысле оно включает в себя естественные пространства для чаепития, например, чайные, чайные домики, чайные комнаты, парки и другие общественные места, находящиеся на открытом воздухе, где люди могут пить чай. В узком смысле чайное пространство – это один из элементов пространства, а именно, чайная сцена. Чайная сцена многомерна: может быть трехмерной или даже четырехмерной, поскольку ее расположение меняется в зависимости от стадии заваривания чая и размещения чайных принадлежностей. Как правило, при проектировании чайного пространства должны соблюдаться следующие принципы: простота, утонченность, скромность, гармоничность и баланс. Значение первых четырех принципов достаточно легко понять. Необходимо пояснить, что означает последний из принципов. Баланс означает, что мы должны поддерживать композиционное единство чайной посуды и принадлежностей. Баланс – это, прежде всего, целостная композиция, а не пространственная симметрия.

2) Понятие и процесс возникновения «чайной сцены»

Пространство чайной сцены является всеобъемлющим и содержит в себе философию китайской чайной церемонии. Говоря простым языком, чайная сцена – это место, предназначенное для процесса заваривания чая и самого чаепития. Данный термин зародился в Тайване, позже попал в материковый Китай. Иероглиф «ча си»¹ состоит из двух графем: «чай» и «место». В словаре китайского языка дается следующее значение иероглифа “席”: лист, сотканный из тростника, бамбука, травы и т.д. В древнем Китае люди использовали это пространство для сна и сидения. По сравнению с иными формами чайного пространства чайная сцена – тематическое пространство чайной культуры. Пространство китайской чайной культуры, являющееся продолжением китайской классической чайной культуры, уникально. Ключевой элемент чайной сцены – чай, основной предмет – чайные принадлежности. Чайная сцена связана с различными формами искусства и имеет основную идею, в центре которой – искусство чайной церемонии. Чайная сцена – особое изысканное место, собравшее всю суть чайного пространства. Расположение чайной сцены – особая часть чайной эстетики. Основная идея чайной сцены заключается в создании пространства, в котором природа и человек едины, а также

1 Прим.: иероглиф “茶席” дословно переводится как «чайная сцена».

в формировании гармоничной среды для чаепития. Следует отметить, что все вышеперечисленное не зависит от размера самого помещения.

Чайная сцена – отнюдь не новое явление в современной чайной культуре. Данный феномен зародился благодаря чаю и возник вместе с чайной культурой. В эпоху династии Тан жители Китая уделяли особое внимание природе. Им нравилось организовывать чайную сцену в местах с красивыми пейзажами, например, с видом на горы и реки. Бамбуковые рощи, родники, сады, берега рек также считались хорошими местами для проведения чаепития. Период небывалого расцвета и бурного развития чайной культуры, а также широкого распространения чайных состязаний «Доу Ча»² пришелся на времена правления династии Сун в Китае. Чайные сцены в основном организовывали на природе, однако в период династии Сун процесс чаепития начали проводить в помещениях. Чайная сцена связана с такими видами искусства как чайная живопись, разжигание благовоний, игра на щипковых и клавишных инструментах. Все эти элементы создают особую атмосферу единства природы и человека и подтверждают известную буддистскую поговорку, которая звучит следующим образом: «Чай и чань одного вкуса». Чайная сцена в минскую эпоху стала еще более изящным и уединенным местом. В связи с возрождением чайной культуры в современном Китае данное пространство превратилось в место для проведения чайных церемоний, которые непрерывно совершенствуются. Чайные сцены пользуются спросом среди любителей чая, деятелей культуры, ученых, литераторов, писателей и т.д.

2. Основные характеристики чайной сцены

1) Время и пространство

Чайная сцена – это искусство времени и пространства. Она представляет собой объемное трехмерное пространство, где есть чай, чайные принадлежности, аксессуары и другие материальные объекты. При организации чайной сцены любители чайной культуры способны продемонстрировать необычайную красоту даже в ограниченном пространстве. В таких условиях они могут не только выразить свое собственное понимание чая, но и передать всю суть чайной церемонии. С одной стороны, существует единство чайной сцены и пространства (окружающей среды), с другой стороны – единство чайной сцены и времени. Так, при выборе места для чайной сцены необходимо учитывать особенности пространства и времени. Каждая чайная сцена имеет свои отличительные характеристики, которые зависят от того, где она располагается: в помещении или

2 Прим.: победа определялась меньшей скоростью погружения листа в воду, дин. Тан и Сун.

на природе. Даже в одном и том же пространстве чайные сцены не могут быть полностью идентичны. Чайное пространство, спроектированное одним и тем же человеком в один и тот же день, будет иметь различные свет и тени, которые, в свою очередь, имеют свои четкие временные и пространственные особенности.

2) Всесторонность

Всесторонность – одна из основных характеристик чайной сцены, так как при ее организации можно выбрать место, основную тему и время проведения чайной церемонии. Более того, субъекты, вещи, чайные принадлежности и другие вспомогательные предметы (цветы, благовония, картины) также очень разнообразны. Выделяют две основные формы чайной сцены: статичную и динамичную. Первая считается более распространенной. Необходимо отметить, что неподвижность статичной чайной сцены является относительной. Как упоминалось ранее, расположение чайной сцены постоянно меняется в зависимости от процесса заваривания чая и размещения чайных принадлежностей. Типичной полностью статичной чайной сценой является «кубок вина плывёт по волнам»³. В настоящее время многие любители чая ставят чашу и пьют чай именно таким образом. Также выделяют динамичные чайные сцены, которые сопровождаются танцами. В последние годы динамичные чайные сцены на открытом воздухе становятся все более популярными в китайской чайной культуре.

3) Гармония

Гармоничная культура – это важная составляющая китайской культуры. «Гармония» также является ключевым словом в китайской культуре. В процессе планирования чайная сцена, будучи основной формой чайной культуры, воплощает в себе единство природы и человека. Более того, существует гармония субъектов и объектов; основной темы, времени и пространства. Для организации превосходной чайной сцены должны соблюдаться следующие условия: гармоничные цвета; взаимосвязь между чайным мастером, участниками и окружающей обстановкой; единство чайных принадлежностей и главной темы и т.д.

4) Свобода

Говоря об основных характеристиках чайной сцены нельзя опустить важную особенность – свободу. Чайная сцена не ограничивается фор-

³ Примечание: традиция древнего Китая, некий праздник поэтического содружества или способ для образованной интеллигенции весело провести время. извилистый поток означает изогнутый ручей или реку, кубок (觥) – сосуд для вина, а плывущий кубок – плывущий сосуд для вина. В Древнем Китае каждый год в третий месяц по лунному календарю берега бурного ручья или реки люди бросали кубок, и тот, напротив кого останавливался плывущий кубок, должен был выпить вино.

мой. Не существует двух идентичных чайных пространств даже при условии, что они оформлены одним и тем же человеком. Чайная сцена – свободное выражение собственного понимания чайной церемонии в условиях текущего времени и окружающей обстановки. К основным элементам чайного пространства относятся чай, чайные принадлежности, украшения для оформления стола, цветы, картины, благовония и многое другое. Чай является ключевым элементом чайной сцены и основой ее организации. У чайных любителей есть свобода выбора: они могут выбирать между зеленым и черным или белым и желтым чаем т.д. Также существует огромный ассортимент посуды для чаепития, в связи с этим одни люди предпочитают стеклянную посуду, другие – глиняную, третьи – керамическую. Разнообразие чайников для чайной церемонии весьма впечатляет: некоторые изготовлены из железа, другие – из серебра. Настоящие ценители чая выбирают форму, цвет и текстуру чайной утвари, принимая во внимание следующие факторы: собственные предпочтения, практичность, эстетику, сочетаемость с другими предметами, сорт чая, окружающую обстановку, пору года и т.д. В основе чайной сцены в японском стиле находится мировоззрение ваби-саби⁴, а в основе чайной сцены в китайском стиле – единство природы и человека, а также буддистская поговорка «Чай и чань одного вкуса». Чайная сцена представляет собой свободное выражение культуры, в том числе чайной культуры разных стран.

3. Основные функции чайной сцены

Несмотря на то, что у дизайнера есть определенная свобода, существуют и обязательные требования, которые необходимо соблюдать при оформлении чайной сцены. Изначально выделяли две основные функции данного пространства: практическую и эстетическую. Постепенно появилась еще одна важная функция – коммуникативная. Оформление чайной сцены должно быть логичным, поскольку она должна иметь и практическую значимость, и эстетическую ценность.

1) Практическая функция

Практичность – это основное требование на первом этапе оформления чайной сцены. Образованные люди в Древнем Китае устраивали чаепитие, чтобы встретиться с друзьями, воссоединиться с природой, провести диалог с собой. Идеальной чайной сценой считается та, которую

4 Примечание: ваби-саби – обширная часть японского эстетического мировоззрения: «ваби» ассоциируется со скромностью, одиночеством, не яркостью, однако внутренней силой; «саби» – с архаичностью, неподдельностью, подлинностью.

можно применить на практике. Например, когда чайные принадлежности логично сочетаются между собой, а их внешний вид и параметры (например, высота и ширина стола; вес чайника, вазы и т.д.) не влияют на удобство их использования. В процессе чаепития все участники, в том числе организатор, мастер и чайный ценитель, должны чувствовать себя комфортно, поэтому необходимо продумать все до мелочей, включая высоту и ширину столов и стульев. Эстетическое значение чайной сцены утратит свою практическую ценность в том случае, если данным местом можно только наслаждаться и ничего более.

2) Эстетическая функция

Красота – это свойство, характерное всем видам искусства. Чувство прекрасного – способность субъективно отражать, воспринимать, наслаждаться и оценивать красоту в процессе эстетического восприятия. Проявление данного чувства особенно важно для участников чаепития. Чувство прекрасного является основной ценностью чайного искусства. Для удачного оформления чайной сцены должны учитываться форма, баланс и гармония. Участники чайной церемонии должны быть красиво одеты, их движения должны быть плавными. Кроме того, необходимо уделять особое внимание чайным принадлежностям, форме и цветовой палитре букетов. Закуски, фрукты и другие предметы, расположенные на столе, должны сочетаться между собой, тем самым вызывая у людей эстетическое чувство прекрасного. В китайской живописи существует понятие «пустого пространства». Данное понятие часто употребляется и в области китайской чайной культуры. Для создания выдающегося произведения искусства следует различать первичное и вторичное, воображение и реальность. Таким образом, чайная сцена и есть красота. Различают статистическую и динамическую красоту, изолированную и неделимую. Благодаря красоте и гармонии каждый человек, находясь рядом с чайной сценой, погружается в особую атмосферу данного пространства.

3) Коммуникативная функция

Чайная сцена является индивидуальным видением его дизайнера (мастера чайной культуры). Через оформление данного пространства специалист демонстрирует собственное понимание чайной церемонии. На заключительном этапе оформления чайной сцены мастер заваривает чай и объясняет тонкости чайной церемонии. Такого рода комментарии помогают обозначить главную тему ритуала. Таким образом, это процесс обмена информацией между мастером и другими участниками чаепития. Наблюдая за разными этапами чайной церемонии, участники могут общаться не только друг с другом, но и с мастером. Так проявляется

коммуникативная функция чайной сцены. Представление одной чайной сцены – это динамичный процесс показания красоты чайной церемонии и заваривания чая. Мы пришли к выводу, что различные этапы заваривания чая также являются коммуникативными процессами.

Заключение

Чайная сцена является важным видом чайного искусства. Чайная сцена, с одной стороны, является ограниченным явлением, с другой стороны, безграничным. Ее пространство ограничено, но духовная составляющая необъятна. Бесконечная красота чайного духа (красота чайной философии, чайной церемонии) имеет определенные рамки. Чайная сцена материальна и в то же время духовна. Чайная сцена – это собственное понимание китайских ценителей чая сути чайной церемонии, а также чайной культуры в целом. Чайная сцена появилась благодаря чайной культуре и является ее естественным продолжением. Чайные сцены разных периодов имеют свои отличительные особенности. Данное место, являясь уникальным эстетическим пространством, отражает особенности чайной культуры каждого периода.

В настоящее время чайные сцены в Китае становятся все более популярной формой чайной культуры. Основные характеристики китайской чайной сцены, независимо от ее разнообразия и содержания, неотделимы от китайской чайной культуры. Будучи главным символом чайной культуры, чайная сцена объединяет гуманность, красоту, добродетель, мир и гармонию. В данном исследовании была предпринята попытка изучить лишь основные понятия, характеристики и функции чайной сцены, в связи с чем автор считает целесообразным дальнейшее изучение данного вопроса.

Список литературы:

1. Пан Чэнг: Искусство чайной сцены, Пекин: China Agriculture Press, 2018.
2. Цяо Мусэн: Оформление чайной сцены, Шанхай: Shanghai Culture Publishing House, 2005.
3. Ван Инсинь: Гуманность чайной сцены, Цзинань: Shandong Pictorial Publishing House, 2017.
4. Чжоу Синьхуа: Расширение концепции пространства чайной культуры и совершенствование функций чайной сцены // Сельскохозяйственная археология. 2011. № 2.
5. Чжоу Чжисю: Исследование эстетики чайной сцены: Создание чайной сцены и награды, Пекин: China Agricultural Press, 2021.
6. Цяо Мусэн: Чайная сцена для гармоничной жизни // Чайная археология. 2006. № 2.

References

1. Pan Cheng: The Art of the Tea Scene, Beijing: China Agriculture Press, 2018.
2. Qiao Museng: Tea Scene Design, Shanghai: Shanghai Culture Publishing House, 2005.
3. Wang Yingxin: The Humanity of the Tea Scene, Jinan: Shandong Pictorial Publishing House, 2017.
4. Zhou Xinhua: Expanding the concept of tea culture space and improving the functions of the tea scene // Agricultural archeology. 2011. № 2.
5. Zhou Zhixiu: Exploring the Aesthetics of the Tea Scene: Creating the Tea Scene and Awards, Beijing: China Agricultural Press, 2021.
6. Qiao Museng: Tea Scene for Harmonious Life // Tea Archeology. 2006. № 2.

Аннотации

Баглиева А.З.

Баглиева З.З.

Этнонациональное самосознание и менталитет народов Дагестана - важный фактор политической стабильности современного общества

Актуальность статьи заключается в философском осознании этнонационального самосознания дагестанских народов, играющего важную роль в стабилизации политической обстановки на Северном Кавказе, определяющим фактором в общественном развитии — социальном, экономическом, духовном. В статье анализируется понятие этнической идентичности, этнического самосознания в аспекте определения человеком своей принадлежности к тому или иному этносу, а также как отражение множественности уровней самосознания. Этническая идентичность дагестанцев представляет собой совокупность следующих компонентов: язык, этническая территория, этногенетические предания и мифы, традиции, обычаи, горский этикет, весь спектр элементов бытовой, духовной и поведенческой культуры.

Ключевые слова: самосознание, менталитет, этнос, этнонациональный, полиэтнический, консолидация, самоидентичность.

Нина Рамос Росио Леонор

Подходы ведущих мировых держав к формированию нового мирового порядка

Внешнеполитический вектор ключевых политических акторов мировой политики ориентирован на построение мирового порядка, который в наибольшей степени отвечает их национальным интересам. Ключевой целью внешнеполитического вектора США является формирования мира, основанного на правилах в интерпретации США. Европейский союз реализует внешнеполитический вектор, направленный на реализацию концепции многостороннего мира. Внешняя политика Китая ориентирована на формирование многостороннего мирового порядка, что отражено в концепции сообщества единой судьбы человечества. Внешнеполитический вектор России ориентирован на формирование полицентрического мирового порядка, основанного на полноправии ключевых акторов мировой политики в процессе осуществления глобального управления.

Сегодня наблюдается тенденция формирования нового центра силы в Латинской Америке. Крупнейшей страной региона является Бразилия, которая имеет наибольший потенциал для формирования регионально-го центра. Внешняя политика Бразилии ориентирована на построение многополюсного мира, где центром Латинской Америки должна стать сама Бразилия. Ключевым здесь является фактор успешной региональной интеграции, благодаря которой страны Латинской Америки смогут занять более высокие позиции в рейтинге международной конкурентоспособности, укрепить свои позиции в мировой экономике и политике.

Ключевые слова: мировой порядок, однополярный мир, мир, основанный на правилах, полицентричный мир, многосторонний мир.

Трофимова Н.Н.

Формирование цифровой культуры

как инновационный процесс развития цифрового общества

В статье рассматриваются понятия цифровой трансформации и цифровой культуры как неотъемлемых процессов цифровизации общества и экономики. Автор подчеркивает, что в условиях высокодинамичных изменений для обеспечения конкурентоспособности предприятиям необходимо быстро адаптироваться к внешним изменениям, включая потребительские предпочтения и требования рынка. Однако традиционная форма корпоративной культуры является одним из ключевых барьеров, препятствующих цифровой трансформации. Подчеркнута актуальность создания цифровой культуры в рамках организации. Выделены преимущества цифровой культуры по сравнению с традиционной моделью. Описаны основные способы достижения конкурентоспособности организации благодаря цифровой культуре. Сформулированы показатели, с помощью которых можно оценить уровень развития цифровой культуры. Выделены ключевые проблемы, с которыми сталкивается руководство при попытке трансформации организационной культуры. Обосновано, что признаком высокой цифровой культуры и цифровой зрелости предприятий является видение и понимание контекста цифровой трансформации, а формирование цифровой культуры как ключевого фактора трансформации является сложным и неоднозначным процессом. Научная новизна и практическая значимость работы заключается в том, что автором выделены наиболее важные характеристики эффективной корпоративной культуры предприятий в современных условиях.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая зрелость, цифровая культура, эффективность бизнеса, корпоративная культура.

Иларионова Т.С.

**Российские немцы в интернете:
любительский интерес к истории**

Интернет для народов России является еще и этнокультурным пространством, где есть возможность удовлетворять различные потребности и интересы. Для российских немцев на протяжении всего послевоенного периода острой остается проблема восприятия прошлого, оценка депортации, которую пережили советские граждане немецкой национальности в годы Великой Отечественной войны. Наряду с профессиональными историками в сети появилось значительное количество любительских сайтов, блогов, публикаций в социальных сетях о прошлом и настоящем народа.

Цель исследования – определить точки соприкосновения официальной (зарегистрированной) прессы российских немцев и пользовательских публикаций по вопросам истории репрессированного в советское время народа. Делается вывод о том, что сегодня профессиональные медиа российских немцев ориентируются на общественно-политические интересы, тогда как пользовательские активности стремятся удовлетворить частные интересы. Можно говорить о своего рода расслоении официальных и неофициальных медиа, возникают параллельные информационные пространства, рассчитывающие на привлечение разных аудиторий. Но вряд ли это можно оценивать негативно.

Ключевые слова: российские немцы, медиа-активность, история российских немцев, сайты российских немцев, СМИ российских немцев.

Махмудов А.С.

**Категория «институт»
в системе нового институционализма в политологии**

Институциональная методология политических исследований, особенно ее новое ответвление (new institutionalism), в современной системе социальных наук является популярным направлением. В данной статье речь пойдет об определении категории «институт» в системе нового институционализма. Это связано с тем, что все больше исследований в социальных науках ориентируется на междисциплинарный подход, и поэтому для нас важно системно проанализировать институт в качестве новой исследовательской парадигмы.

Ключевые слова: институционализм, новый институционализм, политология, теория политики, политическая теория.

Бирюков И.Л.

Денисова Л.Л.

Похилько А.Д.

**Ценностные ориентации молодежи
в социокультурном контексте молодежной политики**

На материале полевых исследований рассматриваются изменения в ценностных ориентациях молодежи, связанные с идеями патриотизма, духовности и культурной идентификации. Непосредственно предметом изучения выступают вопросы воспитательной работы с молодежью на стыке таких научных дисциплин как политическая теология, спортивная политика и философия спорта. Осуществляется обзор основных показателей исследования духовности спортсменов, анализируются общие закономерности и тенденции развития ценностных ориентаций молодежи пяти регионов России. Делаются теоретические выводы о том, что проявляется динамика политизации молодежи, ее стремление к личностному саморазвитию. Полученные результаты можно применять в теоретических моделированиях культурной политики малых групп, а также в прикладной работе с обучающимися в регионах.

Ключевые слова: патриотизм, духовные ценности, политическая культура, ценностные ориентации молодежи, молодежная политика.

Федирко О.П.

Крупянки А.А.

**Самоидентификация населения
современной Амурской области
и его готовность к миграции
(по материалам социологического опроса)**

Статья отражает результаты опроса, проведенного на территории Амурской области с апреля 2020 по сентябрь 2021 с целью оценки самоидентификации населения. При этом были использованы базовые методики социологического исследования: количественное исследование и глубинные интервью. Авторы проанализировали ответы на три группы поставленных вопросов, связанных с определением этнической самоидентификации, готовности к миграции и идентификацией себя с предложенными группами.

Ключевые слова: самоидентификация, этнос, миграция, Амурская область, социологический опрос.

Эволюция развития стратегического восприятия США в Центральной Азии

Изменения в стратегическом восприятии США по отношению к Центральной Азии - важнейший аспект для понимания общего развития и будущего направления стратегии Соединенных Штатов в Центральной Азии. Пять последовательных стратегических документов США на тему Центральной Азии показали, что Соединенные Штаты были вовлечены в дела Центральной Азии на протяжении последних 30 лет. В документах можно просмотреть и выделить два контекста стратегического развития. Первый - контекст развития «Евразийской стратегии - стратегии Афганистана - стратегии Центральной Азии». Второй - контекст развития «Евразийской экономической стратегии - экономической стратегии Афганистана - всеобъемлющей стратегии безопасности Центральной Азии». В «Стратегии США в Центральной Азии (2019-2025): Укрепление суверенитета и содействие экономическому процветанию» от 5 февраля 2020 года впервые была упомянута идея, отражающая серьезные изменения в стратегическом восприятии Центральной Азии американскими политиками. Впервые было объявлено, что США вступит в активный стратегический период в регионе Центральной Азии.

Ключевые слова: стратегия США в Центральной Азии, стратегическое восприятие, стратегическая позиция, стратегическая роль.

Храбина Йозеф

Хищники и добыча: хищение как стратегия завоевания

В статье рассматривается недавно представленная теория хищничества как расширение теории перехода власти, которое объясняет доводы, лежащие в основе хищничества растущих государств и, возможно, изменения статус-кво. Основная цель рукописей - указать на то, что хищничество - это не только поведение, предполагаемое восходящими государствами по отношению к тем, кто падает, но и другие великие державы, проводящие хищническую политику в качестве стратегии завоевания. Результаты исследования демонстрируют универсальность хищничества в случаях, когда восходящие актеры стремятся к расширению, устанавливая хищных гегемонов и актеров, стремящихся предотвратить их упадок. Таким образом, центральный аргумент проверяется на тематических исследованиях восходящей великой державы - США XIX века, установленный гегемон - США 20-го века, и приходящее в упадок ревизионистское государство - современная Турция. С учетом сказанного,

тематическое исследование является основным методом исследования рукописей. В то же время теория перехода власти, теория гегемонистской стабильности и неоклассический реализм являются центральными парадигмами, которые можно найти в статье.

Ключевые слова: геополитика, великие державы, структура, экспансия, ревизионизм, неоклассический реализм.

Оян Мэйхэ
Чжоу И

**Обзор обучения приезжающих
в Китай иностранных студентов в течение 13-й пятилетки
Шанхайского политико-юридического университета**

13 сентября 2013 г. на 13-м заседании Совета глав государств государств-членов Шанхайской организации сотрудничества председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что Китай создаст Центр международной юридической подготовки и сотрудничества для ШОС (Китай) в Шанхайском политико-юридическом университете, используя эту платформу для подготовки юридических кадров для других государств-членов. Основываясь на этом духе в период 13-й пятилетки в сфере обучения приезжающих в Китай иностранных студентов Шанхайский политико-юридический университет уделяет особое внимание странам ШОС, активно воображал и действовал, подготовил таланты с «шестью качествами С» и международным видением. В данной статье рассматривается обучение приезжающих в Китай иностранных студентов Шанхайского политико-юридического университета в период 13-й пятилетки, анализируются достижения и существующие проблемы в работе по обучению иностранных студентов в период 13-й пятилетки, а также выдвигаются новые идеи для дальнейшего развития в будущем.

Ключевые слова: 13-я пятилетка, Шанхайская организация сотрудничества, обучение приезжающих в Китай иностранных студентов, Шанхайский политико-юридический университет, Центр международной юридической подготовки и сотрудничества для ШОС (Китай).

Евсюков А.А.

**Оценка влияния пандемии Covid-19
на деятельность транснациональных корпораций**

В статье рассматриваются факторы, вызванные пандемией Covid-19 и их влияние на деятельность ТНК, рассмотрены аспекты механизмов реагирования органов государственной власти в условиях пандемии.

Предложен метод классификации ТНК по их способности адаптироваться к изменяющимся условиям обстановки, оценен ускоренный процесс дигитализации вызванный необходимостью введения карантина в период пандемии.

Ключевые слова: транснациональные корпорации, бизнес-структуры, пандемия, нации-государства, мировая политика, мировая экономика, государственное регулирование, дигитализация, искусственный интеллект, ТНК, карантин.

Чжан Сяолин

**Чайная сцена в традиционной китайской чайной культуре:
определение, характеристики и функции**

Чайная культура – это лучший ключ к пониманию китайской цивилизации, важный носитель традиционной китайской культуры, а также главное средство ее распространения во всем мире. Популяризация китайской чайной культуры за пределами Поднебесной способствует распространению не только чайной культуры, но и национальной истории. Это также положительно влияет на имидж страны, стимулирует уверенность нации в собственной культуре, распространяет китайскую чайную культуру по всему миру. В данной статье в качестве объекта исследования выступает чайное пространство, точнее говоря, изучение особенностей, функций и определения «чайной сцены». Чайная сцена – это популярная форма выражения чайной культуры в области китайской чайной традиции в последнее время. Чайная культура – ключ к пониманию китайской цивилизации, чайная сцена – к пониманию эстетики китайского чая. Цель данной работы – определить понятие, описать характеристики и проанализировать функции чайной сцены.

Ключевые слова: Китай, чайная культура, чайная сцена, эстетика, пространство, функции.

Abstracts

Baglieva A.Z.

Baglieva Z.Z.

**The ethno-national identity and mentality of the peoples
of Dagestan is an important factor
in the political stability of modern society**

The relevance of the article lies in the philosophical awareness of the ethno-national identity of the Dagestan peoples, which plays an important role in stabilizing the political situation in the North Caucasus, a determining factor in social development — social, economic, spiritual. The article analyzes the concept of ethnic identity, ethnic self-consciousness in the aspect of determining a person's belonging to a particular ethnic group, as well as as a reflection of the multiplicity of levels of self-consciousness. The ethnic identity of Dagestanis is a combination of the following components: language, ethnic territory, ethnogenetic legends and myths, traditions, customs, mountain etiquette, the whole spectrum of elements of everyday, spiritual and behavioral culture.

Keywords: self-consciousness, mentality, ethnos, ethnonational, polyethnic, consolidation, self-identity.

Nina Ramos Rocio Leonor

**Approaches of the leading world powers
to the formation of a new world order**

In modern conditions, there are processes of transformation of the world political paradigm aimed at the genesis of a new world order. In these conditions, the foreign policy vector of key political actors in world politics is focused on building a world order that most closely meets their national interests. The article shows that the key goal of the US foreign policy vector is to maintain its influence in the world political arena, which creates the need to form a world based on rules. A world based on rules, as interpreted by the United States, presupposes compliance by all countries of the world community with the rules that are established on the basis of international organizations by the leading countries of the world, led by the United States.

At the same time, the European Union is implementing a foreign policy vector aimed at implementing the concept of a multilateral world, which involves the involvement of all countries of the world in the processes of developing global solutions, subject to the agreed rules of conduct by these countries. The European Union itself should become the generator of these rules.

China's foreign policy is also focused on the formation of a multilateral world order, which is reflected in the concept of a community of the common destiny of mankind. The concept was based on China's soft power policy and the formation of a balance of bilateral interstate relations on a mutually beneficial basis.

Russia's foreign policy vector is focused on the formation of a polycentric world order based on the full rights of key actors in world politics in the process of implementing global governance.

Today there is a tendency to form a new center of power in Latin America. The largest country in the region is Brazil, which has the greatest potential to form a regional center. Brazil's foreign policy is focused on building a multipolar world, where Brazil itself should become the center of Latin America. The key here is the factor of successful regional integration, thanks to which the countries of Latin America will be able to take higher positions in the rating of international competitiveness, strengthen their positions in the world economy and politics.

Keywords: world order, unipolar world, world based on rules, paradigm, polycentric world, multilateral world.

Trofimova N.N.

Formation of digital culture as an innovative process of digital society development

The article discusses the concepts of digital transformation and digital culture as integral processes of digitalization of society and the economy. The author emphasizes that in conditions of highly dynamic changes, in order to ensure competitiveness, enterprises need to quickly adapt to external changes, including consumer preferences and market requirements. However, the traditional form of corporate culture is one of the key barriers to digital transformation. The urgency of creating a digital culture within the organization is emphasized. The advantages of digital culture in comparison with the traditional model are highlighted. The main ways of achieving the competitiveness of an organization through digital culture are described. The indicators are formulated, with the help of which it is possible to assess the level of development of digital culture. The key problems that management faces when trying to transform organizational culture are highlighted. It is proved that a sign of high digital culture and digital maturity of enterprises is the vision and understanding of the context of digital transformation, and the formation of digital culture as a key factor of transformation is a complex and ambiguous process. The scientific novelty and practical significance of the work lies in the fact that the author highlights the most important characteristics of an effective corporate culture of enterprises in modern conditions.

Keywords: digitalization, digital maturity, digital culture, business efficiency, corporate culture.

Ilarionova T.S.

Russian Germans on the internet: amateur interest in history

The Internet for the peoples of Russia is also an ethnocultural space, where it is possible to satisfy various needs and interests. For Russian Germans throughout the

entire post-war period, the problem of the perception of the past, the assessment of the deportation that Soviet citizens of German nationality experienced during the Great Patriotic War remain acute. Along with professional historians, a significant number of amateur sites, blogs, publications on social networks about the past and present of the people have appeared on the network.

The purpose of the study is to determine the points of contact between the official (registered) press of Russian Germans and user publications on the history of the people repressed in Soviet times. It is concluded that today the professional media of Russian Germans are guided by public and political interests, while user activities tend to satisfy private interests. We can talk about a kind of stratification of official and unofficial media, there are parallel information spaces that count on attracting different audiences. But this can hardly be assessed negatively.

Keywords: Russian Germans, media activity, history of Russian Germans, web-sites of Russian Germans, mass media of Russian Germans.

Makhmudov A.S.

The category “institution” in the system of new institutionalism in political science

The institutional methodology of political research, especially its new offshoot (new institutionalism), is a popular trend in the modern system of social sciences. This article will focus on the definition of the category “institution” in the system of new institutionalism. This is due to the fact that more and more research in the social sciences is oriented towards an interdisciplinary approach, and therefore it is important for us to systematically analyze the institution as a new research paradigm.

Keywords: institutionalism, new institutionalism, political science, theory of politics, political theory.

Biryukov I.L.

Denisova L.L.

Pokhilko A.D.

Value orientations of young people in the sociocultural context of youth policy

Based on the material of field research, changes in the value orientations of young people associated with the ideas of patriotism, spirituality and cultural identification are considered. The direct subject of study is the issues of educational work with young people at the junction of such scientific disciplines as political theology, sports politics and philosophy of sports. A review of the main indicators of the study of the spirituality of athletes is carried out, general patterns and trends in the development of value orientations of young people in five regions of Russia are analyzed. Theoretical conclusions are made that the dynamics of politicization of young people, their desire for personal self-development are manifested. The results obtained can be applied in

theoretical modeling of the cultural policy of small groups, as well as in applied work with students in the regions.

Keywords: patriotism, spiritual values, political culture, value orientations of youth, youth policy.

Fedirko O.P.
Krupyanko A.A.

**Self-identification
of the population of the modern Amur region
(based on the materials of a sociological survey)**

The article is devoted to the study of the results of a sociological survey conducted in the Amur Region from April 2020 to September 2021 in order to assess the self-identification of the population of the modern Amur Region. Using the basic methods of sociological research: quantitative research and in-depth interviews, the authors analyzed the answers to three groups of questions related to the definition of ethnic identity, readiness for migration and self-identification with the proposed group.

Keywords: self-identification, ethnicity, migration, Amur Region, sociological survey.

Shen Xiaochen

**Evolution of the United States'
strategic perception on the Central Asia**

The strategic perceptions could be a valid even critical version to investigate the evolution and development tendency of United States strategy for Central Asia. The five strategic documents from late 1990's to 2020 revealed two lines of strategic perception evolution during the 30 years' history of United States' engagement in the Central Asia: one is the "Eurasian strategy-Afghanistan Strategy-Central Asian Strategy" line surrounded by its perception on Central Asia's strategic role; and the other one is the "Eurasia Economic Strategy-Afghanistan Economic Strategy-Central Asian Security Strategy" line of how United States perceived of Central Asia's strategic function. Two lines had joined together for the first time in the "United States Strategy for Central Asia 2019-2025" which enacted on February 5th, 2020, the latest one of five strategic documents, reflected a fundamental change in United States' strategic perception on the Central Asia that it will initiate a proactive strategy era in this area.

Keywords: United States' Central Asia strategy, Strategic Perception, Strategic Role, Strategic Function.

Jozef Hrabina

Predators and preys: predation as strategy for conquest

The article deals with the recently introduced Predation Theory as the Power Tran-

sition Theory expansion that illuminates the reasoning behind rising states predation and possibly the status quo revision. Manuscripts' main aim is to point out that predation is not only behavior implied by rising states toward decliners, but also other great powers engage in predatory policies as strategy for conquest. Findings of the study demonstrate the predation versatility in cases of ascending actors aiming to expand, established predatory hegemon and actors aiming to prevent their decline. Therefore, the central argument is being tested on the case studies of ascending great power- the 19th century U.S., established hegemon - the 20th century U.S., and declining revisionist state- contemporary Turkey. With that said, the case study is the manuscripts' primary research method. Simultaneously, the Power Transition Theory, Hegemonic Stability Theory and Neoclassical Realism are the central paradigms that can be found in the article.

Keywords: geopolitics, great powers, structure, expansion, revisionism, neoclassical realism.

Ouyang Meihe
Zhou Yi

**An overview of the study of foreign students coming
to China during the 13th five-year plan
of the Shanghai University of Politics and Law**

On September 13, 2013, at the 13th meeting of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organization, Chinese President Xi Jinping announced that China would establish a Center for International Legal Training and Cooperation for the SCO (China) at the Shanghai Political and Law University, using this platform to legal training for other member states. Based on this spirit, during the 13th five-year plan in the field of training foreign students coming to China, the Shanghai Political and Law University pays special attention to the SCO countries, actively imagined and acted, prepared talents with the "six qualities of C" and an international vision. This article examines the training of foreign students coming to China from the Shanghai Political and Law University during the 13th Five-Year Plan, analyzes the achievements and existing problems in the work of teaching foreign students during the 13th Five-Year Plan, and puts forward new ideas for further development in the future.

Keywords: 13th Five-Year Plan, Shanghai Cooperation Organization, training of foreign students coming to China, Shanghai Political and Law University, Center for International Legal Training and Cooperation for the SCO (China).

Evsuykov A.A.

**Assessment of the impact of the COVID-19
pandemic on transnational corporations**

The article examines the factors caused by the Covid-19 pandemic and their impact on the activities of TNCs, considers aspects of the response mechanisms of

public authorities in the context of a pandemic. A method for classifying TNCs according to their ability to adapt to changing conditions is proposed, and the accelerated process of digitalization caused by the need to introduce quarantine during a pandemic is estimated.

Keywords: transnational corporations, business structures, pandemic, nation-states, world politics, world economy, government regulation, digitalization, artificial intelligence, TNCs, quarantine.

Zhang Xiaoling

**Tea Scene in traditional Chinese tea culture:
definition, characteristics and functions**

As one of the integral part of Chinese traditional culture, Chinese tea culture plays a prominent role in understanding and spreading Chinese culture all over the world. The widespread of Chinese tea culture may contribute to the global community's better understanding of Chinese tea history as well as the national history of China. It has positive influence on shaping a diversified and aesthetic Chinese national identity, and improving Chinese people's culture confidence and the status of Chinese tea culture in the international tea community. In this paper, the author takes the tea space as the research object. More specifically, the research will focus on the concept, basic characteristics and main functions of the Tea Scene (Cha Xi in Chinese) in Chinese tea culture space. As the key to understand the quintessential expression of aestheticism of tea culture in traditional Chinese tea ceremony, Tea Stage is a quite popular form of tea culture expression and activity in Chinese tea culture in recent years. This paper aims to define the concept of Tea Stage and analyze its characteristics and functions as well.

Keywords: China, tea culture, Tea Scene, aesthetics, space, function.

Авторы

Баглиева А.З. - доцент кафедры социогуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет», доктор философских наук.

Баглиева З.З. - доцент кафедры гуманитарных дисциплин ГАОУ ВО «Дагестанский государственный университет народного хозяйства», кандидат исторических наук.

Бирюков И.Л. - аспирант Армавирского государственного педагогического университета.

Денисова Л.Л. - кандидат политических наук, доцент Армавирского государственного педагогического университета.

Евсюков А.А. - соискатель Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования, Российский университет дружбы народов. Заместитель коммерческого директора ПАО «НПП Радар-ММС», г. Санкт-Петербург.

Иларионова Т.С. - Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Крупянкин А.А. - кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Отдела экспертных работ, ООО Научно-производственный центр историко-культурной экспертизы.

Махмудов А.С. - старший преподаватель кафедры «Права и политологии» Дагестанского государственного технического университета. Эксперт РОО «Город – XXI век». Член Научного Совета рецензируемого журнала «Власть истории».

Нина Рамос Росио Леонор - аспирантка кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности России, Факультет национальной безопасности Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Похилько А.Д. - доктор философских наук, профессор Армавирского государственного педагогического университета.

Трофимова Н.Н. - кандидат экономических наук, доцент. Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.

Федирко О.П. - доктор исторических наук, доцент ведущий науч-

ный сотрудник Отдела социально-политических исследований ФГБУН. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

Храбина Йозеф - аспирант факультета Международных отношений. Московский государственный институт международных отношений, ведущий аналитик Совета словацких экспортеров.

Шэнь Сяочэнь - доктор юридических наук, младший научный сотрудник Шанхайского политико-юридического университета, работает в Центре международной юридической подготовки и сотрудничества для ШОС (Китай).

Чжан Сяолин - кандидат наук, старший преподаватель Института языков и культуры Шанхайского политико-юридического университета. (Шанхай, Китай).

Чжоу И - старший преподаватель. Шанхайский политико-юридический университет (Шанхай, Китай).

Оян Мэйхэ - профессор. Шанхайский политико-юридический университет (Шанхай, Китай).

Authors

Baglieva A.Z., Associate Professor of the Department of Socio-Humanitarian Disciplines of the Dagestan State Pedagogical University.

Baglieva Z.Z., Associate Professor of the Department of Humanities of the State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Dagestan State University of National Economy”, Candidate of Historical Sciences.

Biryukov I.L., Postgraduate student of Armavir State Pedagogical University.

Denisova L.L., Candidate of Political Science, Associate Professor, Armavir State Pedagogical University.

Evsuykov A.A., Applicant for the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Russian Peoples’ Friendship University”. Deputy Commercial Director of PJSC “NPP Radar-MMS”, Saint Petersburg.

Fedirko O.P., Doctor of Historical Sciences. Leading Researcher of the Social and Political Studies Department. The Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences. Institute of History, Archeology and Ethnography.

Ilarionova T.S., Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Jozef Hrabina, Graduate Student of the faculty of International Relations. Moscow State Institute of International Relations, Senior analyst of the Council of Slovak Exporters.

Krupyanko A.A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of Department of Expert Works. Scientific Production Centre of the Historical and Cultural Expertise Limited liability company.

Makhmudov A.S., Senior Lecturer, Department of Law and Political Science. Dagestan State Technical University. Member of the Scientific Council of the peer-reviewed journal “The Power of History”. Expert of the Regional public organization to support social city programmes “The city in the XXI century”.

Nina Ramos Rocio Leonor, Postgraduate student, Department of International Security and Foreign Policy of Russia, Faculty of National Security,

Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Pokhilko A.D., Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Law and Social Sciences and Humanities, Armavir State Pedagogical University.

Shen Xiaochen, Doctor of Law, Assistant Researcher, Shanghai University of Political Science and Law. Shanghai, China.

Trofimova N.N., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor. Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.

Ouyang Meihe, Professor. Shanghai University of Politics and Law (Shanghai, China).

Zhang Xiaoling, PhD, Senior Lecturer of the School of Languages and cultures, Shanghai University of Political Science and law.

Zhou Yi, Senior Lecturer. Shanghai University of Politics and Law (Shanghai, China).

**ПРОДОЛЖАЕМ КОНКУРС
НА ЛУЧШУЮ НАУЧНУЮ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКУЮ РАБОТУ**

ПО ТЕМЕ:

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА, ЦИФРОВАЯ
ЭКОНОМИКА И ЭТИКА**

С целью выявления идей, их обобщения,
анализа и апробации журнал проводит конкурс
на лучшую статью (тезисы, размышления)
для совершенствования стратегического курса
межнациональных отношений, экономики регионов,
и конструктивного пути развития

Работы направлять по адресу:
etnosocium@mail.ru
Факс +7 (495) 708 3000
Справки по тел. +7 (495) 708 3000

**ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ
В МЕЖДУНАРОДНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЭТНОСОЦИУМ»**

1. Предоставляемые материалы должны быть актуальными и новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. К материалу необходимо прилагать аннотацию на русском и английском языках (объемом не более 1000 знаков), авторский перевод заглавия статьи, фамилию и имя автора, список ключевых слов на русском и английском языках, а также приставленный библиографический список.
3. Обязательно следует указать фамилию, имя и отчество автора, ученую степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы, контактные телефоны, полный домашний адрес и адрес электронной почты.

**Все права защищены. При использовании
материала ссылка на журнал
«Этносоциум и межнациональная культура» обязательна.**

Журнал получают:

- Администрация Президента РФ;
- Аппарат полномочных
представителей Президента РФ
в федеральных округах;
- Государственная Дума;
Аппарат Правительства РФ;
- Совет Федерации РФ;
- Министерства, федеральные
службы и агентства РФ;
- Совет Безопасности РФ;
- Конституционный Суд РФ.

Оформить подписку на журнал можно (начиная с любого номера) в редакции тел.: (495) 708-30-00,
факс: (495) 708-30-00 или через электронный каталог
ИНТЕР-ПОЧТА, а также во всех отделениях почтовой связи
через Объединенный каталог «Пресса России»
и каталог агентства «Роспечать». Индекс: 70759

Наш сайт: www.etnosocium.ru

E-mail: etnosocium@mail.ru

Тел.: +7 (495) 708-3000

Необходимую научную литературу
Вы можете приобрести на сайте www.etnosocium.ru

Оригинал-макет подготовлен Международным издательским центром «ЭТНОСОЦИУМ»
Отпечатано в типографии Международного издательского центра «ЭТНОСОЦИУМ»,
105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Зам.главного редактора С.В. Чапкин

Редактор Н.Э. Архипова

Корректор Е.А. Белоусова

Корректор Англ. Яз. Иванова Т.С.

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro.

Формат 60х90/8. Тираж 1000 экз. Усл. п. л. 9,125